

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

2. 2014

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
территориального развития,
национальной политики и
массовых коммуникаций ЧР.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –

**Ахмадов
Муса Магомедович**

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхиев

Рукописи принимаются
редакцией в первом и втором
экземплярах, а также на
электронных носителях.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051
г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45
E-mail: vaynah_az1@bk.ru
<http://www.vaynah.at.ua>
<http://www.j-vaynah.ru>

**Журнал выходит один
раз в месяц. 16+**

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК
«Грозненский рабочий»
364021 ЧР, г. Грозный,
ул. Интернациональная, 12/35
Подписано в печать
20.02.14

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № ____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТЬ

- Саламбек АЛИЕВ *Пусть больше никто не увидит
Айна-Булак!*.....2
- А. САДУЛАЕВ, М. МАЕНКО, В. ВЫСОЦКИЙ,
Ю. ГУСИНСКИЙ, У. ЯРИЧЕВ. Стихи.....13
- Хамзат САЛАМОВ. *Повесть о приемной матери*.....25
- Тауз ИСС. *День молчания., Дорога*.....62
- Мухтар ИБРАГИМОВ, Гунки ХУКИЕВ.
По следам далекой трагедии.....70
- Боль, пронесенная сквозь время... Подготовил
Арби ПАДАРОВ*.....79

ПРОЗА

- Муса БЕКСУЛТАНОВ. *В тот день в Чечне, в день,
когда убили этого мальчика... Рассказ. Перевод
Саламбека АЛИЕВА*.....5
- Бувайсар ШАМСУДИНОВ. *Йоьхна Гала... Дийцар*.....16
- Муса АХМАДОВ. *Деревянные куклы*. Рассказ.....42

ПОЭЗИЯ

- Ибрах Гим ЮСУПОВ, 1 абдул-Хьамид ХАТУЕВ,
Кьосум ОСПАНОВ, Хеда БАТАЕВА. *Цьха байт*...22
- Асхаб АЛИЕВ. *Картина*. Стихи.....23
- Майрбек ЛУЛУЕВ. *Смертельный полет*. Стихи.....58

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

- Салих ГУРТУЕВ. *Камень*. Стихи.....40
- Магомет КУДАЕВ. *Горсть ячменя*. Рассказ.....52

ГОЧДАРШ

- КРЫЛОВ И. А., ТЮТЧЕВ Ф. И., НЕКРАСОВ Н. А.,
ХЕТАГУРОВ К. Л. Стихи.....50

ХИЛЛАРШ-ЛЕЛЛАРШ

- Гарби БЕЧУРКАЕВ. «... Со-м дац хьуна, Глазкхи!».....60
- Иийса ОКАРОВ. *Иарьжачу февралан клайн ло*.....64

РЕЦЕНЗИЯ

- Муса БАГАЕВ. *Чеченцы в XVIII веке*.....66

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

- «Высокие горы» Рамзана Паскаева Беседовал
Иса ОКАРОВ.....81

ПУБЛИЦИСТИКА

- Шаран ДАШАЕВ. *Непокоренный*. Очерк.....86
- Саид-Альви ЛУЛУЕВ. *Незаживающая рана вайнахов*...90

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

- Хайбах: следствие продолжается*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

- Роза МЕЖИЕВА. *Фольклорные мотивы
в творчестве мастера*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Саламбек Алиев**Пусть больше никто не увидит Айна-Булак!**

Не ручаюсь за точность того, что моя бабушка выговаривала название этого населенного пункта правильно. Не знаю, существует ли он поныне и обозначен ли на карте современного Казахстана?

Если да – то до каких размеров мог вырасти в наши дни? Может, стал небольшим поселком, а может, давно превратился в процветающий городок? А может, не то и не другое – просто сгинул, как сгинули десятки, сотни чеченцев – от голода и от холода в бескрайних и заснеженных степях. Населенный пункт, если верить слуху моей бабушки, назывался Айна-Булак. Как часто бабушка могла произносить название этого топонима, зависело от нашего поведения в детстве, а именно – когда мы не доедали за столом или же, капризная, вовсе отказывались кушать, ссылаясь на то, что «хлеб не мягкий!», сметана «не сегодняшнего утра, а вчерашнего», манная каша «слишком горячая!» или, напротив, «остыла» – и так далее... В такие моменты бабушка произносила всего одну фразу:

– Шуна ца гина Айна-Булак! (Вы не видели Айна-Булака!)

Это фраза нас, детей, особенно сместила. Более того, в нашем детском языковом обиходе «Айна-Булак» приобрел нарицательный статус. Мы произносили его между собой по поводу или без повода:

– Д1авала д1а, хьуна Айна-Булак а ца гина! (Да иди ты, ты даже Айна-Булака не видел!)

И даже одному соседскому мальчику дали прозвище – Айна-Булак.

Лишь через годы пришла правда – голая, жестокая, страшная правда о выселении.

В тот февральский день 1944 года у бабушки на руках был ее первый ребенок – девочка четырех месяцев от роду. Весь путь – от высокогорного аула до железнодорожной станции города Грозный – молодая мать боялась, что ребенок простудится – то и дело перекутывала его в разное тряпье. Незадолго до въезда в Грозный, одна из сердобольных женщин протянула ей шерстяное одеяло. Положив малыша, молодая женщина так плотно и тщательно заворачивает его в одеяло – только чтобы ребенок мог дышать.

На станции суматоха и давка. Совершенно подавленных и растерянных людей гонят к эшелонам, стоящим на железнодорожных путях. Сверток с ребенком мать кладет чуть повыше перед собой, и уже сама собирается взобраться на подножку вагона. Вдруг раздаются выстрелы – стреляют в воздух. Молодого мужчину с силой толкают вперед и, следом, бьют прикладом в голову...

Потом бабушка говорила, что этот звук – звук с хрустом продавленной детской грудной клетки, она унесет с собой в могилу – молодой человек, подталкиваемый солдатами НКВД, принимает одеяло с ребенком за узелок с вещами...

Прожив долгую и не самую счастливую жизнь (самой же ей казалось, что она живет на этом свете с момента его сотворения), пережив смерть дедушки, трех, уже взрослых детей, четверых родных братьев и еще огромного количества родных и близких, а так же две последние чеченские боины, осенью 2010 года она слегла, чтобы больше не встать. За три дня до смерти, после короткой сонной дремоты, бабушка с улыбкой поведала, что ей осталось уже недолго – только что она видела во сне свою малышку...

Помню еще один бабушкин рассказ – о мужчине с двумя маленькими детьми – мальчик и девочка. Возраст детей бабушка называла приблизительно: семь и пять годиков – мальчик постарше. Кто они и откуда, было неизвестно – вместе с другими чеченцами они уже находились в товарном вагоне на вокзале Грозного. Через две недели все, кто к этому времени выжил, попали в безлюдную и заснеженную местность под названием Айна-Булак. Жалких запасов еды, что оставалась с дороги, хватило лишь на короткое время. Топили снег, разводя его, буквально, чем придется. От голода и холода с каждым днем люди слабели. Мужчина – отец мальчика и девочки, часто выходил из барака и исчезал. Но задерживался недолго. Как только возвращался, напрямик шел к своим детям, лежавшим в сторонке, на некоем подобии топчана, кое-как собранном из гнилого сена. Дети, оба с опухшими животами и с черными кругами под выцветшими глазами, лежат и неделю как не встают. Отец что-то сует им в рот – что, непонятно. Мальчик пытается прожевывать, а у девочки все обратно выступает на губах. То, что девочка выталкивает, мужчина аккуратно сгребает пальцем и кладет в рот мальчику. Девочка умерла в тот день, когда уже мальчик начал отрывать пищу. На следующее утро обоих хоронят в снегу. В тот же день становится известно, чем отец пытался кормить их все это время: сразу же после того как понатыкав в снег детей мужчины зашли в барак, он достал из кармана тулупа горсть грецких орехов – штук шесть – и передал одной из женщин. А потом лег на ту самую соломенную «постель», где совсем недавно лежали его дети. Так проходят еще три дня. Ни на чьи уговоры и просьбы встать мужчина не реагирует. А на четвертое утро, когда его душа отошла, тело вынесли и закопали в том же сугробе.

От тех грецких орехов осталась одна скорлупа – ядрышки разделили поровну между оставшимися в бараке детьми. А однажды утром нашли молодую Умидат, копающуюся в мусорной куче, что была подметена к стенке барака. Эта была та самая Умидат, о которой буквально несколько месяцев назад в горах шла слава неземной красавицы. За нее сватались многие горные джигиты, но она отвергла все ухаживания (покаявшись дожидаться Зубайра, сына Абдул-Хамида, ушедшего осенью 1942 года добровольцем на фронт). Так вот, та самая Умидат, от бывшей красоты и гордости которой не осталось и следа, теперь сидела на корточках перед мусорной кучей и булавкой ковырялась в изгибах расколотой и пустой скорлупы, выискивая остатки орехового семени...

С того трагического в жизни вайнахов 1944-го и по сегодняшний 2014-й год прошло уже 70 лет. Срок немалый, с точки зрения человеческой жизни. Стариков – именно тех, которые прошли сквозь многолетнюю тьму сталинских ссылок, тюрем и лагерей и выжили, с каждым днем становится все меньше и меньше. Даже те, кто родились в самый в день выселения – даже им сегодня есть или будет (или было бы) ровно 70 лет. А это (когда жизнь человеческую можно измерить по пресловутой шкале «год – за два», а то – за три или четыре), не мало. Тем более что «февралей» таких черных за двадцатый век в жизни чеченцев хватало.

Да, они уходят. Остаемся мы. Нам тоже когда-то «в путь». А следом – новое поколение – и так до того последнего Дня, пока не протрубит рог. А тем временем...

Три года назад в стенах Чеченского государственного университета шел экзамен по истории Чечни. Ко мне подходит студентка – модно одетая молодая, красивая девушка. Из одного уха девушки торчит наушник от плеера, второй наушник красиво свисает с плеча, запутавшись в волосах. По всему видно, история Чечни чеченскую девушку интересует постольку поскольку – экзамен! Она указывает на вопрос в электронных тестах и задает мне свой: «Объясни,

что это значит?» Читаю вопрос в тестах: «В каком году были депортированы чеченцы и ингуши?» И далее несколько вариантов ответов, среди которых один правильный. Я со своей стороны не могу понять – что непонятно девушке? И только секундой позже меня как будто обухом по голове ударили – она ничего, абсолютно ничего не знает, и никогда до этого часа не слышала о выселении 44-го года! Пытаюсь ей объяснить. Объясняю. Кажется, объяснил. Единственное, что еще могло хоть как-то реабилитировать ее в моих глазах, так это звенящее возмущение в голосе: что-то вроде «да как они смели!!!» Но после моего «ликбеза» она выдала из себя такое равнодушное «дааа?» – что на какое-то мгновение стало жутко страшно...

Со словом «память» произошла трансформация. У многих представителей подрастающего поколения это слово вызывает ассоциации с памятью мобильного телефона, жесткого диска, флешки и других девайсов – психическая функция стала технической. Неужели все можно «извинить» простой формулировкой-уловкой – мол, что поделаешь, у каждой эпохи свои законы? И уже не удивляться тому, что падающий из окна многоэтажки человек может вызвать у нас гораздо меньшее сожаление, сочувствие или содрогание – чем выскользнувший из рук и падающий на асфальт собственный «Айпад»? Однако...

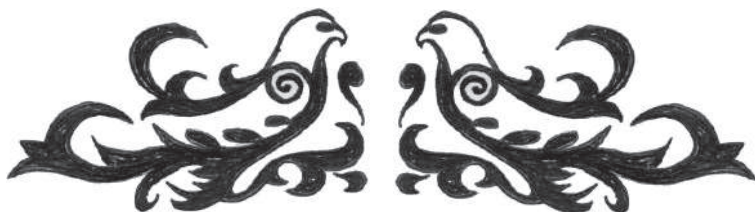
Время стирает, казавшиеся нерушимыми в еще недавнем прошлом, границы и государства. И даже целые этносы исчезают с лица Земли. Мне кажется, такой исход становится возможным лишь в том случае, когда народ забывает и перестает уважать свои традиции и историю. И именно тогда, перефразируя финальный аккорд романа Г.Г. Маркеса «Сто лет одиночества», тем родам человеческим, которые теряют связь со своим прошлым, не суждено появиться на земле дважды.

И пусть никогда не перестанет стучать в наши сердца пепел Хайбаха!

Мы это помним!

Мы это не забудем!

Ибо если мы это сегодня предадим забвению, некому будет завтра вспомнить о нас!

Муса Бексултанов

В тот день в Чечне, в день, когда убили этого мальчика...

Рассказ

*– Душа ли сотворена, чтобы цепляться за нее из последних сил...
– Нет, не душа сотворена – душа вечна, а тело, дарованное нам брренное, трусливое тело...*

Той осенью, по прошествии трех лет и семи месяцев после выселения народа, в середине ноября 1947 года, ночью, сопровождаемой легким снежком и заигрывающей между тучами луной, солдаты НКВД, устроившие под горным хутором с названием Хьахе-чу засаду для поимки оставшихся чеченцев, рвант выстрелом в бедро шестнадцатилетнего парнишку, пытающегося спастись от погони.

Пуля попадает в кость.

Мальчик пришел в Хьахе-чу за мясом убитой ранее для зимовки дичи, оставленной здесь, в расщелинах скал, для просушки.

Мальчик спускается по ущелью под прицелом солдат. Он не знает, что они за ним наблюдают.

Приготовив наплечную суму, набитой мясом, мальчик решает дожидаться вечера, как ему наказали старшие товарищи, с той лишь целью, чтобы не привести солдат по своему следу к месту зимней стоянки их отряда: доносчиков много, вплоть до дагестанских пастухов, на откуп которым отданы чеченские горы до самого Шатоя.

Когда сумерки сгущаются, окинув взглядом впереди стоящий горный хребет, мальчик трогается вверх по склону, взяв направление противоположно той, откуда спустился.

С неба все так же по мелкому идет снег, и все так же в тучах скользит луна. Мальчик делает частые привалы, после каждых двести-триста метров отсиживаясь около часа.

Несмотря на то, что у него есть силы идти дальше, он делает такие остановки, вспоминая советы старших о том, что осторожность не бывает лишней.

Когда до чамхароевской горы остается несколько метров (он знает, что оттуда подымается луна, освящая майстойскую долину), мальчик останавливается в последний раз, сетуя на луну, под свет которой он попадет, как только взберется на гору Чамха.

«В какую сторону, – думает он, – в какую сторону будет правильно: не подымаясь выше спустится в Пуожа-Пхара, где не будет лунного света, или же чуть поднявшись переждать на Большом озере?»

«Ушел, – доносится до его слуха, раньше, чем он принимает решение, – ушел сволочь, упустили», – и сверху ответный крик:

«Нет, не ушел, не вышел еще, он там, спрятался... учуял, бандюга...»

Мальчик понимает, что речь идет о нем.

Мальчик вдруг ужасается – до его сознания доходит: они выслеживали и шли за ним с самого начала пути.

Мальчик, опрокидываясь на спину, замирает, как зверек, чтобы зреть окружающее со всех сторон, слушать сердцем, наблюдать глазами. Вновь доносятся человеческие голоса, говорящие на незнакомом языке, голоса слышны повсюду, с разных сторон.

С глазами, устремленными вверх, мальчик скатывается на спине, отталкиваясь локтями от земли, словно гребет по воде, с мыслью дойти до леса, до леса, что сейчас недостижимо далек. Торба с мясом привязана к животу, с надеждой, что

все-таки удастся ее уберечь. Ноша становится тяжелой, как свинец, тяжелой, чтобы тащить ее вместе с собой.

Из-под руки срывается камень, большой камень, который невозможно удержать рукой. Мальчик бросается и ничком ложится животом на него, чтобы остановить своим весом. Камень, цепляясь за торбу, сползает вниз. Не удается удержать, камень срывается.

Перекатываясь по траве как обруч, камень набирает скорость без шума, слышен лишь звук режущего воздуха – «фарт-фарт».

Потом подпрыгивает, доносится от падения – «данк». И снова и снова, и еще раз.

Вконец камень ударяется о другой камень, с громким стуком оглушая окрестность.

Раздаются выстрелы, много выстрелов, вслед за камнем, оттуда, где раздался шум.

Мальчик сползает, отбрасывая от себя торбу с мясом, с глазами впившимися вверх, высматривая наверху человеческие силуэты.

Вдруг ночную тишину взрывает вопль, страшный пронзительный вопль – крик раненной птицы, взывающей о помощи крик, леденящий слух, пробуждающий горы.

Мальчик теряется – судорожно, не осознавая своих действий, руки его хватаются за воздух, словно хочет поймать крик умирающей птицы, у которой расстреляли и растоптали гнездо.

Сердце до боли сжимается, потом расширяется до размеров вселенной, бешено колотится, сердцу становится тесно, пытаюсь вырваться из грудной клетки. Не хватает воздуха, дышать становится трудно.

Выстрелы, тысячи выстрелов, свист пуль, огненные языки пламени от выстрелов, человеческие крики, камни, срывающиеся из под ног людей, топот, беготня - здесь, совсем рядом... спрятаться, но куда...

Мальчик вскакивает, обращается в бегство, не видя перед собой ни зги, будто плывет по воздуху, летит стрелой, не касаясь земли.

И тут же резкая боль в бедре, как будто укусило что, пытается бежать, но нога, она отяжелела, он не чувствует ее, как будто она отдельно от него.

Падает. Встает и снова падает, снова встает: раздробленная бедренная кость дает о себе знать, нога дрожит, вместе с ней и все тело.

Тело наполняется жаром, как на солнцепеке, или как в теплой воде, жар по венам накатывает, как волна.

Выстрелы раздаются вновь и вновь, крики, какие-то слова, окрики на незнакомом языке, как будто идет облава на дикого зверя, как будто убивают хищника, разделяют.

Мальчик снова падает и, как раздавленная ящерица, пытается ползти, волоча непослушное, безжизненное бедро.

Шум людей настигает все ближе, топот ног, выстрелы.

Камни, срывающиеся из-под людских ног, все чаще, подпрыгивая на лету, пролетают над головой мальчика.

Мальчик пытается спрятаться у обрыва справа, где обычно зимой останавливаются лесные звери.

Доползает до входа пещеры, с нависшей над ней скальным козырьком и где очень много овечьего помета.

Снова по телу пробегает жар, перед глазами все плывет, не может понять, что с ним, где он.

Мальчик видит себя дома: с отцом, братом... с друзьями, варится котел... голос наны – что-то говорит... не засыпай, родной, не засыпай не поужинав... виден Исмаил, его брат, только-только начинающий ходить, с голым пузом, с криками «та-та-та» бегающий за курицами... видны дедушка с отцом – они выходят из общего круга и вместе куда-то исчезают...

Внезапно просыпается, перед глазами мгла, и тут же теряет память.

Слышатся какие-то голоса, людские голоса, откуда, что, невозможно понять

– понять сон это или обрывки сна... все перемешалось... сон и реальность... то он у себя дома, то – парящий, как птица над бездной, качаемый волнами, как в колыбели: мальчика, лежащего навзничь, волокут по снегу на накинутах одну на другую солдатских шинелях, как на санках.

Когда доходят до края леса (там находятся их лошади), солдаты перевязывают мальчику бедро, накладывают жгут и останавливают кровь.

Здесь же мальчик приходит в себя, и вместе с тем ясное осознание всего происходящего: вокруг солдаты и снег большими, крупными хлопьями валит с неба. Снег, действительно, крупный, как паутина свисает со всех сторон, как белая вата, мягкий и пушистый.

«Потерпи, – чей-то голос, – скоро, вычистим твою рану, доберемся до Итум-Кали и там...» Говорящий – чеченец, как отец, с отцовской заботой, с теплотой в голосе и во взгляде.

Делают деревянные носилки. Их привязывают на спину лошади. Его кладут на носилки, лицом вниз, сверху накидывают шинель.

Видит сны, пробуждение от снов, по телу пробегает то сладостная истома, то острая боль, жар прожигает вены, дрожат губы.

Временами возникают картины прошлых дней, когда еще месяца не исполнилось после выселения народа: в закрытых хлебах кричит умирающая от голода домашняя скотина, вы неделю сторожите ее, надеясь выволочить, и солдаты, сторожащие и голодный скот, и вас, которые должны прийти им на помощь... В конце недели, в седьмую ночь, встает Идрис – Идрис сын Бая: «Не смею я перед Богом, чтобы скотина так умирала, от предначертанного не уйти...» Его опережает Ибрагим: никто, кроме меня туда не пойдет! Тогда «смерть» пускают по кругу, пока не останутся двое. Из двоих жребий выпадает на Ибрагима. Когда перевалило далеко за полночь, он уходит, исчезает, растворяясь в ночи. Через некоторое время вселенная взрвется, эхом раскатываясь в горах. Вселенная качнется, вздрогнет, и следом наступит пронзительная тишина.

Ибрагима они больше не увидят.

Еще неделю наблюдаемая ими в бинокль скотина будет орать.

После перестанет, как будто и не было никогда ничего – никаких признаков жизни, ни шороха, ни звука.

Позже тело Ибрагима найдут без головы. С торчащими из под впалой шкуры костями и со скалящими большими, желтыми зубами будет лежать околевшая от голода скотина. Тогда он увидит дедушку – с лица не разглядеть – стоит спиной, рядом с дедом стоит и отец мальчика. Он понимает, что они ему привиделись, что это именно сон, как все остальное правда – правда, которой он был свидетель.

Потом он видит себя в темной комнате с зажженной лампой раздетым, видит людей, стоящих над ним. Делают уколы, острые иглы. Кто-то вытирает лицо тряпкой, намоченной в воде, мокрой тряпкой – это чеченец, тот самый чеченец, без всяких разговоров и распросов, с родительской нежностью заботливо ухаживает за ним.

Временами из его уст обрывками слетают фразы, будто сам с собой разговаривает: «И не стыдно... это же ребенок... сами спрятались где-то... как отца твоего зовут... разве так поступают мужчины... у вас мясо кончилось... как так можно так с далека... Туйлла же трудные места... если бы в Ханне или Пуожахе... там же местность лучше, большие широкие пещеры, аж целые отары поместятся... эээ-х-х, беда, беда... всех поголовно выслали с родных краев... ты случайно не сын Дубы... хорошо хоть родители не видят тебя в этом состоянии...», – затем выходит из комнаты, не оглядываясь, будто вспомнил что-то.

Проходят еще две ночи, или ему так кажется, мальчик постепенно приходит в себя; порой, в полумраке комнаты виден людской силуэт – человек никогда ничего не спрашивает, лишь делает частые уколы.

На третью ночь приносят еду.

Сами же помогают кушать.

На рассвете заходит мужчина, не тот, что заходил раньше, в руках у него ярко горящая лампа:

– Как себя чувствуешь? – спрашивает не торопясь, приближая лампу к его лицу, – где находится Идрис и остальные, сколько вас было, Иби тоже с ними... ты назвал всего четыре имени... а их должно быть двенадцать...

...я чьи имена... как... у меня спрашивали...

...вчера, ночью, когда спал, ты разговаривал с ними во сне... если эти узнают, они всех расстреляют, надо передать им тайную весточку и спасти... я друг твоего отца... не помнишь меня разве, я же часто бывал у твоего отца... Дуба был настоящий кьонах... ты... твое имя... ты тогда был совсем маленьким...

...друг твоего отца... отец... «ты мой единственный наследник», – последние слова отца.

***

Стук в дверь он помнит – как в темноте стучали в дверь.

«Кто там?! Сейчас! Потерпи! А не то дверь сорвешь с петель!» – отец встает. Мать тоже присела в постели – пытается успокоить трехгодовалого Исмаила: «Ццсс... спи».

«Что там за шум, – недовольный голос дедушки, – неужели кто-то скончался».

Отец открывает дверь.

Дверь так и остается открытой с проникающим с улицы холодом.

Стоит солдат с направленной на отца винтовкой.

Он что-то говорит отцу.

Отец не понимает.

Солдат кричит.

В открытую дверь видно, что появляется еще один.

Лает собака, их собака, учуяв беду, хочет сорваться с цепи, кидается вновь и вновь. Раздается выстрел. Протяжно скуля затихает собачий лай. Ощущение, как будто собака плачет.

Их всех выводят на улицу – на улице идет легкий снег. Много людей, очень много людей. Брезжит рассвет. Слышны крики, окрики, плач.

Маленькие дети на руках матерей, обмотанные одеялами.

Выводят на окраину села. Там собирают всех жителей. Женщин пускают обратно в дома в сопровождении двух-трех солдат.

Его мать прихватывает толокенную муку из сушеных груш; на руках несколько сумок, сделанных из овечьих шкур, отцовский тулуп, шапки. С плеч свисают куски курдючного сала, продетые через веревку.

На тех, кто задерживается солдаты орут, стреляют в воздух.

Одна женщина в отчаянье с криком падает на месте; из кувшина рассыпается кукурузная мука.

Солдат поднимает ее и больше не пускает в сторону дома.

Отец его одевает так, как если ему придется заночевать на морозе, надевает шапку, с плеч накидывает шерстяное одеяло и туго стягивает вокруг пояса, за спиной завязывает мешочек с той самой мукой, что принесла мать, напутствуя: «Когда мы спустимся через хребет Хеча – я тебе дам знать – на том самом месте, где дорога раздваивается, кинешься к обрыву и побежишь. Как спустишься, завернешь к сторону Пкеройского леса и дойдешь до Шунды, там, в ущелье, под вытянутой, как боевая башня скалой, находятся абреки... что с нами станет – неизвестно... у меня кроме тебя нет никого... смотри же, берегись, не останавливайся, беги все время не выходя из леса...»

День просыпается, туман, стелившийся по низу, подымается вверх. В воздухе кружит легкий иней. За речкой видны соседние хутора и такие же, как они люди, выведенные из своих домов.

С того конца раздается выстрел. Отсюда стреляют в ответ.

И тогда замыкаемая с двух концов вооруженным конвоем веревка из человеческого каравана растягивается. Солдаты находятся также и по всей длине шеренги.

Женщины с причитанием плачут, взывают к Богу.

Плачут и дети маленькие, что привязаны у них на спине.

Скотина, выведенная из сараев, стоит мерно жуя. Овцы бегают вокруг ограждения, за которым находится сено.

Животные смотрят им в след.....

Народ выселяют.....

***

...меня зовут Кахир, скажи-ка, живи ты долго, свое имя... сколько раз твоя мать потчевала меня вкусными яствами... хорошо, что ты никому ничего не сказал... мне можно говорить... эти военные, они же наши враги... надо срочно предупредить Иби и всех остальных, чтобы они поменяли место стоянки. Если эти до них доберутся... в каком месте вы находились, сможешь рассказать... пока эти не стали тебя пытаться... они же жестокие люди... рана не болит... я сейчас, быстро за врачом, он тебе укол сделает, тогда уж мы спокойно посидим.....

***

– Будь начеку, – слышит он голос отца, что идет сзади, – Не пугайся только... беги прямо, потом то в одну сторону, то в другую заворачивай, и так до самого Шунды, ты понял меня... молчи, не говори ничего... да, сейчас... уповаю на Бога... беги... – в тот самый момент, когда он делает прыжок к обрыву, мальчик сперва слышит за спиной крики, затем и залпы выстрелов.

Мальчик теряется или забывается, и это его спасает – он не идет в Шунды, как наказывал ему отец, а возвращается обратно в сторону родного хутора, спустившись глубоко в низину ущелья. Мальчик преодолевает половину того расстояния, что они проделали утром и прячется внизу под дорогой.

Там, в маленькой пещере, вылизывая языком с руки муку, он проводит двое суток. Ему видны хутора, что напротив, видны солдаты, рыскающие между домами. Ночами слышно, как кричат домашние животные, редкие, одиночные выстрелы, с разных концов слышен собачий вой.

На четвертый день, на рассвете, мальчик перебегает на ту сторону дороги. Он чувствует, что силы его иссякают, от голода урчит живот, в глазах темнеет.

Мальчик боится передвигаться после заката, к вечеру он прячется, ночью он боится, что его загрызут волки.

На пятые сутки, он добирается до Шунды, под ту самую скалу, о которой говорил отец.

Скала оказалось большой, гладкой, как ровная поверхность каменной плиты, стоящая посреди леса, неприступная, к которой ведет только одна тропа: тропа, полностью под обзором тех, кто находится наверху.

Человек, сидящий на посту, наблюдает за ним, поднимающимся наверх, спокойно, без всяких движений, даже не привстает, не трогается со своего места, и ружье его мирно лежит на коленях.

Они в ту ночь переходят на другое место, к соседнему склону, чтобы оттуда следить – есть ли за мальчиком «хвост» или нет?

Проходят три ночи. Все три ночи мальчик спит крепким сном, и каждый раз после пробуждения налегает на пищу. Потом, когда возвращаются на старое место, в течение двух недель, выставляют пост, поочередно меняясь в карауле.

Воду приносят только ночью, огонь разводят при густом тумане и только

днем – ночью костра не разводят ни при каких обстоятельствах. Из еды ничего, кроме одного мяса, полная пещера сушеного мяса.

И с того самого дня, больше не расставаясь с ними, достигнувший к этому времени шестнадцатилетнего возраста, ровно через три года и семь месяцев после выселения народа, осенним вечером, в середине ноябрьских дней 1947 года, с легким падающим снегом и заигрывающей между тучами луной, переспорив и переубедив старших, мальчик гордо идет на свое первое задание – за сушеным мясом. На уговоры старших взять с собой оружие мальчик наотрез отказывается: за прошедший год ему ни разу не доводилось видеть военных, лишь только пастухов-грузин; грузины никогда не доносили властям.

В ту же ночь мальчика и поймали, в первую же ночь, когда он пошел на задание, и сейчас он находится в Итум-Кале, в каменной тюрьме, с раздробленной костью в бедре, в неведении относительно своего будущего, лишь только догадываясь: если сделать донос – могут и не убить, нет – расстреляют неминуемо.....

Дверь протяжно скрипнула – в проеме показываются три силуэта.

Разговор на незнакомом языке, о чем-то переговариваются. На лицо наводят яркий сноп электрического света. Следом начинают бить – бьющего не видно.

Избивают долго; кнут, палка, ногами бьют по раненному бедру... Боли нет, никакой боли, лишь леденящий душу страх – страх настолько овладел им, что он уже не чувствует ничего, не ощущает себя, своего тела: нет ни боли, ни мук, страданий, нет ничего, как будто все это происходит не с ним, а с кем то другим, а он просто со стороны наблюдает за происходящим.

Левой рукой хватают за горло, бьют головой об стену: «Где остальные, где?! Убью, змееныш, размажу...»

Кто-то врывается в комнату с криком: «Ишто такой... убьети малчика... биссовистни... уходите, – мужчина всех выгоняет, хватая каждого за руку, с силой толкая за дверь, те пытаются сопротивляться, – надо же, стоило мне пойти за врачом, зашли собаки... сегодня надо послать человека к Идрису, я приготовил одного... они вывели много солдат на их поиски и в Туйла, и в Кента-чу, и в Хак-Боса... если найдут... как бы они не нашли их, пока наш человек доберется до них... быстро вспомни-ка это место... если мы с тобой сегодня же не поспешим им на помощь...»

Только сейчас мальчик начинает ощущать боль, дрожь пробегает по всему телу, словно просыпаясь от спячки, боль становится невыносимой.

«Гора... там была гора, – говорит мальчик, – внизу видна была большая речка... мне не приходилось бывать там ранее...» – так и сказал, зная, что в горах есть только горы, а где есть горы, там обязательно должна быть речка.

«Гора была... башни были, башни... ты слышал, чтобы произносили Майста или Баст-Лам... ну, как еще выглядела местность... были земельные наделы... с какой стороны было видно... луна освещала вас ночью... или вы находились в тени... а что было видно на противоположной стороне... лес был... утесы... лиственницы росли там...»

«Напротив была гора, и за той горой гора...», – как бы пытаюсь вспомнить еле-еле произносит мальчик.

Человек по имени Кахир молчит.

«Гора? – спрашивает через некоторое время, – гора, говоришь, была?»

Мальчику кажется, что он его понял.

И выдержав долгую паузу: «Если в мое отсутствие они начнут тебя бить, скажешь: «Я все сказал Кахиру, язык ваш не знаю», – и выходит из комнаты.

Мальчик понимает происходящее, понимает все их хитрости: им нужно название той местности, где они остановились на зимовку, понимает, что как только в горах выпадет большой снег и вместе с этим для их отряда прекратится возможность передвигаться, военные хотят загнать их в капкан и перестрелять всех на месте.

Мальчика в ту ночь на машине, доселе им никогда невиданной, уложив в кузов, перевозят в Грозный.

Рядом ставят охрану.

На всей протяженности длинного пути мальчика несколько раз вырывает, при этом каждый раз получая пинки от часового: «Ну, хватит, мать твою!»

Потом просыпается в светлой комнате, где видит на койках лежит много людей.

Комната белая, и люди все белые, все-все вокруг белое – одежды на людях, потолок, стены, занавески на окнах.

***

«Как самочувствие, не болит? Скоро домой, к родным, вот приедет мать и заберет тебя», – это говорит с худощавым, с впалыми щеками и голубыми глазами русский. Он смотрит ему прямо в лицо, в глаза, с немим вопросом, как будто пытается по выражению лица самого мальчика прочесть и угадать что-то. Слово «мать» понятно для мальчика, другие все слова незнакомы, кроме «дома».

Потом, когда его переведут в другое место (он понимает, что это тюрьма), мальчик обратится к говорящему на чеченском языке – тому самому Кахиру – с расспросами о матери, скажет о том, что ему врач говорил о ней.

Тот скажет, что это неправда.

Однажды утром, на рассвете, или вечером на закате – от частых допросов, лишенный сна и покоя он уже теряет во временах суток, – открывается дверь и квадрате дверного проема, молчаливой тенью, одетая в траур – в траур по собственному сыну, появляется силуэт матери.

Она медленно приближается к нему и дверь за ее спиной, как будто находится в собственной власти закрываться и открываться, медленно закроется за ней.

Он понимает, что это сон, что такое не может быть наяву.

Мать садится напротив него: губы сжаты, напоминая затянутый шрам, ресницы неподвижны, лицо бледное, без признаков жизни и лишь кадык на сухощавой шее двигается верх-вниз.

Мать сидит в позе молящейся, не отрывая от него глаз.

«Пусть умрет твоя нана, – слышится мальчику, – пусть умрет твоя нана», – два раза произносит и начинает плакать.

В широко раскрытых глазах выступают слезы, скатываются по щекам; прикусывает нижнюю губу.

Губа подрагивает, пытается сдерживать рыдание.

На губе появляется кровь.

– Они меня привезли оттуда... чтобы попросить тебя рассказать о местонахождении... они говорят, что убьют меня... мне тебе... как...

– Дада как себя чувствует... где вы находитесь... Исмаил повзрослел... что делает... – мальчик спрашивает себя, самому себе задает вопросы, как будто во сне рассказывает сон, – Дедушка и дада все времена приходят ко мне во сне... или наяву... ты на самом деле сейчас здесь, или мне это тоже кажется...

– Твой отец... хорошо... хорошо поживает... вот эти вещи просил тебе передать... чистая одежда, чтобы забрать тебя... поездом... они, наверное, ушли оттуда... как только тебя поймали... они ушли оттуда... мне тебе... что тебе сказать... – мать плачет, плач переходит в рыдания и стоны, – они избивали... чтобы я у тебя обманом выведала все... пусть умрет твоя нана, нана твоя! – От крика матери содрогаются стены, мать бросается на сына, как коршун, как волчица, бросающаяся на защиту своих щенят, мать ласкает своего мальчика, мать испускает проклятья, ругательства на весь свет.

Врываются люди, много людей. Начинают избивать перед глазами мальчика; мать кидается на них, бросается из последних сил, готовая растерзать. Набрасывается много солдат, мать валять с ног, бьют кулаками, ногами, раскатывая по всей комнате.

Крик из глубины, крик-мольба: «Не рассказывай... пусть тебя убьют... не рассказывай им ничего, они твоего отца убили... убили они... твоего отца... – эхом проносится крик, то исчезая, то вновь появляясь, дьявольски

неистовствуя, разрываясь по всей комнате, бьется об потолок, сползает по стенам, – .....они убили твоего отца... не рассказывай... пусть убьют... дай им убить себя...»

Обливают водой... словно нахлынувший сильный дождь... водой залит весь пол... как рыба в воде бьется он в луже, все тело в судоргах, изнывая от боли.....

.....мальчика усаживают спиной к стенке, слышен крик матери, мольба о помощи... мать убьют, говорят ему, говори правду, правду говори.....

«У нас было много скота, – мальчика слышно с трудом, мальчик впервые заговорил, – было много коров... я был маленький тогда... три-четыре года мне было... не было посуды, чтобы залить молоко... не хватало посуды, так как молока было много... тогда мать разливала его в тазики и тарелки... мать меня оставляла в доме, чтобы стеречь молоко от кошки... кошка обхаживала каждую посуду и в каждую из них тыкала мордой, напиваясь молоком... когда мать приходила и спрашивала: «Пила ли кошка молоко?» я, косясь в сторону кошки, которая уже насытившись спала к этому времени, отвечал, что нет: мы с кошкой были друзьями, как же я ее мог выдать...», – мальчик замолкает, не произнеся больше ни слова, тем самым давая знать, что он все сказал.

– Да будь ты проклят... ты... пастушонок... вонючий, вшивый ублюдок... ты будешь меня дурачить! – из людской массы вырывается один, тот, которого зовут Кахир, и первый же удар ногой нанесет в голову...

– Чичилов! Товарищ Чичилов! Нельзя так, угробите, он нужен... – последнее, что услышит мальчик, перед тем как душа покинет его тело, прежде, чем она успеет вырваться наружу, и даже после, как душа освободится будут слышны: «Чичилов... Кахир... нельзя так... нужен... «друг» отца... его отца...»

***

В тот день (или в ту ночь), – когда убили этого мальчика – мне кажется, что в Чечне убили пророка, и что впервые Чечня была убита именно в этот день.

И сколько раз еще ее будут убивать, и сколько же еще предстоит...

1995-2005 гг.

Перевод Саламбека АЛИЕВА

Нас закаляли в климате морозном,
Нет никому ни в чем отказа там.
Так что чечены, жившие при Грозном,
Намылились с Кавказа в Казахстан.

А там – Сибирь, – лафа для брадобреев:
Скопление народов
и нестриженных бичей, –
Где место есть для эзков, для евреев
И недоистребленных басмачей.

В Анадыре что надо мы намыли,
Нам там ломы ломали на горбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Мы пили все, включая политуру, –
И лак, и клей, стараясь не взболтнуть.
Мы спиртом обманули пулю-дуру –
Так, что ли, умных нам не обмануть?!

Пью водку под орехи для потехи,
Коньяк под плов с узбеками,
по-ихнему – пилав, –
В Норильске, например, в горячем цехе
Мы пробовали пить стальной расплав.

Мы дыры в деснах золотом забили,
Состарюсь – выну – денег наскребу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Какие песни пели мы в ауле!
Как прыгали по скалам нагишом!
Пока меня с пути не завернули,
Писался я чечено-ингушом.

Одним досталась рана ножевая,
Другим – дела другие,
ну а третьим – третья треть...
Сибирь, Сибирь – держава бичевая, –
Где есть где жить и есть где помереть.

Я был кудряв, но кудри истребили –
Семь пядей из-за лысины во лбу.
Летела жизнь в плохом автомобиле
И вылетала с выхлопом в трубу.

Воспоминая только потревожь я –
Всегда одно: «На помощь! Караул!..»
Вот бьют чеченов
немцы из Поволжья,
А место битвы – город Барнаул.

Когда дошло почти до самосууда,
Я встал горой за горцев,
чье-то горло теребя, –

Те и другие были не отсюда,
Но воевали – словно за себя.

А те, кто нас на подвиги подбили,
Давно лежат и корчатся в гробу, –
Их всех свезли туда в автомобиле,
А самый главный – вылетел в трубу.

1978

Ю. Гусинский

Чеченец (1947)

Пахнут солнцем, камнем и тоскою
Голубые сопки Кокчетавы.
Я на них взбираться не посмею –
Там меня чеченец напугал.
У него папаха дышит мстью,
У него в глазах дурная слава,
У него бешмет из козьей шерсти,
У него на поясе кинжал.
«Нет кинжала, вырвали мы жало –
У него одни пустые ножны!» –
Рассмеялся весело сосед мой,
Бравый лейтенант НКВД.
А чеченец бродит одиноко.
На сухой траве, как конь стреножен,
Тень его страшна,

длинна – в полсотни,
Облака клочками в бороде.
Я его глазами все увижу.
Закричу от страха и смятенья,
Мне его детей ответят крики,
Разорвет мне уши женский вой.
Небо дико проклянет старуха,
Вздрыгнет опустевшее село.
А в горах курками щелкнет глухо
Равнодушный ко всему конвой.
Выживешь паршивым и лежащим,
На снегу очнешься леденящем,
Ни на что здесь права не имея,
Даже схоронить своих детей.
Станешь волком на луну скулящим,
Если нет народа в настоящем,
И не угадать его в грядущем
Посреди чужих тебе степей.
Пахнут дымом, камнем и тоскою
Голубые сопки Кокчетавы.
Бродит в них чеченец одинокий,
Словно опрокинутый во тьму.
У него папаха дышит горем,
Сердце лижет горькая отравы.
У него в глазах другие горы,
Те, что больше не видать ему.

Умар Яричев

Черная звезда (Хайбах)

Ломается лежалый снег
 Под кирзовыми сапогами...
 За пламенем закрытых век
 В меня печально смотрит память.
 И нету сил глаза открыть –
 А вдруг все это повторится?!...
 По стенам черный дым клубится,
 В душе, (незримая), дымится
 Времен связующая нить...
 В конюшне старой два окна,
 Точней – два небольших проема.
 Кричит безмолвно тишина
 Пронзительно и незнакомо...
 Семь сотен (с лишним) наших душ
 Солдаты хмурые загнали
 В сарай... Но разве жертвы знали?!
 Молчит времен немая глушь...
 Коварно улыбаясь, им
 Велел чекист сложить пожитки
 Снаружи... О, печали свитки!
 Так утверждался третий Рим!
 А офицер НКВД
 Советовал охапку сена
 Взять каждому с собой...
 «Ведь стены
 В извечной сырости, в воде!»
 С улыбкой добавлял: «Мы вас
 Накормим вдоволь вкусной кашей...»
 Коварна у Иуды чаша.
 Здесь не поможет Божий глас...
 Они устало, долго шли
 Сюда по тропам каменистым...
 И их, доверчивых, чекисты
 В конюшню эту завели.
 И заперли... Стальной засов
 Надежен... Снег хрустит в тумане...
 У генерала Гвешииани
 Не может быть двух разных слов.
 И обложили тот сарай
 Охапками сухого сена...
 Плеснули керосин на стены...
 О, пламя, веселей играй,
 И радуй храбрые сердца
 Зверей, одетых в униформу...
 А пламя, словно волны шторма,
 Уходит прямо в небеса.
 Как, обреченность, ты слепа.
 Заждались хищно пулеметы...
 Сломал тяжелые ворота,
 Из мрака хлынула толпа.
 Огонь метался и гудел.
 Стропила ходуном ходили.
 Спастись!.. Но горы мертвых тел

Опять проход загородили.
 Стенанья женщин... Детский плач...
 И крики старцев о пощаде...
 Но тех, кто выходил из ада,
 Встречал в упор свинцом палач.
 О, память, как, скажи, унять
 Боль у смертельной переправы?!
 Во имя правды, а не славы,
 Тебя забвенью не предать.
 Неспешно расстегнув ремень,
 Майор снимает полушубок...
 Папаху чью-то пнет, и грубо
 Пройдется матом... И сквозь зубы
 Процедит хрипло: «Ну и день!»
 Потом на пулеметный ствол
 Швырнет небрежно талым снегом:
 – Ну, поработала, телега
 На совесть!.. Как на пашне вол!
 Пройдет по малому к кусту,
 Ремень поправит и погоны...
 – Видать, немало мы патронов
 Сожгли на эту сволоту!»...
 Как ни пытайся – сердца дрожь
 Никто остановить не сможет...
 Твой, память, раскаленный нож
 С меня... живьем... снимает кожу...
 Пройду исчезнувшей тропой
 (На ощупь – раз душа ослепла),
 Коснусь растерянной рукой
 Несуществующего пепла.
 И тяжесть смертной тишины
 Почувствую душой и телом...
 Заносит, словно снегом белым,
 Былое тихий свет луны.
 И стынет слово на губах.
 Под ледяным дыханьем стынет...
 В Чечне, в Нашхое, есть в горах
 Дотла сожженный брат Хатыни,
 (Но в нас он будет жить огньне)
 Великомученик ХАЙБАХ!

Воля

И в испытаниях суровых –
 Как сопричастность ко всему –
 Души порывом, песней, словом
 Быть верным долгу своему.
 Землей, цветами, синью неба
 Пусть этот мир и явь, и сон,
 А человек – он словно крепость
 В осаде полчища времен.
 Но все печали одолимы
 И трудная доступна цель,
 Пока в груди несокрушима
 Живого сердца цитадель –
 Где вдохновенье, мысль и труд
 Аккордом вечности живут.

Шамсудинов Бувайсар

Йоьхна гIала...

Дийцар

...Эххар а кхачабо ницкъ. Кхачадо собар. Хилларг дIадолу, дерг а хуьлу цкъа дIадер долуш. Иза ма-дарра кхунна хIинца хаьа. Хаьа тахана ша гIорасиз, орца ала стаг, мохь тоха накьост, дагара дийца нана йоцуш висча...

...Дагахь а доцург кечдеш хиллера замано. Я кхуьнан, адамаша хьуна цкъа а дагадеьнарг кхуллуш а, хьуна кьемата а дийр дац моьттинчо хIуьа деш а.

Иза кхунна ца хиьнера. Кхо хIоранна а динера накьосталла. ХIоранна, вела а воьлуш, гIуллакх дора, я ша динарг, иза ша дина, олий дага а ца доуйтура. Кхунна иштта хила деза моьттинера гуттар а. Моьттинера хIара дуьне кхоьлличьхана иштта схьадеана а, иштта чекхдер ду а. Амма дерриг а ца хиллера ма моьтту, я ма хеттара таханлера дахар а, я ма лаьара хIара адамаш а.

Жимма хало хиллера цхьадерг. Я боккъал а диканиг, хьобга лан ца даллал деза а, юха экама, цхьа атта, маьттаза долиий духуш а – я, кхара иэрча доккхий дошош а...

Иза кхунна тховса, тахана, шен ткье ялхалгIачу шеран юьххьехь хаало. Хаало ша мила ву а, ша лехнарг хIун хилла а. Кху, царна хьо эшарна, хьайна бьсначу нехан гергарло хьайца меллалц хилла а, я кху.суьйренца адамех хьега юьсучу гIалина ша санна верг мел ца оьну а цхьана...

–...ДелкъалтIаьхье тIейогIушехь, хьайн юьрта ваха деза ма олу ахь?! – и хаттар дуьззина, я къамел кхачош а доцуш хуьлу. Я цхьа атта, деса, бен доцуш... – Иштта дIа олу-кх. ЦIаваха деза. Аса хIун дийр ду кхузахь, делкъалтIаьхье... суьйре, буйса, я хIара дуьне дуьззина болу бода... – кхуьнан мотт тийсало... ДагадогIу дерриг а: хIара хилла гIала а, кхуьнан суьйренах самукьадолуш хилла дахар а, я ша, шен накьостий, шайн хилла урамаш – безамаш, церан цхьа коча, эсала гIаланаш-бIаьргаш а...

– КIорда ца дина хьуна...??? – ХIара вист а ца хуьлу. Цхьа синтем боьхна дIасахьийзар дуьсу эххар а. ДIаволало, ша дикка гена ваьлча, йоI тIаьхьа хьобжуш хилар а хаалуш.

...Лиза евзина хIинца цхьа бутт хир бу. Цул тIаьхьа–м иза хIора дийнахь а гора. ДелкъалтIаьхьа вовшахкхетий, цхьацца дуьйцуш, цхьащанхьа хуий а Iай, дIасадолура хIара шиь. Аьлча а, дIасадалар гуттар а, тахана санна, цхьа шийла, бендоцуш а хуьлура...

...Кхунна дуьхьара шайн белхан цхьана рогIерчу гуламехь гира иза, аьлча а, Лиза кхунна нийсса тIехьа хиллера хиина Iаш. Кхо къамел деш, чохь болчу накьосташца баьлчачу кьовсамехь, дош шега а эцна, дуьхьала яла дагадеьнарг, кхо дуьйцург шена хIун ду а ца хуу, цхьа безамехь йоI яра, цхьа мокха, кьегаш ши бIаьрг а, белшаш тIекхочуш месаш а йолуш, йолу. Кхо цхьаь дуьйцура, ткьа вукхо – кхин, цхьа цу нахана массарна а томехь хеталург а.

– ХIинца со хьийзон, кхарна тIе хьо мукьане а стенгара ели-те? – Гулам боьхначул тIаьхьа, ша жимма мукьа ваьлча, цу йоIана тIевирзира хIара. Ма дарра аьлча, цо а, вукхара а хIуьа гуьйра дийцарх шена бен доцийла, я цунах жоп ца оьшийла, шена шерра хуьушехь.

– ХIа?.. – ЙоI шен и тамашийна, баккхий бIаьргаш тIе а боьгIна, дуьхьал къежира. – Ахь ма чIогIа хьайх тешаш къамел до... – Кхунна дагахь а доцург элира йоIа. ХIара цецвелира, эхь хийтира, я моьттира шена и хеташ санна.

– БIаьргаш бац шун, я кьора???... – бехк ма биллалахь, кхузахь хийранаш буйла ца хавара суна. – Шен метта тIехь хиллачух цхьа боккха кьурд а беш, хIара велавелира, шен хьалхо хилла ши-кхо дош йоIана дицдан, я ша ала воьлларг дIадаьа санна.

– Со–м яц хийра, со шун телевиденера ю хьуна. Хьо цхьана кхечу дуьненчохь волуш санна дуьйцур-кх ахь. Хьо а ма ву кхузара – адам ... тхо санна... – Хетарехь, йола цхьа бехк боккхура. Я хьехарш, я дов, я ца тешар...

– Тлаккха цле муха ю хьан? – цо дуьйцург ша тидаме ца оьцуш санна, велакъежира хлара юха а. – Соьгара бехк-м баьккхира ахь.

– Хлун до ахь цунах? Дагло, со балха кхета дезаш а ю. – Йо! длайолало, цкъа цхьана юкъана хлара цец а воккхуш.

– Цкъа цхьана минотана сацаехьа и хьайн говр!

– Хлун бах аьхь хлинца? – иза сецира юха а йоьрзуш.

– Хьан цле хлун ю а, хьо мила ю а, кху базара хьо муха кхаьчна а дийцахьа?

– Хлара велало юха а, жимма дехьаяьллачу йолана тлаьхьа а кхуьуш.

– Кхунах базар йинарг-м хьо ву мьотту суна? Аьлча а, хьуна хлун оьшу соьгара хлинца?

– Хьан цле хьйначул тлаьхьа, ас хьо тахана кхин дла сецош яц-кх, – хлара къамел кхана а, лама а хила мегийла длахайта санна, къежа дуьхьала.

– Яцахь, Лиза ю хьуна сан цле, йодикайойла. – Кхин дуьхьал вист а ца хуьлуш, длайоьдучу йолана жимма тлаьхьахьоьжущу лаьттира хлара.

...Шолгачу дийнан делкьалтлаьхье яра хлара церан балха тле кхаьчча. Лиза муьлхачу кабинета чохь ю а гайтийтина, жимма не! длатеттира кхо. Йиллина яра:

– Ой, Анзор, хьо стенгара вели? Марша воглийла!

Кхунна цкъа эхь хийтира, юха къежира чохьа а волуш. Дуьхьалъяьлларг, кхуьнца цхьаьна дешна йолу, кхузара белхало Тамара яра. Дехьо хьйна лаш хилла йолу Лиза а, ша чохьбаваьлча жимма къежаш а, хьалаайалуш а хааелира кхунна. Иза цхьаь деш йоллура. Юха, иза кхузахь карийна члогла хаза а хийтира кхунна.

– Кхуза ца воглуш ма тлаьхь, баьхнера соьга, со–м воглур волуш а вацара сайгара дош ца даьккхинехь. – Хлара охьахуу, глантах куьг а глортош.

– Деллахь ца аьлла аса-м. Сан хлун бала бу хьоьца. Я хьо кху чу а муха витина? – Лиза ша кегош хилла кехаташ юьстах а тоттуш, хьалатаьтира, цхьана бехкала ша яхча санна, аз а дегош.

– Хьо воккха маца хила дагахь ву, Анзор? Лиза, хлара вара ахь суна селхана вийцинарг? – Цкъа кхуьнга, юха кхо аьлчачо йохийна лаш йолчу Лизега а хьоьжущу, елаелира Тамара. – Селхана шун хилларг кхо дуьйцуш, хьо дагахь а ма вац суна. Кхунна шу довза а ма ца девза. Лиза керла еана ю тхуна...

Тамара ца соцуш, цхьаь дуьйцуш яра. Ткъа хлара цхьацца дагаоьхуш, вухуш, геллуш ойлане волуш... Хинца кху минотехь хлара кхаьчнарг кхин дахар дара, кхин дуьне, кхин адамаш дара – кхин, кху шайтланан мохо лекхна, батт а йоьхна, гелъелла лаьтгачу кху цхьалхачу галин доцу адамаш...

– Ахь хлун до, хьо дла ма сеци юха а...

– Даялахьа, суо дла ойлане ваьллера со–м. Чай малий вай цул а? Ас селхана бохург-м, тламо йохош йисинарг вовшайоккхуш, отуш хлаллак ма ей вай, цхьана адамийн тешам, сатийсамаш, къа ма ду вай дойург, бохург, дара. Адмалла-м юьйцур а яцара... Схьадахьа цул а чай, Делан оьглазлом вайх яхана яьллера... – Хлара сецира эцца. Ша тлаьхьар тлетоьхнарг шен дагахь дара, я ша хозуьйтуш длаэлира, бохучун ойла а еш. Йо! ладда лара, шена хьалхарчу кехата тле цхьа къолам а хьоькхуш. Кхунна ца хаьара цо стенан ойла йо, я ма дарра дийчича, цо ойла йо, я моттаргланаш лелайо а. Кху тлаьхьарчу хенахь цхьана моттаргланашка дирзинам кху галин дерриг дахар а дара, адамаша цхьана къерачу дуйнашца вовшашна тоьшаллаш а деш.

Кхечу сибате даьллера дерриг а, кхечу хотле, кхечу амале, я ма дарра аьлча, Везачу Дала магийна йоцучу къизалле.

– Анзор, ши–кхо де хьалха Лизас деьначу газета тлера хьан цхьа глурт боьшуш гийра тхойша, баккъал а суна–м цхьана аглора хьо нийса а хета хьуна! – Тамарас тохара шашь цхьана доьшуш долчу хенахь дуьйна а олура кхо язбийриг берриг а цхьа глурт бу, олий, цхьана забарна, бегашийна санна. Я кхуннам иза башха дегабааме а ца хетара.

– Муълха ду ахь х1инца дуйцург? – Цуьнан оила ян а ца лууш хьаттира кхо. Юха: – Д1аяхахьа, х1инца х1ун бен ду иза, со иза дийца веана ма вац кхуза... уьш–м даккхийра г1уллакхаш дацара, царал а даккхийрниш 1иттаделла сох селхана дуйна. Лиза, ас хьуна иза дитам дуйгур дац, хьуна. – Кхо и хабар х1инца муълххачу даша т1ехь а, ша бегаш бора ала шена аьтто а буьтуш, дуйцура...

– Суна ца вевзара хьо, – иза Лиза яра х1инца. Иза цхьа бехкала яхана гора кхунна. Ас хьан цхьацца х1умнаш еша–м ешнера, делахь а, хьо цхьа воккха, йоккха маж а йолуш хир ву, аьлла хетара...

Х1ара кьежира. Аьлча а, велавала лиира кхунна. Амма г1уллакх ца хилира. Х1инца дуйхира дерриг а. Дерриг а атаделла д1аделира. Д1аделира, х1ара верриг а д1авоккхуш, ша-шен лачкьош, вохош, вицвеш санна, дешна дуйне мел ду д1аса а даьржина. Кхунах кхин а веш. Кхин Анзор! – ша дийриг цхьаннах а лечкьа а ца деш, юха кхуьнан доттаг1ий бу бохучара, шаьш кхул г1олехь ду а бохуш, нахана х1ара гучара ваьлваьллачохь вийца а вуьйцуш, церан моттарг1анех, х1окхара цхьа диканиг до бохуш, бехаш 1аш болу нах теша а тешаш, лелаш воу. Хабар мел дукха дийцарх нислуш х1ума дацара. Цунах дерг хьахийчакь, и дийца ца луучара х1ара кхетамна галваьлла ву, ла ма дег1а, олий, шайна кхин а доьхарг дан аьтто а боккхура...

...Иштта нисделира дерриг а, цхьа тамашийна. Юха, дерриг а цхьа эсала, декьаза, х1инцца, х1инцца бохуш, цхьана м1аьргоне хьобжуш, цеце а...

– Лиза, – элира кхо цул т1аьхьа ши-кхо де даьлча, – соьца дов х1унда ца доккху ахь? – Х1ара шиь г1алин цхьана х1усамаш аьттачу, юьстахо болчу боьхначу урамехула схьадог1ура.

– Муха?

– Иштта! Цхьа атта! Х1ара ерриг а г1ала, массо адам а ду хьуна соьца ийг1ина.

– Д1авалахьа, Анзор, хьан воцуш доттаг1а–накьост ма вац кху махкахь, иштта ала мегар дац хьуна. – Иза йо1 яра юха а. Иза х1ара кхетон г1ертара цхьана х1уманаш, я кхуьнан дог эца, я кьахета: – Хьо санна, со а массарна а дукхаезахьара...

Цо цхьаь дуйцура. Кхо ладоьг1ура. Аьлча а, цхьана кхечу х1уманан оила йора, я х1инца кхунна Лиза хезаш а яцара, я цо дуйцург, цунна моьттург кхо тергалдеш а.

– Анзор, хьайна соьца кьамел дан ца лаахь, д1аг1охьа. Со суо чу г1ур ю хьуна... – шен лере и дешнаш даьхкича дагаеара кхунна йо1. Юха ша соцуш а, Лиза болар сихдеш д1айолалуш а, юха ша вухавирзина, цхьацца ойланаш а еш, г1али юкьа вуха вог1уш а кхуьнан башха тидам а ца хилира...

–...Суна хаьа, со кхета дерригенах а, ахь лехнарг со... со яцара. Хьо со санначех кьехкаш ма вара гуттар а, – юха цхьа–ши де даьлча, элира цо. Йоь1ан б1аьргаш а бара т1уьна, б1аьрхих буьзна. Х1ара вист а ца хилира дуйхьал.

Кхуьнан х1уммаь а дацара ала я хатта. Я хьаттичакь, цуьнан кхунна дала жоп а... И хаттар тамашийна дара кху нахана, я х1ора а цец воккхуш, экама, юха т1аьхо – ч1ог1а кьиза а. Цара х1ара дерриг дахар а, дуйне а, 1алам а массо акхаро а даьккхинера цец, х1етте а уьш–м кху адамаша ша-шега ца деха, хьаьнгга а жоп доьхуш лаьтташ дара х1инца...

– Лиза, ас хьобга а, сайга а, массо х1умане а моттарг1анаш 1адда йита боху... Х1обга х1ун х1оьттина, я х1ун х1оьттина кхечаьрга... Массо де а ша ма дарра ду, массо буьйса а ю иштта, бутт а, малх а, кху лаьттара мел долу садолу х1ума а, ткьа х1орш – вай адамаш, вайга х1ун х1оьттина??? – Х1ара ша стенгахь ву а дицделла, собар дайна т1ечехара Лизина. Йо1 йист а ца хуьлура. Лаьттара, ша-шега цхьаь дуйцуш санна, легашкахь деса кьурдаш а соьцуш, хетарехь, кхуьнан хьераваларх ийза а луш...

– Анзор, чу йоьду со, д1аг1о, некь дика хуьлда. – Лиза д1айолаелира. Х1ара вист а ца хилира. Я ког а ца баьккхира ша лаьттачуьра. Цхьацанхьара схьахезаш машенийн г1овг1анаш а яра. Суьйрено, х1оразза а санна, меттахдаьккхинера адам. Х1ара х1ора суьйре а ма яра кху г1алин цхьа тамашийна, кху т1аьхьарчу

хенахь. Сарралц кхихкина, цхьа хлума а бен доцу, шийла дахар делкъал тлаьхье йолалушшехь дласадодий, бода къовлалуш тлепаза довра. Кхачадора тлаккха деррига. Хлара наггахь вьусура шен буйсанца, я кху глалин сингаттамца цхьалха. Ткъа цу шиннах цхьаь къастон хлара хлотта а ца хлуттура. Иза дукха глийла хир дара, я кхераме, я даьсса. Цо хилларш, лелларш цлеххьана вовшах а тасалой, цхьа тамашийна сингаттаме вора. Цхьана млаьргонна мукъана а хьуна оцул мерза, безаме хилла урам я цла, я цу цлийнан цхьа хлусам-серло тахана яцара хьо вевзаш, хьо оьшуш, я хьо шайна дагаваийта лууш, дог доглуш а. Хлора урам – сингаттам, хлора цла – бала, хлора безам – мостаг хилла, дуьхьала яьллачу дахаран мохано хлаллакбина синтем бухабалон, шена хлинца оьшуш долчун ойла ян хлара ваьхьаш а вацара. Озалора. Дукха бляьрзе баьллера кху глалин кхетам, дукха сиха дара болар, дера яра амал. Яра, хьан сатийсам, дагалецам цхьана серлоне боьрзучу мляьргонехь и дерриг а бакъдерг доцуш, туьйра хиларх хьо тешон, ша дуьхьалбоккхучу бохаман ницкъ кхоо собар доцуш, сиха а... Кхо цуьнан ойла йора. Юха гуттар а цхьа жоп доцу хеттарш а... Юха цу хеттарша кхунна шайна жоп лаха цхьа а де а, буйса а, я накъост а ца оьшуйтура. Хлара къехкара тлаьхьо дерригенах а. Юха дерриг а эцца, дицдар, я кху лаьтта тлехь ша верриг, ша хилларг, ша хила везарг цахилар... тledoжадора...

Шолгачу дийнахь, суьйранна цхьана сохьтехь сов лаьттира хлара, дайн тledoглучу доглане а хлoьттина, кийра беттачу сигаьркин клюьро сих-сиха легаш а дагош, Лиза балхара йолу хан ларъеш. Ара ца елира. Схьахетарехь, балхажь яцара иза. Я хьалххе цлаяханера. И буйса глалахь длаелира кхуьнан. Юьрта ца вахара. Тамо йохоза йисинчу, шен цхьана квартиран пенашна юкхажь велира сахуьленга...

Тлейоглуш яцахь а, кхоьлина нисделлера шозлагла де. Тахана балхара а вара мукъа. «Ванах, хлара дан мукъане а хлун ду, я ас лела а хлун до... Я суна стенна оьшу хлара къа...» – дагадеара кхунна, ша Лиза ехачу цленна уллехь, цуьнга ара а кхайкхийтина, лаьтташ.

– Хьо лаа вуй, Анзор? – Иза Лиза яра хлинца. Кхунна иза ган а ца гира тлейоглуш. Я дикка хьажча бен йовза а... Шаьш вовшахдетталуш хлинца бутт сов хан яьллашехьа. Иза члогла тамашийна яра тахана, я члогла хаза – шен цлерачу кучаца, цлерачу боларца, хьажарца, ша ма яра...

– Марша йоглийла! – элира кхо меллаша. Элира цу шен озо и цуьнан араярлар, цецьялар, йистхилар я хлара тамашийна инзаре, шеца цхьа а забар йоцу, кхоьлина де, цхьаммо дохорна, дожорна кхоьруш санна, аз а глелдеш. – Схьавеана-кх со а сайн рогле. Хлун деш ю хьо хлара дерриг дуьне а кхолийна, чуьра ара ца йолуш? – И хаттар хлинца цхьа тамашийна дара кхуьнан, ша шена цхьа ца доглу дакъа къовса веьча санна. Кийрахь къуьйлуш цхьа ийзавалар а къабсташ.

– Сан ала дезаш цхьа хлума дара хьоьга, Анзор! Иза муха хир ду-м ца хаьа. Суна ца лаьа хьоьга иза ала, соьга иза ца алало. Со селхана а цундела ца еара. Ткъа тахана хьо кхуза веьча, ара ца ялар а нийса дацара. Анзор, со ма хлиттаехьа цу хьайн рогле. Со ма хлиттаехьа, со ладдайтихьа, цхьаьна со санначунна. Со хьуна оьшург ма яц, я хьуна моьттург, хьуна хила луург а... Хьуна шортта ма бу оьш-оьшурш, со... со... – Йол, баьргаш бляьрхих а дуьзна, цхьа деса къурдаш а деш, маттана тийсаяла йолаелча, Лизин бляьрахьажавеллачу кхуьнан дерриг а дуьне дуьйхира. Кхунна хлинца а ца хаьа, ша цу хенахь муха сацавелира. Я ша муьлхачу собаро ларвира цу минотехь ца воха, кху дуьненах, дахарх дог ца дилла... Йол йоьлхуш чу яхара. Я кхо тлаьхьа мохь а ца туьйхира. Хлара висира лагта. Аьлча а, цхьажимма лаьттира, ладобглуш. Юха, длаволавелира глалегяхьа – я мацаха хиллачу цуьнан сибате, сатийсаме – ловзарга, дуьне ладдол доккха, самукъане хилла долчу сирлачу дахаре...

...Коьртара мел дла ца ялахь а, кхунна ца лаьара хлинца Лизин ойла ян, иза дагаяийта. Хлинца, хьалха санна, кхиндла а, кхуьнга хьоьжуш, кхин дахар дара. Кхин дахар, кхин йобларий, кхин ловзарш... Кхунна башха лаа а ца лууш, я оьшуш а доцуш, кхо хлинцалц длакхехьна долу...

Кхана-лама хлара волчу еанчу Тамарас, хьайн жимма а аьтто белахь Лиза 1аддайтиахь, иза ахь лохург яц хьуна, ма 1ехаехьа иза, элира кхуьнга. Хлара ца кхийтира цуьнан дешнех. Я хьалхо Лиза ала г1иртинчух а. Я иза кхунна х1инца бен а дацара. Тамара х1уьа ала г1иртинехь а, Лизина х1уьа моьгтинехь а, кхунна иза ган лаьара. Ган лаьара сих-сиха. Сих-сиха вистхила а, я гутгаренна а цуьнца цхьаьна хила а... Амма иза цхьа а ца элира кхо. Хлара 1аддайтира резахиларца, цхьа жимма кьежна, корта а ластийна...

Кхунна Лиза цул т1аьхьа пхи-ялх де даьлча гира. Ша волчахь кхечу декьашкара белхалой, куьйгалхой а гулбина вовшахтоьхначу цхьана гуламехь. Гулам юкбал т1ех баьллачул т1аьхьа, кхо кехатан цуьрг яхбийтира йо1е, болх чекхьбаьлчахь буха саца, цхьаь ала деза а олуш. Юха, хлара т1аьхьа араваьлчахь, яцара Лиза Д1аяханера. Юха кхана:

– Лиза, ахь лелош дерг хаза дац хьуна, – элира кхо цуьнан балха т1аьхьа а вахана. – Хьуна х1ун хуьлура селхана цхьана минотехь собар динехь? Ас дийр дацара хьуна иштта, ахь санна. – Хлара цуьнга шен дагахь бехк боккхуш вара.

– Со 1аддайтиахь, – элира цо юха а, цхьана экамчу бери санна. Юха а б1аьргаш б1аьрхих дуьзна дара. – Со 1аддайтиахь, Анзор! Хьо со оьшуш а вац. Х1инца цхьа а вац, цхьанне а оьшуш. Шалхонаш ца оьшура суна. Со вуьшта а ю цу шун шалхонаша 1адийна. Со кхоьру шун шалхонех, цара бекьна хлара мохк, цара хлара мохк, ярташ аьтта, йохийна, адамаш х1аллакдина... Дела оьглаз вахча а, стигал лилхича а, латта т1ек1ал, бертал дийлича а ца кхийти-кх шу...

Хлара кхин д1а ладег1а собар а ца тоьна аравелира. Охьаволавелира дехачу ламишт1ехула. Юха, жимма хан яьлчахь, г1алин йистерчу Минутке, юха т1аьхьо – Шела юьрта а кхочуш... Х1инца ца лаьара цхьана а х1уманан ойла ян. Ладобг1ура. Чубуза охьабаьлла, суьйренга лестина малх а хетара х1инца ша керла гучуболуш, кху керлачу дийнахь а адамашкара цхьа доьхнарг даларна кхоьруш санна, цхьа ийзалуш. Хлара дохко ваьллера дерригенна а. Цхьа тамашийна шеко кхоллалуш, дерриг а доьхнера х1инца.

Дуккха а шерашкахь лехна, теллина, эххар а шена карийначу, цу тамашийначу йо1аца, г1алин массо а бохург санна, урамашкахула волавелла лелаш, кхуьнан хилла ойланаш, сатийсамаш – ша дерриг а шех лечкьийна, хлора дош, хьажар лахьош, кхо шен ойланехь эххар а йоьттина шаьшшинан хинйолу х1усам тахана ерриг а атаелла д1аяьллера, шех бухадисина цхьа сингаттам, сатийсам, кхочуш ца хилла кхунна дуьххьара ч1ог1а дезнарг бен, кхин дисина х1умма а доцуш. Иза, хлара цхьаь воцчунна, цхьанна а ца хаьара х1инца. Я хлара воцчунна иза хаа а... Моьгтинарг бакьдеш, ханна хьо 1ехош, тешош, ткьа доггах лиьначух мостаг1алла дой, хьо вохош, тилош хиллера кху адамаша шаьш, дерриг а шайгара духа кхоьллинчу, кху х1инцалерчу дахаран бакь долу 1адаг...

...Иза дерриг а Лизина кхана-лама хуур ду. Хуур ду кхуьнан, шен доттаг1чуьнгара Тамарегара. Амма т1аьхьа, кхана-лама...

Цхьа к1ира даьлча, Тамарас Лизегара цхьа кехатан цуьрг еара кхунна. Юха т1е цхьаь дийца а г1ертара. Кхо ца дийцийтира шага х1умма а. Я кехат а ца дийшира, дат1ийна, масийтта ах а йина охьадиллира стоьлан йистте, Тамарега бехк ца биллар а доьхуш. Кхунна кхин д1а ца евзара Лиза, я цуьнан урам а, я ц1а а... Кхуьнан кхид1а кхин хир дара дерриг а. Хлара кхид1а тешар вацара, я кхид1а цхьа а эша ницкь а...

...Кхуо, цхьанхьа д1авоьдий, кхо-биь бутт боккху цул т1аьхьа. Юха, кхоь-биь бутт а...

...Йоккхачу зала чохь дуккха а адамаш дара гулделла. Юха дукха яккхийра г1овг1анаш а. Тахана цхьана воккхачу яздархочун-1илманчин кхолларалла яра йийцаре еш. Сецна лаьтташ т1ехиндерг а долуш, мацаха хилла, д1адаьлларг дуьйцура х1ораммо а. Мацах шен хилла дика дахар дуьйцуш, цхьаццаммо кьамел а дора, юха вуькхара т1араш а тухура. Кхунна ца хаьара иштта. Хлара цаьхетара цу туьйранех. Кхунна ша юьртара ишколера ваьлчахьана гушдерг хлара дара. Хлара деса кьамелаш, х1унда детта а ца хууш, кху наха араьх а,

чохь а детташ долу тлараш, хьобкху самукъане махъарий, цу юккъехула гуш йоцу кху махкара тесна лаьтта чохь цле я цхьа а йовхо йоцу, хлусамаш, керташ, нахана бан боцу белхаш, я хлара хлора денна тлеттла совдуйлуш долу вовшахдеттадаларш, деза денош, юха а, шен даватларг, тлараш, хлара гуттар а шайх шеквуйлу къежарш-моттаргланаш а...

Тахана, кху вовшахкхетарехь а дагадоглу кхунна цунах дерг, кху нахе хатта, цхьаьнга мукъане а, кху шайн долучу самукъанаш ша кхетавайта. Амма ца хлутту. Хьо волалушшехьа цхьа тамашийна вухур вара хлора а, уьдур дара хлораннан а бляьргаш, хьежарш, ойланаш...

Мацца а цкъа, гулам длабирзина хлорш арабовлуш:

– Хьо тахана вист а ма ца хилира? – цхьа девзаш долу аз деара кхуьнан лере. Хлара длахьаьжира. Цецвелира, цлеххьана шаболу кийра тоха а луш...

– Ой... Лиза... Хьо!!! Хла, ас хлун эр ду?! – Хлокхуьнга кхин хлуммаь ца алалора эцца. Дош дацара карош. Я дара. Шортта дара дешнаш а, ала, дийца дезарш а, луурш а... Амма ца элира. Лачкъийра дерриг а. Лачкъийра, легашкахь цхьа даккхийра, деса къурдаш а деш, жимма дехьа а волуш...

– Анзор, хьо суна къинтлера ца ваьлла хлинца а, ас декъала во хьо керлачу балха ваккхарца. И мацаха хилларг, иза сан... сан... – Лиза, шен дагахь мел дерг цхьаьна иэдина, сихха цхьаь ала гертара, я юха а цхьаь моттийта, я бехказа яла, я кхуьнан чов кхин а дарьян. – Иза, иза сан бехк бацара хьуна, Анзор, аьлча а... – элира йола, юха а меллаша, – суна хьан цлахь зуда а, довзал а бу мьбттинера. Хьо цлавьодура сих-сиха. Ткъа со хьан самукъа, цхьа тайниг... Сьга аьллера иштта, суна иштта дийцира, юха иза бакъдоцийла хьгъчахь вайшиннах а къахийтира суна, со дохко а елира, юха кехатан цуьрг а... ахь иза а длакхьоссира бохура, суна хаа а ма хьара ахь и кехат доьшур доцийла, суна вовза ма вевзинера хьо, цхьа жимма... Ткъа хлинца хьан керла хлусам, болх... аьтто хуьлда...

Кхунна дубххьара цхьа тамашийна хийтира и дешнаш. Юха – цхьа бен доцуш, шийла а. Йо1 йоблхура. Я кхунна–м и кхеран белхарш хлинца бен а ца хетара, мацах дуйна... я аьлча а...

– Ас хьобга ма дарра, цленна дуйцура хьуна гуттар а... – халла делира кхуьнгара, мотт ца хууш санна. – Со хьох санна, тешна вацара... Iодикайойла. Хьайн цхьа гуллакх хилахь, я цхьа хало... хоуйтур ахь...

– Дела реза хуьлда... – Йо1 юха а, шен бляьрких дубзначу бляьргех куьг а хьобкхуш, елакъажа гертара: – Дела реза хуьлда хьуна, Анзор... – Кхуьнан ницкъ ца тоьу кхин Лизин аглор верза, хлара ца хлутту, ийзало...

Машен длайолало тлаьхьо. Йо1 латта юьсу. Кхунна хьалха лаьтта цуьнан бляьргаш, хьажар, юха – иза дубххьара шена гар а... Корал арахь даьсса хуьлу дерриг а. Я ца хуьлу – арахь шен пенаш чу а хирцина лаьтташ кхуьнан мацахлера сирла, ткъа хлинца – йобхна глала хуьлу...

Шела. 1998–99 шш.

Цхъа байт**Юсупов Ибрах1им**

***

Х1етахъ дуьйна со-м хийца ца велла.
 Х1етахъ верриг – х1инца а ву со.
 Хьо-м д1акъаьсти, йо1,
     сох гуттаренна.
 Вайн хийистехъ х1инца дог1у ло.

Вовшашца вайн хилларг, т1ехиндерг а
 Ахъ д1акхеди, лазош ирсан беш.
 Иаьржа дин бу – къастар.
     Цуьнан бергаш
 Етгало сан дагах, чевнаш еш...

Хатуев 1абдул-Хьамид

***

Лаьмнаш къагош т1ома долу
     маьлхан нур,
 Набарх ярташ самайовлу
     г1иттош к1ур.
 Хин татолаш орца-басахъ иллек лоь,
 Туьйранел а хаза ю хьо, Нохчийчоь.

Хьан аренан хелиг ду со,
 Хьан аьрзонан пиллиг ду со,
 Хьан син х1ордан т1адам бу со,
 Ахъ декъалвахъ адам ду со.

Хьан лаамийн т1емаш хийла мерцина,
 Хьан ойланийн г1аланаш
     мел херцийна.
 Амма уг1у дарц д1асецча г1айг1а тоь,
 Б1ешерашкахъ ехар ю хьо, Нохчийчоь.

Дикчу к1ентийн дегнаш
     лур дац цкъа а къеж,
 Марса юьйлуш ломахъ
     туьйсу хелхаран клеж.
 Х1ора дагчохъ безам хестош богу суй,
 Къарбан йиш яц хьо
     1алашбан биьна дуй.

Хьан аренан хелиг ду со,
 Хьан аьрзонан пиллиг ду со,
 Хьан син х1ордан т1адам бу со,
 Ахъ декъалвахъ адам ду со.

Оспанов Къосум

***

Х1ун пайда бу, г1ертарх хила
 Наж-дукъах Лечанан берд?
 Нанна – со гуттар а жима,
 Нанна – со гуттар а бер.

Бералла – тай меха таса
 Баба соь кхайкхина хан.
 Бералла – ас Шовхал-басахъ,
 Г1ишлош еш, ловзийна чан.

Бералла – бенна деш дола,
 Со 1ехо т1ам бойна лекъ.
 Бералла – уьн т1е ишколан
 Г1ойл дехъа ас бина некъ.

Бералла – берзина когаш,
 Тог1ичохъ лехыйна тхиш.
 Ир-кара х1иттийна буо-г1аш.
 Жа1уьнан самукъне йиш.

Бералла – зезагаш б1аьста –
 Цхъаь бен ца даьккхира ас,
 Вигча со сай-бодий къаьсташ,
 Кол-леча ваьккхина дас.

БатаеваХеда

***

Хорам а хуьлий,
 Легашкахъ соьцу
 Ца язлун стих,
 Яла ца луш,
 Къаста ца лууш
 Поэтан сих.

Б1аьрхиш а мийлош,
 Ойланаш яош,
 Яхийна стих,
 Гайтахъа царна,
 Хьо муха къаьста
 Поэтан сих.

Асхаб Алиев**Картина**

Тонкая линия вьется за кистью,
 Сливаясь в объятьях с другой...
 По волшебству появляются листья
 Красные лютый зимой...
 Кисть все скользит
     по белесым просторам:
 Вот пожелтела трава,
 Прямо за деревом выросли горы,
 В небе зажглись облака...
 Медленно, верно рука все колдует –
 Солнце на запад спешит...
 Стелются нити одна на другую –
 Дикая жажда творить...
 Золотом осень рассыпалась всюду
 На белоснежном холсте...
 Словно восьмое забытое чудо
 Мир воскресает в огне...
 Пламя палитры рождает долины
 В танце безумных ветров...
 Маленький штрих, и готова картина –
 «Песня ноябрьских снов»...

***

Скажи, поэт, зачем ты пишешь?
 Зачем бумагу зря марать?
 Зачем ты смысл жизни ищешь?
 Я не могу тебя понять.

Зачем ты тащишь это бремя
 На слабых, сломанных плечах?
 Ты зря впустую тратишь время,
 Что угасает на часах...

Им не понять твоих попыток –
 Сгорать для них, для них сиять...
 Они найдут сто пять ошибок
 В твоём умении писать...

Я знаю, знаешь. Так зачем ты
 Все льешь чернила, кровь и пот?
 Никто тебя, поверь, легендой,
 Пока ты жив, не назовет...

Ты будешь слышать нотки лести,
 Но правды ты, прошу, не жди...
 В бомонде лжи, лишенном чести,
 Лишь осмеют твои стихи...

Сквозь сотни масок не пробиться
 До их сердец – они мертвы!
 Вглядишься получше в эти лица,
 Взгляни в глаза – они пусты...

Несешь свой крест на лже-Голгофу,
 Но им плевать, они распнут!
 Народу – зрелищ, хлеба... Богу...
 Их богу – жертв каких-нибудь...

Ну так, поэт, зачем ты пишешь?
 Зачем свой дух так истязать?
 Ты еле-еле, друг мой, дышишь...
 Я не могу тебя понять...

Рецепт

Финальный, завершающий аккорд
 Попробуй взять, хотя не хватит духа...
 Сломать себя, начать переворот
 Без всяких слов, сомнений –
     жестко, сухо...

Без сожалений обрубить концы,
 Не думая о том, что это больно...
 В разгаре незаконченной войны
 Все сыпать раны от ударов солью...
 Забыть и отрицать свое же имя,
 И вырезать на сердце «Ничего»...
 Подобно вечно мертвому дельфину
 Плыть только для себя же самого...
 Отбросить все и душу опорочить
 Инстинктами, и только ими жить.
 Не быть плохим, а также и хорошим,
 Поджечь со всем связующую нить...
 Забыть про всех:

    про предков и потомков,
 Свой дом оставить раз и навсегда...
 Рассыпать мир на тысячи осколков
 Остаться тем, кем не был никогда...

***

Грустно...
 Как-то на сердце моем стало пусто...
 Эхом разносятся медленно чувства...
 Тенью проглочена...
 Люстра...

Больно:
 Образы прошлого лезут на полки,
 Нервы нанизаны все на иголки...
 Запах сирени...
 И только...

Тихо:
Слышно, как ветер пронесется мимо,
Кто-то прижался затылком к витрине...
Кажется, девушка в синем...

Скучно:
Все перед сном обнимают подушку,
Больше людей иногда любят кружку...
Лучше быть чьей-то игрушкой...

Animus

К чему стремится человек, к чему шагает неустанно?
Куда идет из века в век, ища везде небесной манны?
Что кроется в его груди, неужто просто сильный мускул?
А как же быть с его душой, что теплится высоким чувством?
Зачем ему тогда обет – до самой смерти верить в Бога?
Ведь без души и веры нет, нет смысла обретать свободу...
К чему наш суетливый бег, из края в край лишь по наитью...
Никто ни с кем не связан? Бред! Я связан с миром тонкой нитью...
И если человек таков – циничный, злобный и ленивый,
Мешок костей, кило мозгов, довольно жалкий и трусливый...
То я, пожалуй, новый вид, к людскому роду очень близкий...
Я первый Homo Animus – с душой и сердцем полным жизни...

Буря II

Когда мир погибает от жажды под ливнем,
Когда каждый из нас в толпе одинок,
Когда все, что ты хочешь, становится лишним
И внутри вместо сердца гранитный кусок...
Когда море твое, разбиваясь о скалы,
Покоряется воле безмолвных небес,
Когда ждать перемен все на свете устали
И воинственный дух бесследно исчез...
Человек человеку... – все стали врагами,
И никто под окном любимой не ждет...
Будто все – просто пыль под твоими ногами,
И никто никогда никого не поймет...
Так и хочется вызвать холодную бурю,
Надрывая все связки, орать и кричать...
Пока кто-то не всадит свинцовую пулю –
Оттого, что ему завтра рано вставать...

Когда кажется глупым сказать «обожаю»,
Но в порядке вещей хамить старикам...
Когда каждый отчаянно ходит по краю,
И никто не желает делить пополам...
Когда лишь от привычки читаем молитвы,
Убеждая себя, что мы Богу верны...
Когда словом друг друга мы режем, как бритвой,
И нередко пускаем в ход кулаки...
Человек человеку... – так, что лучше б волками
(У последних хотя бы достоинство есть).
Не изменит никто мир своими словами,
Когда мирно в могиле покоится честь...
Так и хочется впитаться большим поцелуем
В губы той, что приходит за нами с косой...
Напоследок став самой неистовой бурей,
Расплатившись никчемной монетой – душой...

Память**Хамзат Саламов**

«Повесть о приемной матери» – документальный текст. Но написан он человеком, который никогда никаких повестей не писал от роду – ни документальных, ни художественных. Наверное поэтому здесь много всего: и документальности, и художественности, и присутствие пафоса на грани сентиментальности, и жесткий натурализм, и сбивчивость в изложении, и слабый местами язык. Но, главное достоинство данного текста заключается в том, что автор без всякой нарочитости и фальши, искренне и от души рассказывает читателю свою грустную, а местами очень печальную историю. Это человеческая исповедь – исповедь, не требующая покаяния.

Саламов Хамзат родился в 1950 году в Киргизской ССР. Живет в городе Шали. Работает в школе учителем истории и обществознания. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Повесть о приемной матери

*Слезам любви и памятью сыновней,
приемной матери, вырастившей
и воспитавшей меня
с 9-ти месячного возраста,
оставшегося без родителей
в суровые годы выселения,
посвящаю.*

Жизнь моя и многих людей моего возраста складывалась в зависимости от трагической судьбы собственного народа.

Речь идет, как ты уже догадался, мой дорогой читатель, о сороковых годах прошлого века.

Чтобы передать свои переживания за любимую беспримерную чеченскую нацию, чтобы рассказать о дорогих и близких людях, заменивших мне родителей, и поведать юным читателям о своем долге и трудном пути к знаниям, предлагаю это повествование, посвященное моей приемной матери Пхьйби.

Мой народ выслали: одержимые ненавистью сталинские власти и вооруженные дивизии НКВД жестоко расправились с оставшимися в своих домах чеченцами, отцы и сыновья которых самоотверженно воевали на всех фронтах Отечественной войны. На рассвете 23-го февраля, солдаты стали врывать в чеченские дома, под крышами которых, притворившись, месяцами сидели в засаде. В одно мгновение, обнажив свою безжалостную сущность, стали выгонять на снег беззащитных людей.

Дорогие! Родные мои! Близкие сердцу Чеченцы! Мучительно сознавая беспомощность и обреченность свою перед коварством безжалостной власти, вы оставили открытыми двери Родного Дома! Вы оставили край, красивый как рай! Отдали на съедение все, что дано было Богом! Все, что накоплено трудом десятков Ваших поколений! Но вы не отдали веру! Веру исламскую! Которая

служила Вам моральной опорой, духовной силой и чистым источником любви к человечеству. С этой Верой на сердце уходили чеченцы и в далекие годы Кавказской Войны на бесплодные земли Турции, Сирии и Иордании!

Это были суровые, полные горечи годы, когда живые завидовали мертвым, когда смерть и жизнь «скрестили шпаги» в прямом и переносном смысле. Многие погибли в дороге.

Выброшенные за пять тысяч километров от родного дома, в чужие холодные степи, чеченцы находили в себе силы оставаться благородными и великодушными, стойкими и мужественными!

Когда, на земли казахов и киргизов стали прибывать измученные в вагонах, умирающие от холода и голода чеченцы, Советская власть предательски уговаривала местное население презирать и ненавидеть чеченцев! Цинично советовали местным, соблюдать особую осторожность в общении с «людоедами». Не вышло! Не получилось! Наоборот! Наперекор враждебной пропаганде НКВД казахи и киргизы, хоть и не сразу, но с сочувствием и состраданием расположились к чеченцам. Благодаря человеческим качествам, заложенным Всевышним в генетическую программу нации, вокруг чеченцев, с каждым днем собиралось все больше и больше друзей из местных и других народов, связанных одной трагической судьбой. Жизнь чеченцев понемногу приходила «в сознание».

Кроме чеченцев и ингушей, на двух территориях азиатских республик, в 40-ые годы было разбросано «целое созвездие» народов СССР, депортированных сталинским режимом.

Жертвами тоталитаризма стали балкарцы, карачаевцы, калмыки, татары, немцы, украинцы, греки, курды, корейцы – вывезенные с Дальнего Востока, и русские, выселенные из центральной России в годы коллективизации. Оказавшись на чужбине, люди тянулись друг к другу. Переселенцы разных национальностей старались жить в дружбе.

Перемещение из одного села в другое было строго запрещено. До 1956 года за нарушение комендантского режима карали строго – до 25 лет лагерей. Поэтому целые семьи были разрозненны и потеряны друг для друга. Часто встречались одинокие, осиротевшие молодые люди. Я и родился в такой одинокой семье. Это было в Киргизии, в 1950 году, в селе Кара-Балта, что в переводе означает «Черный топор». Мы жили на хуторе, в трех километрах от районного центра, где в основном, проживали киргизы. Чеченцев вокруг нас было всего 2-3 семьи. Мой отец работал в колхозном дворе извозчиком на телеге. Родители мои жили не в голоде, хотя и в землянке. Шел второй год их совместной жизни.

Когда мне было около девяти месяцев, родители в очередной раз поссорились из-за того, что мать хотела воссоединиться с нашедшимися своими родственниками. Родители расстались. Я остался с отцом. Растерянный, и даже, напуганный детским плачем, он несколько раз, пока не слышали люди, просил уходящую супругу вернуться ради ребенка. Ни муж, своими просьбами, ни ребенок, своим криком не смогли остановить мать. Я после этого увидел ее впервые только через 27 лет, когда закончил в Киргизии педагогический институт и приехал на Кавказ преподавать литературу и историю.

Когда мать бесповоротно ушла, «мы с отцом» не знали, что делать? От отчаяния, он принял единственное правильное решение для того времени, – отдать сына в детдом. Отец стал запрягать коня, чтобы как можно быстрее передать ребенка в чьи-то руки.

Он был богобоязненным человеком и мысленно попросил прощения у Всевышнего. Может быть, даже и у меня – за этот «жестокый приговор» родному сыну, и стал собираться в районный центр.

Это было воскресенье. По приезде на место, отец решил переночевать у знакомых и утром, в понедельник, отправиться с ребенком в комендатуру.

Постелил в свою телегу сухую, мягкую солому, завернул меня в разные тряпки (была поздняя осень) и, выразительно вслух прочитав молитву, отправился в дорогу устраивать свою и мою судьбы!

Дорога была неровная. Телегу очень грубо подбрасывало и отец частенько беспокойно оглядывался назад и следил за «маленьким грузом», который раскачивался на соломе, то – влево, то вправо, а, иногда, и подпрыгивал.

Самым трудным участком пути на этой дороге была широкая река, несущая холодные горные воды. Конь, коснувшись передними ногами воды, со всей силой рванул вперед и чуть ли не перелетел через быструю реку. И сын, и отец намokли от налетевших струй. Оставалось только торопить коня! Уже вечерело.

Вот и приехали! Это были знакомые отца шалинцы: семидесятилетняя женщина по имени Пхиби, ее, пока еще бездетная сноха, и сын – ровесник моему отцу. Они, все трое вышли навстречу, порадовались приезду, телегу завели на середину двора и никто ничего не заметил на мокрой соломе – в телеге ребенка уже не было слышно.

Пхиби, первая спросила:

– Бауди, ты один приехал?

– Нет, со мной ребенок. Если, конечно, еще живой.

– Где?

– Вот он, в телеге, на соломе.

Женщины занесли что-то хрипящее и свистящее завернутое в мокрые тряпки. А когда развернули, увидели посиневшее тело ребенка.

Этому несчастному до могилы было ближе, чем до детского дома. Женщины пришли в ужас!

Затихшее, после всех испытаний, вновь взволновалось материнское сердце старушки. Она потянула с седой головы старый чеченский платок, несколько раз обмотала им окоченевшее тело ребенка, осторожно и нежно прижалась лицом к лицу и заходила по комнате. Позвали соседку. Ее советы очень помогли. Я стал, к бесконечной радости Пхиби, понемногу оживать.

Когда все успокоились мой отец рассказал бабушке, что мать сына ушла навсегда, что он приехал к ним, чтобы переночевать и утром отвести сына в детдом. Выслушав печальную историю, Пхиби сказала:

– Не надо, Бауди! Никакого детдома не надо! Что ты надумал? Ты хочешь отнять его Веру?! Ты хочешь лишить его Нации?! Бауди, отдай его мне! Я его оставлю себе! (Дели духъа, неха духъа, керста цахилигта кхобурву-кх аса и!) Бауди, хоть ты и друг моего сына, обещай, дай мне слово, что ты не покажешься больше у нас, хотя бы, на 7-8 лет. Когда он вырастет и сам захочет вернуться к тебе, я держать его не стану.

– Согласен ты? – уже дрожащим голосом спросила она отца. Он встал, обнял старушку со словами: «Спасибо тебе, мать моя, я сделаю все, как ты сказала, если даже мы никогда не увидимся больше – я всю свою жизнь останусь перед тобой в долгу!» Он уже плакал, когда бабушка сказала ему: «А теперь уезжай, прямо сейчас!»

Когда сын вернулся, проводив друга, она спросила его:

– Ты не против моего решения?

– Нет, не против, только хватит ли, мать, сил твоих?

– Хватит, сынок, хватит! Всевышний добавит!

«Бог поможет! Бог поможет!» – говорила она сама себе, еще теплее собирая «сына» на показ своим братьям. У Пхиби было три брата. Старший из них – ученый-богослов и местный мулла, известный среди чеченцев далеко за пределами Шали и Чечни, которого в народе так и звали Миди Халад.

Она была единственной и очень ценимой сестрой среди трех братьев: Халад, Вахиди, Дадаши. Пхиби дорожила своим происхождением и сама оставалась вечной любимицей всего рода Мидаевых. Поэтому, уверенно и смело, со мной на руках побежала за их благословением приемного сына, и получила его, вместе с «правом» рассчитывать на братскую помощь.

С этого дня мы с бабушкой Пхиби стали на этой земле самыми родными и близкими людьми, и именно с этого дня меня называли «Пхиби к'ант» – это

было, своего рода, «адресное имя», указывающее на происхождение. За мной это имя сохранилось до сих пор.

С каждым божьим днем «мы с бабушкой» росли и крепились. Даже люди замечали, что бабушка стала легкой на шаг, ловкой и быстрой в движениях, чем раньше. Каждое прикосновение руки приемной матери передавало мне ее энергию любви и преданности.

Все ее заботы, ее тревоги, ее бессонные ночи, ее материнская любовь оборачивалось тем, что я «сын Пхиби» рос крепким и здоровым.

Мы с бабушкой жили в отдельной маленькой комнате во дворе, под навесом.

К нам почти каждый день приходили родственники Пхиби и соседи. Нам приносили угощения, иногда давали деньги. Конечно, больше всех и серьезнее всех о нас заботился сын Пхиби до тех пор, пока его супруга не перестала скрывать свою мучительную нелюбовь ко мне и бабушке. Она не переносила повышенное внимание людей к нам, а не к ее семье, и часто доводила до слез мою беззащитную старую приемную мать.

Не смотря ни на что, жизнь вокруг быстро менялась и улучшалась. Вместо убогих чеченских землянок появились новые дома. Местные власти раздавали чеченцам земельные участки. С каждым днем на лугах увеличивались стада овец и коров переселенцев.

Особенно быстро росла и крепла межнациональная дружба. На каждой улице слышались веселые голоса детей разных национальностей. Вокруг нас жили семьи разных народов: дунгане, уйгуры, немцы, русские. Среди них были уважаемые в народе мастера и ремесленники. Напротив нас, через дорогу, жил настоящий мастер деревянных дел – дядя Вася. Как я любил запах сосновых стружек на его рабочем столе!

Рядом с нами жил художник. Я учился у него рисовать. В раннем, дошкольном возрасте меня учили читать и писать в русской учительской семье. Я благодарен судьбе за то, что мне везло на хороших людей. Иногда подходили совсем незнакомые люди, гладили по голове и говорили: «Какой хороший мальчик! Какой молодец! Приходи к нам, мы с вами рядом живем».

Когда меня привели в первый класс, я уже умел читать, писать и рисовать. Первая учительница Александра Яковлевна... Одно прикосновение ее теплой руки к голове волшебной силой превращало меня в самого счастливого ученика!

Однажды, тайно от меня, она передала бабушке коробку. В коробке оказалось... чудо! Новые блестящие ботинки!

В бурной школьной жизни забывались домашние тревоги. Школа была для меня не только источником знаний, но храмом доброты и милосердия. Поэтому и сегодня школа остается для меня равной частью моей жизни, моей судьбы – вот уже более тридцати лет я работаю в школе учителем истории и литературы.

Однажды, на очередном уроке обществознания, когда мои подопечные уже записывали домашнее задание, в оставшиеся свободные минуты я задумался о жизни тех, кого учу. Это были удобные минуты для размышления. Напряженная часть урока закончилась. Дети расслабились и зазвенели как цыплята, которым подбросили корм. Я осторожно смотрел на них – ухоженных, жизнерадостных, проживших всего лишь шестую часть своего долгого века, и в печальном воображении, представил кого-то одного из них, которому выйдя из школы, некуда идти, негде жить и... никого нет. Эти мысли «надавили» на меня со всей своей тяжестью. Мне стало жалко моих учеников, потому что много лет назад, именно такое произошло со мной в моей юной жизни, когда я учился в 8-м классе.

В приемной семье, в которой я рос с девятимесячного возраста, я прожил столько, сколько жила со мной рядом моя приемная мать, дорогая моя Пхиби. Она вернула мне и жизнь, и веру, и нацию, чуть не отнятые у меня моими же родителями, которые решили предательски избавиться от меня, оставив меня

Советскому Союзу, в детдоме, как что-то лишнее, если бы этому решению не помешала настоящая чеченская национальная Верность, воплощенная в моей приемной матери Пхиби. Благодаря этой великодушной женщине из Шали, с настоящим мусульманским сердцем я стал тем, кем я сегодня являюсь.

В самые трудные годы первой военной кампании в Чечне, в 1995 году, я, сын и его мать были на лечении в Московской больнице глазной хирургии. От взрыва мины на окраине Шали мой тринадцатилетний сын остался без глаз и кисти правой руки.

В нашей больницы палате было шесть человек больных и столько же ухаживающих. Кроме нас все были русские. Когда узнали, что мы не только чеченцы, но к тому же и грамотные, они с удовольствием общались с нами, вели себя очень дружелюбно. Однажды зашла медсестра и сказала, что в соседней палате тоже лежит чеченец, который спрашивал про чеченцев – есть ли кто из земляков в соседних палатах?

Я зашел к нему. В палате, действительно, был чеченец, с перевязанным правым глазом. Мы поговорили. Он из Червленого – от удара по рессоре «газика» в глаз попал осколок, который удалили вчера вечером.

Я вернулся в свою палату. Поручил супруге приготовить еду. Я отнес посуду в соседнюю палату и, чтобы он спокойно поел, быстро вернулся. Самый общительный и интересный собеседник в нашей палате – он был зав. кафедрой какого-то Московского института – не выдержал и поинтересовался:

– Что? Родственник оказался?

– Да нет.

– Земляк? Из одного села?

– Нет, он за Тереком живет, за сто километров от нас.

– Просто, знакомый, значит?

– Нет, в первый раз вижу.

– А... Как же? Вы, это специально готовили еду, если первый раз видите человека? Платные услуги, что ли?

– У нас разницы нет: кто, откуда, чей? Чеченец чеченцу – и друг, и брат, и родственник, и земляк, где бы они ни встретились. Например, он не имеет права оставлять меня без оказания помощи, если я нуждаюсь. И я не имею права оставаться равнодушным, – пояснил я ему, как мог.

Он тогда оторвался от высокой подушки, присел на кровать, провел взглядом по всей палате, и, обратившись ко мне, спросил:

– Все сказал?

– Все, – ответил я.

– Вас никто, никогда не победит! – резюмировал он и без всякой осторожности свалился на подушку.

Для меня это было примером того, что мы себе цену не знаем еще. Мы должны беречь и жалеть друг друга. Нельзя за слабость или подлость одного человека и даже группы людей «заражать» свою душу презрением к нации.

У Пхиби было шестеро своих внуков – четыре мальчика и две девочки. Хотя мы с бабушкой жили отдельно, во дворе под навесом, в маленькой комнате, все дети относились ко мне, как братья и сестры. Их отец, фамилию которого я ношу до сих пор, его же именем зовут по отчеству в школе, уважал меня не меньше своих. Я рано почувствовал его отцовское расположение к себе, поэтому тоже называл его своим отцом. По малейшему поводу он с радостью рассказывал людям, что у него растет послушный, трудолюбивый и надежный помощник в домашнем хозяйстве. Родственники семьи Пхиби тоже давали мне такую же характеристику и хвалили среди детей только меня. Их же родного сына, наоборот, порицали за то, что в доме для родителей он бесполезен. Но мать мальчика болезненно реагировала на эти замечания и еще сильнее покровительствовала всем грехам безобразно растущего сына. А отец был и грамотным и внимательным ко всему: он давно был уверен, что из его старшего сына «никто не выйдет».

Жизнь в каждой чеченской семье держалась на собственном семейном труде. Поэтому взрослые серьезно относились к этому, стимулируя отношение к физической работе и у подростков. У нас, как и у всех чеченцев на нашей большой Базарной улице, было домашнее крестьянское хозяйство. Каждый год в своем огороде сажали лук и чеснок. Выращивали ароматные дыни-качанки, которые, по-моему, не растут на Северном Кавказе. Содержали достаточное количество птиц и животных.

Я любил помогать приемному отцу. Жалел его, когда видел на его худой спине выступающий пот от жары и усталости. Иногда, уходя в школу, спрашивал его: нужен ли я дома?

Пхиби и сноха «жили плохо».

Сноха ни за что не прощала свекрови мое появление в семье. Особая, в наивысшей степени материнская забота свекрови о «чужом», приводила сноху из состояния ревности в ярость. Не зная как успокоить или угодить снохе, Пхиби обиженным голосом говорила: – У ваших детей есть отец и мать, а у него кроме меня никого нет.

Трудно приходилось моей защитнице. Когда я был маленьким, какие-то две женщины, как хищницы, окружили нас с бабушкой, когда никого не было дома, и начали почти кричать на нас:

– Смотрите, какая дура! Да вы посмотрите на нее! Какая старая дура! Подобрала брошенного, чужого, никому не нужного! Что тебе своих мало?! Дала мукълахь, мел хира-м бац хьуна! Дала мукълахь, баркалла хира-м дац хьуна! (Посмотрим, какое «спасибо» ты за все это получишь!)

Потом, уже уходя, быстро, пока не появились кто-то из братьев Пхиби, обращаясь ко мне:

– А ты, когда подрастешь, столкни эту дуру в глубокую яму, другой благодарности она не заслуживает!

Бабушка прятала меня себе за спину и защищалась как могла. Ругаться она не умела: «Х1ай веза, воккха Дела! Х1ара к1ант цавезачарна, кхунах къа цахетачарна, х1окху к1антал х1ума ялийла шуна!» (О всемогущий Бог! Сделай так, чтобы у всех, кто не любит этого мальчика на теле вырос большой нарост размером с него!)

Через много лет уже на Кавказе я встретил одну из этих женщин, вернее, она сама подошла ко мне, расплакалась и просила прощения за нанесенные обиды мне и моей матери. Призналась, что Всевышний наказал ее за это: ее сын, мой ровесник стал пьяницей, бросил ее, родную мать, и потом свою семью. Она не знала, что я ее сына встречал много раз, что он, как и у всех просил у меня деньги похмелиться, и я ему всегда их давал. Но не сказал ей об этом, пожалел.

Мой приемный отец видел и понимал, что вражда его супруги и его матери из-за меня непримирима. К тому же, к требованиям своей матери избавиться от меня присоединился и старший сын, подстрекаемый своей матерью.

И видно поэтому за два месяца до смерти Пхиби, нас решили разлучить с ней. Потому что избавиться от меня при ней было невозможно.

Нам с бабушкой зачитали аккуратно сложенное письмо с Кавказа. В нем говорилось, что все три брата Пхиби (которые уехали еще в 1957 году, сразу после возвращения чеченцам и ингушам автономии) просят свою сестру не умирать на чужбине, а приехать на Кавказ к могилам предков. Мою Пхиби глубоко взволновало это письмо. Это был зов отечества, зов к могилам предков. Но первые же слова ее после прочтения письма были обо мне: «Поеду с сыном!» Но родной сын сразу возразил: «За своего сына не волнуйся, он останется с нами. Он пока мне нужен. Осенью мы все вместе приедем на Кавказ». Пхиби старалась успокоиться после решения сына. Поглаживая тонкой рукой мою голову, она стала говорить мне, а на самом деле, обращаясь к своему старшему сыну: «Дуту, слушайся отца, он для тебя хороший, он тебя любит, мой сын не бросит тебя, потому что вы оба мои», – и, наклонив меня к себе, тихо заплакала.

На второй же день пришли знакомые отцу люди, уезжающие на Кавказ, чтобы забрать с собой Пхиби. Посредине двора все собрались прощаться с бабушкой.

Пхиби обходила всех по кругу, прощаясь легкими объятиями и в последнюю очередь остановилась передо мной. Застыла в молчании и, покачивая головой, горько и протяженно произнесла мое имя. Последний раз обняла меня руками, на которых я когда-то лежал полуживым комочком. Знакомый с детства родной и близкий запах седых волос взволновал мое юное сердце. Я зарыдал. Моя мать уезжала умирать. Мы прощались и плакали, пока не разняли нас.

С тех пор, как мы расстались с Пхиби, прошло полтора месяца. Я остался один. Для меня в этой семье рухнула «крепость», которая меня берегла. Приемный отец, за которого я держался как за последнюю опору, сторонился меня. Так я и жил, пока не пришло сообщение, что моя мать умерла. Разлука со мной ей была не по силам,

Через несколько дней сноха Пхиби и ее старший сын с согласия отца сами решили мою судьбу:

– Теперь ты знаешь, что с нами тебя ничего не связывает, – сказала сноха и обратилась к сыну:

– Ну-ка, сынок, повтори ему слова, которые ты сказал своему отцу.

Тот повторил:

– Я отцу сказал: или вы выгоняете его, или я уйду из дому!

– Ты слышал?! А теперь – уходи! Пойми ты – ты нам чужой! И больше не возвращайся сюда!

Трудно было слышать слово «уйди!», но я не заплакал, чтобы не унизиться в их глазах. Я ушел молча, но с невыносимой, оскорбляющей обидой за долгую, детскую привязанность к ним.

Через много лет я пожалею ее, овдовевшую, больную и замученную бесчеловечностью старшего и безжалостным малодушием самого младшего сына, который забросит ее на 20 лет, сидя в России, на чьем-то «пушистом хвосте», под видом предпринимателя-неудачника. Чтобы поставить ее на ноги, я возьму все расходы за операцию на себя с последующим лечением. Она искренне попросила за все у меня прощения – хоть и не долго, но мы немного пожили в добрых отношениях, потому что никто ни от кого не зависел.

Бывший приемный отец ушел из жизни на два-три года раньше своей супруги. Онкологический недуг стремительно приблизил его к смерти. Я искренне бегал за ним по больницам в Шали и Грозном. Когда он умер, оплакивал его как близкого человека и с разрешения его родственников похоронил на свои деньги.

Когда я приехал из Киргизии и местом жительства выбрал Шали, мне дали квартиру в учительском доме при Шалинской СШ №4. Тогда я еще был холост. Жить в одном селе и, хотя бы для приличия перед людьми, не общаться с бывшей приемной семьей, которая в Киргизии избавилась от меня, было невозможно, потому что чужие не знали об этом, кроме родственников Пхиби. Поэтому мне и моим бывшим «приемным» приходилось притворяться в теплых отношениях друг к другу.

Но в тот момент, когда меня выгнали из дома, я шел и думал: как быть? куда пойти? что делать? Но есть, есть у меня люди – мои чеченцы, которые живут на большой чеченской улице, которые всегда меня любили. С ними я не останусь один, успокаивал я сам себя, пока не дошел до ворот дома самых близких мне после Пхиби людей на нашей улице. Здесь жила большая семья из Белгатоя. Много лет назад, к ним прибежала Пхиби со мной на руках с женской просьбой: «Маржан! ХIара а воллахь хьайн тIема кIела, хьо охьа хьинчара», – говорила моя мать, когда Маржан садилась кормить своего сына, моего ровесника. Мать и отец моих молочных братьев умерли. Старший брат сказал: «Когда Пхиби увезли, мы сразу поняли, что тебя они не оставят. Мы твои братья, от нас никуда не уйдешь! Живи с нами!»

На третий день приехали из школы: директор, классная руководительница и воспитательница.

Советская школа была очень внимательной к детям. Каждый учащийся был на контроле. Особенно сироты и полусироты.

Директор, Федор Афанасьевич, сказал старшему брату, что школа собирается определить меня, ученика восьмого класса в детдом-интернат, и что по советским законам он обязан это сделать. Брат ответил, что пока он живой, в казенный дом меня не отдаст. Такой ответ директора убедил, и он уже спокойно, спросил меня:

– Хамзат, а ты сам, как думаешь?

Я сказал, что буду жить со своим братом. И еще попросил:

– Федор Афанасьевич, разрешите мне до экзаменов заниматься дома, самостоятельно.

– А почему хочешь бросить занятия в школе, у тебя все удобства для учебы, видишь, как старший брат за тебя горой? Вы, чеченцы молодцы, друг за друга всегда постоите.

– С завтрашнего дня я устраиваюсь на работу, на лесоторговую базу разгружать вагоны, – ответил я.

– Ничего себе! Разгружать вагоны! Не в твоём же это возрасте разгружать вагоны с досками! – застонала моя классная руководительница.

– Значит, работа на равных с мужиками? – спросил директор.

– Да.

– Оплачивать они тоже будут «на равных»?

– Да.

– Сколько?

– 120 рублей.

– Марья Васильевна, дадим ему совмещать учебу с работой. Легкой жизни у него уже не будет. Береги себя, Хамзат. А первого июня приходишь на первый экзамен, договорились? – сказал директор и они уехали.

С тех пор, как я стал работать, люди стали относиться ко мне еще серьезней, еще внимательней. Даже старики не жалели времени присесть со мной на случайной скамейке и поговорить «по душам». Большинство стариков говорили одинаково:

– Не забывай, вырастившая тебя мать, твоя Пхиби, уже в раю за то, что тебя сберегла. Если ты станешь хорошим человеком – для нее это лучший подарок! Она умерла, мечтая дожить до этого дня. Она верила в это, она верила в тебя. Ты не забывай про эту Веру!

Я был благодарен людям за доброе слово, за добрые души, за каждый их миг, обращенный ко мне.

С работы домой возвращался усталое. Но каждая встреча с хорошими людьми или просто с друзьями возвращала мне силы. Иногда хотелось закричать: «Я люблю Вас, Люди!»

Какое блаженство для юноши получить свою первую зарплату. Впервые на свои заработанные деньги я купил себе одежду и, как никогда, испытывал самые благородные человеческие чувства – чувства собственного достоинства.

Впервые с трудовым коллективом я вышел на демонстрацию Первого мая! Счастливые, радостные лица людей. Народ и государство славил труд. На торцевой стороне большого дома, на красном полотнище был лозунг, который полюбился и запомнился мне на всю жизнь: «Земля трудовая! Цвети под солнцем 1-го Мая!».

Вечерами, возвращаясь усталым с работы, мне вспоминались слова из любимой песни Марка Бернеса «Я люблю тебя, жизнь!»:

...Вот, уж окна зажглись,
Я шагаю с работы усталое,
Я люблю тебя жизнь!
И хочу, чтобы лучше ты стала!

Утром спешил на работу, чтобы быстрее увидеть своих друзей. Мне с ними было интересно. Они видели и знали о жизни много. Самым близким стал мне дядя Хомыч. Он, оказывается, был на Севере. Здесь его работа была легкая, он был хромой и сколачивал ящики.

Дядя Хомыч с каждым днем все больше и больше рассказывал мне о Севере. О северном сиянии, про белые ночи. Как там ездили на оленях, на собаках. Это было то, что мне не хватало для новых испытаний, для острых ощущений. Я вспомнил, как на уроках географии внимательно слушал и хотел романтики. Когда я слишком серьезно стал приставать к Хомычу с вопросами, кто-то сказал: «Не вздумай уехать туда, там азиатов и кавказцев не бывает, и мороз до 55 градусов, и воздух разряжен, если поранился – кровь не останавливается, и из авторучки чернила вытекают». Это полностью захватило меня. Я твердо решил – еду на Север.

Хомыч уже серьезно и ответственно относился к моему решению. Давал мне разные советы, указывал маршрут, как добираться. Я каждый день прибегал на работу с мыслями только о Севере.

Был жаркий день, и я совершенно забыл, что сегодня первое июня! О своем экзамене вспомнил, когда увидел школьную пионервожатую рядом со школьным автобусом. «Хамзат, на экзамен, на экзамен! – кричала она. – Директор послал за тобой, немедленно в автобус!». «Как, прямо в таком рабочем виде что-ли?» – удивился я. «В рабочем виде, немедленно садись, мы опаздываем!». Потный, грязный, весь в опилках я сел в автобус, и мы приехали в школу. Когда вошли в коридор, мои одноклассники набросились на меня с радостными объятиями, не обращая внимания на пыльную одежду в опилках.

Кто-то прилип к левому плечу?

Это же Ольга Полякова!

– Ой, да Ольга! Ой, да Ольга! – говорит изумленная учительница физики, очищая ее лицо от прилипших опилок и слёз. – Любят они тебя, Хамзат, видишь, как любят? Ольга твою фотографию с Доски почета сняла и утащила себе домой!

– На экзамен! На экзамен! – позвал меня директор и это успокоило всех.

Экзамен был по математике. Мне быстро положили на парту задание, и я стал решать уравнения спокойно и уверенно. Математику я знал на «4». Для меня этот экзамен был настоящим праздником, если бы не рабочая одежда. Вместе с тем мне даже удалось помочь двоим одноклассникам и удачно сдать свою работу.

Так закончился мой первый выпускной экзамен в 8-ом классе. Следующие экзамены я сдал спокойно и все на «хорошо».

Директор на работе давал мне свободные дни на экзамены. Последний раз я пришел в школу в указанный день получить «Свидетельство о неполном среднем образовании».

Директор отдал мне аттестат и сказал:

– Хамзат, если у тебя жизнь не сложится там, где ты сейчас живешь, обращайся в школу, мы тебя устроим в интернат. Но я уверен – твоя жизнь сложится отлично! Не горюй!

С этого дня я думал только о Севере. Он стал для меня загадочной частью моей жизни. Север мне нужен был, чтобы закалить и утвердить себя. Чтобы больше увидеть и больше знать, чем могла мне дать спокойная «домашняя» юность.

Я достал карту и красным карандашом отметил себе маршрут, как советовал мой дорогой старший наставник Хомыч. Путь к заветному Игриму пролегал из Кара-Балты через Фрунзе-Караганда-Омск-Тюмень-Игрим.

Хомыч предупреждал, что в середине августа холода возвращаются. Я собрал себе теплую одежду. Предупредил своих близких людей, что я уже собрался ехать на Север. Выслушав меня, они всё поняли, и старший брат сказал: «Судя по твоим убеждениям, «крылья» у тебя уже выросли и отговаривать тебя бесполезно. Помни, наш дом – твой дом! Мы твои братья».

Были у меня два друга, которым я страстно рассказывал про Север, что собираюсь уже уезжать. Они были мои ровесники и без всякого колебания заявили, что едут со мной, что они, как и я, взрослые и готовы принимать самостоятельные решения. Но, когда я выслушал их родителей, картина оказалась совсем другой. Их родители объяснили мне: «Ты едешь туда, куда родители своих детей не отпустят. Если бы там была нормальная жизнь и нормальные люди, они ездили бы на лошадях или на ослухах, а не на собаках и оленях. По тебе плакать некому. Ты отвечаешь сам за себя. Мы своих детей не пустим. На свой север езжай сам. Ты хороший парень. Пусть тебя бережет Бог!»

Директор на работе распорядился выдать мне полную за месяц вторую зарплату, сам от себя лично добавил 50 рублей и сказал: «Пока я здесь, я возьму тебя на работу в любое время! Дай бог тебе удачи, счастливого пути!»

На следующий день я уже был на железнодорожном вокзале вместе с друзьями, которые пришли меня провожать. Железная дорога проходила недалеко от нашей улицы. Если на улице тихо – можно было слышать стук вагонных колес, который с детства казался мне куда-то зовущим. До прихода моего поезда оставалось немного. Из провожающих друзей кто-то сказал:

– Эх, счастливый ты, Дуту! Пацаны тебе завидуют.

– Почему? – удивился я.

– Потому что у тебя никого нет и поэтому ты едешь, куда хочешь.

– А раньше я вам завидовал, – ответил я, а про себя подумал: и сейчас завидую, и всю жизнь, уверен, буду завидовать.

Пока мы говорили, поезд подъехал. Было горько... это были мои лучшие друзья – и чеченцы, и русские, и узбеки, и уйгуры. Их родители хорошо относились ко мне. Прощаться всегда тяжело!

Мой поезд тронулся. Я поднялся в вагон и сел у окна. Слезы мешали смотреть, как прощально махали руками дорогие мои друзья и одноклассники.

Вдруг стало тревожно: зачем, ради чего я выбрал себе эту дальнюю дорогу, оставляя самых близких себе людей, принявших и поддержавших меня в трудные дни.

В такой атмосфере я чувствовал себя слабым и неокрепшим, нуждающимся в защите.

Мне надо было закалить себя, утвердиться в собственных и чужих глазах. Мне нужны были новые открытия, новые ощущения. Одним словом, я был в плену всепобеждающей романтики, за которую так дорого платил.

Как только сошел с поезда, сразу повеяло прохладой, видно было, что это не азиатское лето, а сибирское! Поспрашивал, где найти здание «Треста». Люди подсказали, и я, без всяких троллейбусов и автобусов, двинулся по городу пешком. Тяжелого груза на руках не было. Был один только рюкзак, который я набил нужными вещами. Мой Хомыч меня учил: «Запомни! На север чемоданы не тащат – бери только рюкзак! Он украшает настоящего романтика!»

Ходил по указанной мне улице и рассматривал деревянные старинные дома с разными узорами на окнах и дверях. На одном деревянном длинном доме с аркой посередине было написано «Краеведческий музей». Если бы он был открыт, я бы не «посмотрел» что мне надо найти «Трест». Как я люблю музеи! Из школы в год два раза нас возили на нашем школьном автобусе во Фрунзе. Краеведческий музей, Музей изобразительных искусств, Национальный музей. Для меня все тайны людей и природы живут в этих зданиях. Надо запомнить это место, где стоит музей – я обязательно вернусь, когда устроюсь. А что устроюсь – не было никакого сомнения! И знаете, что интересно? Я не понимал, откуда бралась эта уверенность, эта вера в себя. Может быть это была вера в большую страну? Вера в молодость, вера в людей? Да! Это было и то, и другое, и все вместе взятое! Но ведь так и случилось. Беспокойная юность одерживала победу за победой!

Когда я нашел «Трест» и зашел в отдел кадров, меня любезно встретили. Женщина вышла в коридор и кому-то громко сообщила: «Смотрите, девочки,

у нас тут один молоденький, черномазый на Север собрался!» Зашли две женщины и глянули на меня:

– Действительно, это же кавказец! Откуда ты, чернявый?

– Из Фрунзе.

– А по национальности?

– Чеченец.

– Значит, чеченец, ты твердо решил «махнуть» на Север?

– Да, твердо.

– Молодец, молодец! Настоящий романтик!

– Место себе выбрал на Севере?

– Выбрал. В Игрим.

– Вот в Игриме ты у нас будешь первым чеченцем! Как раз директор конторы бурения ваш кавказец, абхазец! В общем, так, мы зачислим тебя в учебную группу, хоть они у нас целый месяц занимаются, ничего – догонишь! Сначала пройдешь медкомиссию. Главное, чтобы ты был здоров, остальное – мы все сделаем. У нас рядом с нами учебная буровая, корпус учебный. У вас будет бесплатное питание, обмундирование. Оденем, обуем во все северное и отправим вас группу из двенадцати человек в Игрим на Ан-2. Вот тебе направление в поликлинику. Это отдашь коменданту общежития, там тебе дадут место, постельное белье, и ты уже – наш. Документы остаются у нас. На севере они не нужны. По любому вопросу обращайся к нам.

Вот так я был и принят, и устроен, и обучен, и награжден настоящей мужской специальностью – помощник бурильщика!

Любой механизм на учебной буровой, за который я брался, был понятен, прост и удобен для мужских рук. Это была профессия настоящего романтика!

Через два месяца, нас, двенадцать человек, повезли на аэродром, посадили в «кукурузник» Ан-2 и отправили прямо на Север, в Игрим.

Я смотрел в иллюминатор и сразу подумал: вот они, мои «крылья», о которых говорили мне братья, когда я прощался с ними. Долго росли они, эти «крылья», наконец-то они меня подняли и уносят в неведомый край, хоть и в суровый, зато романтичный!

Под крылом самолета бесконечные реки, озера, леса и леса, которые стали редеть, уступая появлению настоящей тундры.

Мы долго летели, наконец, под крылом замелькали дома и редкие сосны.

Ан-2 приземлился в Игриме. Под ногами песок. Игрим оказался портовым, большим и уютным городком.

Воздух чист и прозрачен. Пахнет рыбой, речной водой. Самым приятным запахом стал для меня сосновый хвойный аромат, хотя деревьев мало. Все дома вокруг и наша игримская контора бурения – деревянные.

Нас устроили в бревенчатое общежитие и распределили по вахтам.

Когда мы только прилетели и шли по поселку до своей конторы бурения, на здании Дома культуры я прочел на огромном плакате слова: «Там, где человек, там, где его труд – там будет все!». Это была прекрасная истина, подтверждающая преобразованную человеком северной действительностью.

Ты оглянись по сторонам! Север в плену человека. В небе, как саранча, вдоль и поперек бороздят вертолеты. Гудят буровые вышки. По тундре разносятся

Пхиби с маленьким Хамзатом

гудки речных пароходов. Железной паутиной потянулись трубы – от скважины до скважины, собирая газ для Большой Земли.

На следующий день, с начальником смены нашу вахту повезли на гусеничном ГАЗике на общий аэродром до ожидающего нас вертолета. Буровые вышки расположены на разных расстояниях от центра. Поэтому транспорт тоже разный – катер, ГАЗик, вертолет или АН-2.

Когда мы подъехали к вертолету, я впервые в жизни увидел его на таком близком расстоянии. В моем воображении сразу нарисовалась большая беспомощная стрекоза с повисшими крыльями. Но, когда мы уже уселись внутри, разместившись по бокам на скамейках, «стрекоза» оказалась очень живой: мотор заревел как лев, лопасти закрутились и натянулись как струны, весь вертолет напряжился, наклонился вперед и взлетел.

Что может быть интересней первого полета на вертолете? Особенно, если он северный! Ни в одном иллюминаторе нет стекол. Это был МИ-8.

Мы прилетели на нашу буровую. Уходящая на отдых смена, как положено, разъяснила ситуацию на скважине. Наш буровик принял смену и расставил нас по местам. Я был «верховым». «Верховой» – это помощник бурильщика 4-го разряда, работает на верхнем поясе вышки. «Верховым» назначают более молодого и энергичного. Таким тогда был я. Потому что «верховой» должен быть выносливым и крепким. Зимой «верховому» труднее всех, потому что там, наверху, дует по-страшному. Зимой, в ночную смену, «верховому» через каждые 2 часа разрешали опускаться вниз, чтобы погреть ноги и оттаять бороду, на которой под маской собирались сосульки от дыхания. На пуховой заячьей маске есть отверстия только для глаз. Маска опускается до груди и поверх нее надевается шапка.

Когда температура понижалась до 50-ти и ниже градусов, буровая останавливалась. Работали только паровые котлы, электрогенераторы. Потому что было опасно! Металл от мороза становился хрупким, и он отламывался как будто лезвием срезанный. Бывали случаи, что погибали люди.

Северный климат переносится трудно, пока не привыкнешь. У некоторых начисто выпадают волосы с головы. Слабеют и выпадают зубы. Потому что воздух разряженный. Только на третий месяц я полностью адаптировался к северным условиям.

Через каждые 8 часов заступали на вахту. Таким образом, получалось, что через каждые три дня возвращались в Игрим на три дня, чтобы отдохнуть. Эти выходные я использовал для продолжения учебы в вечерней школе ШРМ – школа рабочей молодежи.

Так началась моя учеба, совмещенная с работой, и – наоборот! Когда наступали праздники отдыхали. За одним столом собиралось несколько национальностей. Какие же это романтики без гитары! Мне подают ребята гитару и говорят: «Таби, спой на своем языке про мать».

Имя «Таби» я получил случайно. В первый день, когда мы знакомились на курсах в Тюмени, кто-то сказал:

- А мы знаем, как тебя зовут!
- Как? – удивился я.
- На левой руке наколка – «Таби».

На левой руке было имя моей матери – Пхиби. Они прочитали ошибочно, я промолчал и согласился, потому что Пхиби и Таби очень созвучны. Так и звали меня – Таби.

Тоскуя по родной чеченской речи, я часто и без повода пел свою любимую песню: «Генара лаьмнаш». Мои друзья полюбили звучание и мелодию песни, примерное содержание которой я им перевел. И, когда песня возвращалась к выразительному припеву – «Со вина сан нана...!» – они тут же хором подхватывали и напевали со мной вместе: «Со вина сан нана...!», и снова все повторялось еще громче. Я ликовал! Какая радость – слышать родную речь хотя бы из трех слов!

Страна, в свою очередь, ничего не жалела для людей, осваивающих Север. Ветераны Севера рассказывали, что в самом начале, до денежной реформы, когда сторублевая купюра была как «портянка», они ходили в кассу за получкой, снимая наволочки с подушки, так как деньги в карманы не вмещались. Одна северная газовая или нефтяная скважина покрывала затраты, потраченные на десять разведывательных скважин. Доставка 1 килограмма металла в тундру государству обходилось в 1 рубль! Но самым «ценным» на Севере оставался человек! И люди сами берегли друг друга. Из-за какой-то ссоры, даже драки, здесь не бросали друзей!

Только в год один раз я видел здесь милиционера. Общественный порядок соблюдали сами люди. Люди труда не нуждались в милицейском контроле. Бездельников, пьяниц и человеческих паразитов на Севере не бывает. В общежитии буровики не прятали деньги от друзей. Когда кто-то уезжал на «большую землю» в отпуск или по серьезным обстоятельствам – все ребята давали деньги уезжающему. Там, где людей объединяет труд – воров никогда не бывает.

Думы и помыслы трудящихся Севера в моем представлении были чисты и прозрачны как бескрайние горизонты самого Севера.

Самые запоминающиеся картины Севера встречаются и летом и зимой. Белые ночи тут быстро сменяются настоящими черными ночами. У этих «черных ночей» тоже есть свои прелести. Это то самое Северное сияние. Это такая завораживающая картина, что если бы не сильный мороз на улице, можно было бы любоваться этим всю ночь: над головой повисают светящиеся остrokонечные высокие круги, как многослойный огромный абажур.

В «сияющую» ночь все выходили на улицу и держались на морозе как можно дольше. Было такое поверье, что северное сияние снимает тоску по «большой земле». Это было близко к истине. Странно, но, действительно, тоску снимало как рукой.

Когда я уже заканчивал мои последние «северные» 11 классов, у меня не оставалось никакого сомнения, что моя жизнь будет связана со школой. Я часто вспоминал свою дорогую школу, то как все переживали за меня, как она первой забила тревогу о моем одиночестве! И последние слова директора не забуду:

– Хамзат, если жизнь не сложится на новом месте – обращайся к нам. Школа тебе поможет!

В моих мечтаниях созрела целая программа предстоящей жизни. Мой Север, оправдавший все мои ожидания, завершал мое трехлетнее пребывание, превращаясь в настоящую опору для дальнейшей жизни. Я вернулся в родную Киргизию уверенным и настоящим оптимистом.

Вид у меня был декоративный. На чисто белом лице черная борода, которую носили все на севере, защищаясь от обморожения.

Своим приездом я обрадовал всех, кто знал и помнил меня. Братьям, сестрам привез подарки, которые щедро покупал по дороге в разных городах, потому что у меня были деньги, на которые, по тем временам, можно было купить нормальный дом.

Повидавшись со всеми, отдохнув с дороги, я отправился во Фрунзе.

В городе нашел свой заветный пединститут и направился прямо в приемную комиссию, пытаясь успеть на ходу быстро принять решение: заходить с бородой или быстро сбежать в парикмахерскую? Пока я гадал, принимающие документы со всех факультетов с живым интересом сначала смотрели на меня, а потом друг на друга.

Я уже стал подозревать, что меня принимают за дурака и здорово пожалел, что представил себя в таком виде. Борода же была не шуточная!

Когда я со своей бородой проходил перед столами по длинному ряду, с ужасом замечал, как девушки втягивали голову в плечи от страха. Когда я остановился у стола, на котором стояла табличка «Историко-филологический факультет», женщина солидного вида поднялась и осторожно спросила:

– Простите, вы из городской синагоги?

– Нет, я не городской, я приехал из Севера, – спокойно ответил я.

– Ах, вот как! Простите меня. А я подумала... Собираетесь поступать? Давайте документы.

Когда я начал копаться в маленькой сумочке из под документов, она снова стала придирааться к бороде.

– Видите, у вас и сумочка как у людей из синагоги. Я не виновата, что так подумала.

– Это моя вечная «спутница», она мне приносит удачу, – похвастался я.

– А вы, действительно, романтик, прямо, как Чехов, который «хоронил» свой поношенный портфель.

Мои документы были любезно приняты. Как я был рад!

На первый и последующие экзамены я приходил со своей «синагогской» бородой. За первый письменный экзамен – сочинение, за содержание и полное раскрытие темы получил «пять». Эта первая и важная оценка утвердила меня в глазах преподавателей. А вот на устных экзаменах, оказывается, мой «святой» вид провоцировал преподавателей на дополнительные вопросы, на которые я, хоть и не на все, но отвечал удачно. В итоге мне были выведены четыре оценки: 5-4-4-3. Последняя оценка – условная, по иностранному языку за прочерк в аттестате.

Чисто выбритый, белый, свежий и, как мне показалось, легкий на вес, я отправился в институт искать себя в списках зачисленных на очное отделение историко-филологического факультета.

От волнения долго водил дрожащим пальцем по списку и, наконец, нахожу себя: «Саламов Хамзат Кюриевич, зачислен на 1-ый курс истфилфака Фрунзенского пединститута». Какое счастливое мгновение жизни! Поступить в институт! Как я счастлив! Я нашел достойное самоспасение от унылого одиночества.

Верьте мне люди! Самостоятельной юности большого счастья, чем это не надо!

Я переехал в город и поселился в студенческое общежитие.

Теперь моя бывшая северная жизнь сменилась на южную. Рабочая жизнь на студенческую. Так я стал городским.

Институтская жизнь моя была охвачена успешной учебой, без «троек» и активной общественной жизнью на факультете. Когда узнали, что я рисую, меня включили в состав студенческой редколлегии по выпуску ежемесячной факультетской стенгазеты.

Я мог писать крупным плакатным штрихом большие заголовки к тематическим стендам в коридорах учебного корпуса. Рисовал масляными красками, акварелью, гуашью и карандашами.

На 3-м курсе, когда художественная «слава» на факультете (к этому времени наш двойной факультет разделился на исторический и филологический, и я остался на филологическом) дошла до ректората – меня включили в состав институтского Художественного Совета.

С тех пор я стал получать стипендию на 5 рублей больше. Тогда стипендия, самая обычная, составляла 40 рублей по всему Союзу. И выдавали только тем, кто учился без «троек».

Мои северные денежные запасы давно кончились. Без посторонней помощи жить и учиться на одну стипендию было невозможно. Я нашел работу на крупном механическом заводе в токарном цехе уборщиком металлических стружек. Работа на полставки с 6-ти часов вечера до 10 ночи. Оплата – 70 рублей в месяц. Мне этого хватало. Я скрывал свою постороннюю работу от студентов, куратора и преподавателей. Ребятам в общежитии говорил, что хожу на вечерние курсы художников. Они верили. Ведь так было престижней, чем выглядеть в глазах сверстников беспомощным. Так я работал до конца 3-го курса, не обнаруживая себя никому.

Мне снова очень повезло! Однажды к нам в институт приехали настоящие художники оформлять ленинскую тему «Лениниада» в новой учебной

пристройке. Я кружился вокруг них на каждой перемене до тех пор, пока они во мне не обнаружили начальные способности художника – декоратора, и на летние каникулы взяли меня с собой работать по всему городу. Надобность подметать заводские цеха отпала.

Это уже была середина последнего 4-го курса. На кафедре русского языка и литературы, в деканате стали поговаривать, что меня надо оставить при институте и направить в аспирантуру, которая была при Фрунзенском университете.

Мое же решение было твердым – уеду на Кавказ! Я думал: не отдам ни удачам, ни успехам веру в меня моей Пхиби, которая не дала мне превратиться в неизвестную национальность! Здесь, если не я, то дети мои точно растеряют свои корни. А там, на Кавказе, хоть меня и некому встретить, но зато предо мной распахнется вся моя родина! Что еще надо! А то, что родителей нет – не один же я такой... И не стану смешивать и засорять свою чистую жизнь, спасенную людьми, чистой мусульманской веры. У меня есть профессия, есть образование, меня примут в любую школу. Что еще надо?! А жить – найду где. Постараюсь устроиться там, где могила моей Пхиби.

Это было мое кредо! Мой манифест!

С тех пор каждый день учебы приближал меня к главной цели – после госэкзаменов получить диплом и уехать на Кавказ! В то время дипломы выдавались на руки только после двух лет педагогической работы по направлению.

После успешной сдачи госэкзаменов даже декан похвалил меня за «пятерку», полученную по «научному коммунизму», – такая оценка была почти «музейной» редкостью по этому малопонятному предмету. Хотя у меня эта оценка и была единственной среди всех госоценок. Воспользовавшись таким положительным вниманием декана, я признался ему о своих намерениях уехать в свою республику. Его это вовсе не удивило, он был осетин – Бесолов Лазарь Магомедович, доктор филологических наук. Много раз перед всем факультетом он объявлял мне благодарность за активное участие в общественной жизни факультета. В случайных беседах положительно отзывался о чеченцах. Поэтому, не задумываясь, ответил на мою исповедь: «Хамзат, я давно знал, что ты уедешь, по тебе это видно. У тебя есть единственный выход – напиши своему республиканскому Министерству просвещения, чтобы они прислали вызов на тебя ректору нашего института. По-другому никак не получится».

Я так и сделал: с патриотическим письмом обратился к министру просвещения ЧИАССР Умарову Мухари Умаровичу (Дала гечдойла цунна). Вскоре пришел вызов, и мне с добрыми напутствиями прямо в ректорате выдали диплом, который в прямом смысле «поднял меня на крылья». Я сел на самолет Фрунзе-Баку, на следующий день пересел на поезд и сошел на станции «Грозный». Вот она! Земля моего народа, которому я приехал служить!

Дорогой читатель! Если бы ты знал, как долго стоял я на перроне вокзала, любуясь чеченским говором, ласкающим слух. Торопил свои думы. Мучительно долго выбирал, куда дальше ехать? Где смогу жизнерадостно жить, чтобы правильно было и перед Богом, и перед людьми, и перед образом и памятью моей Пхиби? Я тронулся с места. Выбор был сделан очень просто. Ножай-Юртовский район – мое отечество, но жить рядом с отцом и мачехой – не смогу! Родственников по отцу (дехой) – никогда не брошу. Среди чеченцев такое не проходит. Они передо мной ни в чем не виноваты. Но жить смогу только среди тех, с кем вырос, с которыми связала меня и мою судьбу Пхиби.

Я уже в пути, еду в Шали. Сегодня увижу могилу матери. Меня встретят ровесники, с которыми вырос. Выскажу им последнюю просьбу-завещание: положить меня в одну могилу, рядом с моей Пхиби.

А жизнь, какая сложится в Шали, такую и приму!

С тех пор восьмой
веселый день весны
Болит в сердцах у целого народа.

Гоппан*

Гоппан с айранной
шапкой набекрень,
Ты вечный спутник чабана-балкарца.
В кошаре при неровном свете лампы
Тебя он вырезал рукой надежной.
Гляжу на склоны гор,
покрытых лесом,
Держа в руках гоппан
с айраном пенным.
Как много инородцев дружелюбных

С моим народом сблизил ты, гоппан!
В степи далекой,
где лишь ветры правы,
В жестокую годину лихолетья,
Гоппан, ты был всегда
с народом вместе,
Его судьбу безропотно приняв.
Когда беда крошечной темною
Огромный мир пред взором застилала,
К тебе, как будто к символу отчизны,
Многострадальный горец припадал.
...Бежит Ак-су, журчит меж валунами.
Цветет ольха на берегах зеленых.
Зачерпнутая из реки гоппаном,
Стократ вкуснее кажется вода.

Товарный вагон

Громохая на стыках, бедою груженный вагон
На колеса наматывал горестные километры,
И в последнем отчаянье бросившиеся вдогон,
Отставали родимых ущелий летучие ветры.
На страницах грядущих романов и повестей
Отразится эпохи губительная гримаса,
По веленью которой везли, как скотину, людей,
Обездоленных злобною волей недоброго часа.
Знать балкарец не знал, что на свете так много земли,
Но в дали непроглядной остались сиротами скалы.
В неизвестность угрюмо составы продутые шли
Бесконечную степью, укрытую снегом подталым.
Смерть над целым народом свои распростерла крыла:
Сын на фронте убит, мать истаяла в страшном вагоне.
Поглощала надежду слепой безысходности мгла.
А составы гремели, отсчитывая перегоны.
...Время – лучший советчик и самый бесстрастный судья.
Оговорная грязь, ты к народной судьбе не пристала.
Но в ночи просыпаюсь от стука вагонного я,
Ибо память травую забвения не зарастала.

Перевод с балкарского Аркадия Кайданова

*Гоппан– чаша, сделанная из дерева.

Муса Ахмадов**Деревянные куклы**

Рассказ

Раздавшийся неподалеку хлесткий звук разбудил Дени, он увидел падающий в окно лунный свет, в соседней комнате слабо заплакал ребенок. Дени понял, что это за шум, когда тишину опять нарушил грохот выстрелов, вспомнил, что живет в суверенной стране, и поэтому не может быть несчастлив.

Когда ребенок заплакал вновь, Дени перешел в ту комнату и, откинув полог с колыбели, прочел «Шахадат» – ребенок плакал во сне. Он вспомнил слова матери: ребенок плачет во сне, когда ангелы ему говорят, что родители его умерли. Какая жестокая шутка для маленького, беззащитного человека, пришедшего откуда-то из вечности на эту холодную, жестокую, полную угроз землю, не имея никого, кроме родителей! А может, ангелы не шутят? Может, они готовят маленького человека к этой жизни, заранее давая ему познать горечь беды?

Земля – своеобразный ад, созданный для испытания человеческих душ. Испытание начинается с момента рождения. Жизнь – тоска, жизнь – боль, редко, раз в десять лет, душа обретает покой.

Проснувшаяся мать извиняется:

– Кажется, я задремала.

Колыбель, ритмично раскачивающаяся под ее рукой, просеивает плач ребенка, как сито просеивает кукурузную муку, рассыпает его по миру, пока он не исчезнет.

Он идет в свою комнату и садится за стол. Вырезанные им из дерева образы, стоящие на столе, в свете луны кажутся призраками удивительных животных, живущих в непроходимой чаще леса.

Дени освоил это ремесло – вырезать из дерева человеческие образы – еще в детстве, когда отец взял его в горы пасти овец. Отец не одобрил увлечения сына: бесполезное занятие, кроме того, изображать людей запрещено религией. Но вошедшая в кровь привычка гнала эти мысли прочь.

А когда на его скульптурную композицию «Зимний день в горном ауле» – на доске (метр на полметра) он изобразил основные события, которые происходят в ауле в течение одного зимнего дня (в углу стояла высокая башня; вокруг беспорядочно разбросаны дома; там с горки на санках катаются дети; тут, на центральной площади аула, собрались мужчины; мимо них, погоняя двух волов, запряженных в сани, идет старик по дрова либо за сеном; чуть поодаль, у родника, стоят юноша и девушка; гонит с водопоя овец мальчик, а рядом с ним большая мохнатая собака) – обратили внимание на выставке в Москве, у него неосталось сомнений в том, что он на верном пути.

И тогда весь дом заполнили деревянные скульптуры, и чем больше их становилось, тем больше росло недовольство отца: «Мой в тридцать лет играет в куклы, а чужие сыновья давно уже начали жить самостоятельно», – ворчал он.

А однажды зимним утром, когда мать никак не могла растопить печь, отец взял самую крупную из его скульптур, разрубил на мелкие сухие деревяшки и положил в печь. Дени молча глядел на огонь, который мать растопила из его скульптуры, и тихо оплакивал в душе свое творение. Увидев огорчение сына, отец, казалось, тоже был огорчен: «Ты что приуныл, как на похоронах самого дорогого человека? Вырежешь новые деревянные куклы – тут во дворе жерди,

привезенные мной, возьми какую хочешь, хочешь бук, хочешь липу. Закончатся они – так в лесу еще немало деревьев».

Он промолчал, хотя сразу же простил отца, промолчал и за завтраком, когда отец попытался шутить (не хотел молчать, но бес попутал), промолчал и позже, когда отец запряг коня в сани и пошел на лесную поляну за сеном, оставляя следы на свежевыпавшем снеге. Досада на самого себя, возникшая у него в тот день, когда он торопливо, часто дыша, шел по следу саней за задержавшимся отцом, год за годом в душе тяжелела и росла, заставляя сердце биться все слабее и слабее. Когда посреди заметенной снегом поляны, на саях, полных сена, он увидел снежную пыль на холодном лице внезапно умершего отца, эта жестокая досада, разбив, как стекло, на мелкие осколки его сердце, попыталась вырваться и уйти в темные высоты, туда, в холодную пустоту, где скитаются беды и печали других людей. Поначалу его сознание согласилось с этим, но, вспомнив долг перед матерью и младшими братьями и сестрами, он удержал в себе эту досаду, жгущую ему сердце расплавленным свинцом.

Пламя творчества, вспыхнувшее в нем в детстве, слабело с годами, но он не сдавался, трудился день и ночь. «Ты почти уничтожил весь лес вокруг нашего села», – шутили соседи. Так проходил день за днем; сначала наступала зима, потом весна, потом лето, потом осень, а после все повторялось вновь; молодые выросли, взрослые старели, а старые, глядя усталыми глазами на оставляемый ими мир, умирали. Только он один застыл, не взрослея и не меняясь.

Он изменился неожиданно, когда в гости приехала сестра, моложе его на десять лет. Сын и дочь сестры играли во дворе с сыновьями брата, который был на два года младше сестры, и во время игры кто-то из «хозяев» обидел девочку, та заревела, и Дени пришлось их мирить. Вот тогда и возникла мысль: «Чем я занимаюсь?.. У людей семьи, у них какие-то цели в жизни: построить дом, купить машину, устроить детей в школу, одеть их, обувь...» Только у него нет никаких таких дел. Его забота – вырезать из дерева куклы, но, как бы тщательно он над ними ни трудился они никогда не улыбаются, никогда не разговаривают, не плачут, как племянники, они холодны, и этот холод пронзает его сердце. Потом, не имея сил работать, он до глубокой ночи сидел, опустив руки, а когда прилег на жесткую деревянную кровать без матраса и одеяла, так и не смог заснуть до самой зари.

Когда он открыл глаза, то увидел, как в окно щедро бьют лучи летнего солнца. Во дворе играли дети, кудахтали куры. Мать, возившаяся под навесом, увидев, что он проснулся, крикнула ему, чтобы он шел завтракать.

Позже, когда он сидел за круглым низким столом, обмакивая лепешку в сметану и запивая ее сладким чаем, неожиданно возникла мысль: надо уехать в город, там оценят его творчество, во всем виновато село, в городе на него обратят внимание.

Он окончательно потерял интерес к селу, когда мать, вопреки его воле, пошла к живущей на краю села Бекисат засватать ее внучку. Та обошлась с ней очень невежливо, и мать, проклиная ее на чем свет стоит, вернулась домой, швырнула шаль и в сердцах сказала: «Во всем виновата я, что пошла к неблагодарным людям». Мать обиделась не на отказ Бекисат, а на слова, сказанные ею в адрес сына: «Только этого, играющего в куклы, нам и не хватало». Дени тоже сильно задела эти слова, ему показалась очень жестокой насмешка над его трудом, которому он предавался с таким усердием, как праведный мусульманин молитве. Но, прислушавшись к сельчанам, он понял, что не одна Бекисат так о нем отзывается. И однажды, взяв у матери около ста рублей, вырученных ею от продажи фасоли, он утренним автобусом уехал в город. А через несколько месяцев почувствовал себя еще более несчастным, чем в селе. В домике, снятом им на городской окраине, было холодно и одиноко. В селе согревала хотя бы мысль уехать когда-нибудь в город и стать известным. Сейчас и этого

не было. Но все равно, как бы ни душил холод обиды, он, беззвучно рыдая, резал дерево.

Казалось, куклы получались лучше, чем раньше. Состояние его души переходило к дереву, поэтому в глазах скульптур навсегда застыли его печаль и его ожидание. Каждого деревянного «ребенка» сразу же по рождению он выставлял на продажу в магазин художников, но покупателей все равно не находилось, хотя цена была и невысокой. Он каждый день наведывался в магазин, где продавцы каждый раз милосердно улыбались ему:

– Как красивы твои скульптуры! Только никто не покупает...

Но однажды перед его композицией «Зимний день в горном ауле» остановилась девушка. Она долго рассматривала ее, потом подошла к кассе и заплатила. Две продавщицы переглянулись и как-то странно улыбнулись.

– Что же ты не купишь еще одну? – спросила одна из них, подмигнув Дени, стоящему у окна.

– Как-нибудь в другой раз куплю, – сказала девушка.

Когда она вышла, он направился следом за ней, слыша за спиной смех продавщиц.

Через несколько дней в магазине не осталось ни одной из его скульптур: некоторые купила та девушка, другие он ей подарил. Позже они вместе наблюдали, как с деревьев на городских улицах, желтея и краснея, падает листва. Потом, подобно этой листве, в воздухе начали кружиться снежинки. И их, оторванных от земли любовью, не чувствующих крепнущих морозов, подобно двум снежинкам, кружил ветер жизни. Эти дни, вечера и ночи были удивительны и сладки, но один вечер, со снегопадом и ветром, не был похож на другие. Они вдвоем стояли под высоким навесом у железной дороги и слушали скрип раскачиваемых ветром деревянных деталей. Неизвестно почему (может быть, зимняя стужа одолела и тепла их любви не хватило, чтоб растопить ее, а может, судьба послала ему какой-то сигнал), но вся его жизнь – до этого момента и то, что будет в будущем, – показалась ему похожей на этот навес в метели. Нет, не в силах Марима превратить этот навес в дом, не в силах приручить его одичавшую душу. Неужели не в силах? Если она не сможет, то кто же? Ему захотелось обмануться: кто знает, может, этой девушке удастся защитить его от ветра одиночества, пронизывающего его тело, словно сито.

Без шума, тихо, в студеную зиму привел он Мариму в арендованный им дом. Чем меньше людского внимания, тем лучше – казалось ему. Марима, оказывается, думала иначе. Позже, через полгода, она призналась ему, что ей хотелось шумной, со звонкими песнями свадьбы.

А когда началась совместная жизнь, груз обязанностей с каждым днем становился все тяжелее, тяжелее и тяжелее, и, чтоб не пасть под его тяжестью, он, просыпаясь среди ночи, садился за рабочий стол и до утра занимался резьбой. Изредка Марима намекала, что надо бы как-нибудь заработать денег, купить жилье, кое-какую обстановку, а потом спокойно заняться творческой деятельностью. Эти нравоучения он отметал от себя, мотая головой, как конь, отгоняющий назойливых мух. А однажды ночью, после вечеринки с друзьями, придя домой – слегка навеселе, он стал кричать: «Я великий художник! Я презираю тех, кто богатеет на торговле тряпками. Мое имя будет жить в веках! Кто подобен мне? А?»

Марима в ту ночь не сказала ни слова, а это было тяжелее всего. Ему казалось, что, как только он перейдет на крик, жена тут же возразит и начнет перечислять ему все, что не сделано, и все, что необходимо по дому, а он, доказывая, что все это малозначительно, будет настаивать на своем... Без лишних слов он легко получил победу, и она не принесла ему радости. Наоборот, горьким комом застыла в горле, не растворяясь даже после нескольких стаканов воды. А утром, сидя за завтраком, состоящим из хлеба и чая, он подумал: «Я, конечно, великий художник, но где-то заработать денег все равно надо».

В конце холодной, влажной весны в их дом пришла маленькая гостья и через неполных два месяца научилась виновато улыбаться родителям. «Мы ждали мальчика и уже придумали ему имя, как будто не могла родиться девочка. А она пришла, хотя ее никто не ждал, поэтому чувствует свою вину за наше обманутое ожидание», – подумал отец. Эта мысль показалась ему безбожной и опасной для ребенка: никто не приходит в этот мир вместо другого, каждый идет со своей судьбой, со своим смыслом, по воле Бога, поэтому нельзя так думать, даже в шутку...

Груз ответственности стал еще тяжелее и походил на каток, выравнивающий асфальт. Эта тяжесть раскатала его в лепешку со всем его творчеством и смешала с асфальтом. Но, как травинка, тянущаяся к солнцу сквозь толщу асфальта, какая-то надежда тянулась в нем к жизни. Этой надеждой была композиция, которую он задумал создать на большом деревянном блюде.

Часто эта композиция снилась ему. Вокруг большого подноса, наполненного вареным сушеным мясом и галушками из кукурузной муки, ужинает семья. Рядом стоит сноха, и старая женщина часто обращается к ней: «Сядь, Аянт, садись. Отдохни немного». «Сяду, нана», – отвечает сноха, но традиций не нарушает. Она беременна, поэтому и переживает так свекровь. Сытная пища – это благодать Бога в ответ на честный труд. Ужин заканчивается. Сноха убирает посуду. Потом, когда, очистив поднос, она берет его в руки, чтобы поставить на место, выбивая окна и двери, в дом врывается чуждый ветер. Этот ветер сметает все в кучу, бросает людей оземь лицом вниз, леденит души, выгоняет людей из жилищ, опустошая горные аулы, и собирает их в Нашха, чтобы оттуда бросить далеко, в безжизненные земли («Куда? Куда? Куда?») – кричат застывшие от горя лица, но никто не отвечает), в Судный день, в ад. О Нашха, прародина чеченцев! Как переживешь ты тяжкое горе, которое несут с собою эти люди в твой благодатный Хайбах? Почему не расколется земля? Настолько тяжело оно, это Большое Горе, состоящее из печалей каждой души! У Аянт, шедшей с тем же подносом в руках, на окраине села Хайбах начались схватки. Женщины окружают ее. Круг расширяется, округляется, уплотняется. В центре этого круга на белом снегу постелена черная бурка, а на ней Аянт, кусая губы, сдерживает стоны, чтоб о ее муках не узнали растерянные от горя люди, чья гордость, храбрость и мужество растоптаны. «Аянт, не мучайся! Стони, кричи», – умоляет свекровь, а женщины, толпящиеся вокруг, начинают громко восхвалять Бога, чтобы заглушить ее стоны:

– Лаилаха иллаллаху, Лаилаха иллаллаху.

Молитва женщин продолжается почти до рассвета. А на рассвете в мир, ополчившийся против него холодом, жестокостью и горем, приходит человек, с криком приходит в холодную, обездоленную страну.

Девочка! Девочка... Бедная! Как не вовремя ты родилась! Ведь девочка и без этого несчастья обездолена...

– Да пошлет тебе Бог счастья... Аминь! – распространяется вокруг шепот.

– Ее будут звать Фатима, как дочь пророка, – говорит свекровь.

Круг уплотняется, желая защитить от снега, ветра и метели это нежное человеческое существо, пришедшее в заснеженный мир, но печаль в сердце каждой женщины вместо тепла, так необходимого ребенку, создает стылый холод. Женщины все равно сбиваются в плотную кучу, чтобы пламенем своих душ, своим дыханием сберечь эту жизнь, пытаясь дать столь нужное ей тепло. Но вокруг этого круга стоит еще один круг – круг вооруженных, чужих людей. Круг людей, пришедших, чтобы обездолить, уничтожить их родину. Выше них круг образуют горы. Выше гор – круг, созданный туманами и тучами, а выше них – круги, образованные небом, звездами, пустотой, холодом и мраком...

И этот маленький человек должен жить, испытывая тяжесть всех этих кругов. И освободиться от них невозможно, пока живешь, – только душа после смерти разорвет кольца горя, печалей и обязанностей.

На рассвете распространяется слух, чтобы все, кто не сможет идти пешком, собирались в конюшне, их потом вывезут самолетами... «Куда? Куда? Куда?» На этот вопрос никто не отвечает.

Возьмите в конюшню сено, чтобы подложить под себя.

Аянт, которой показалась подозрительной эта забота, уговаривает свекровь уйти вместе с родственниками. Но свекровь не соглашается – и ей, и девочке нужен хоть небольшой отдых... Когда они вдвоем решили остаться, в конюшню направились еще девятнадцать родственников со стороны отца и матери, не пожелавших с ними расстаться и не подозревавших, что сложенная из тяжелых каменных плит конюшня с крышей из бревен, присыпанных землей и лежащих на больших гладких камнях, на следующий день станет адом, где они будут гореть в огне и задыхаться в дыму.

Когда это начнется, ослепшие и потерявшие от гнева рассудок люди после бесполезных попыток разрушить каменные стены, ударяясь о них тугими волнами, не сумеют уйти под землю и не сумеют подняться в небеса сквозь крышу (позже, когда тела сгорят, их души уйдут сквозь эту крышу в темные глубины небес), ринутся к воротам и снесут их. Первые ряды смогут вырваться из конюшни, но тотчас же упадут под пулями. Вскоре из людских тел в воротах образуются завал, и, не найдя больше выхода, беспомощные люди, около семисот человек, сгорят, и души их будут долго бродить в долине реки Гехи, пока обгоревшие кости не похоронят те, кто скрывается в горах, оторвавшись от своего народа.

Какое тяжкое испытание выпало на долю маленького человека, пришедшего в этот мир всего на двое суток – так мало времени ей было отпущено под солнцем, и за это время ей пришлось пережить ад, сгорев в огне.

Можно ли передать с помощью дерева этот Судный день, этот крик ребенка, которому два дня от роду, ее протянутые к Богу ручки, ее мольбу без слов, обращенную к Богу?..

Чтобы показать случившееся в тот день в Хайбахе, нужны ноты, слова и краски. А он владеет только деревом и ножом, но все равно верит, что дерево в его руках и, не умея говорить, очень многое скажет людям...

Все же было бы лучше, если бы его куклы разговаривали и исполняли музыку. Тогда он смог бы по-настоящему показать весь этот ужас.

Дени долго мучился, не зная, какую часть жестокой картины воссоздать... Наконец у него возникла мысль: зачем изображать весь этот ад – об этом достаточно рассказать. Лучше он изобразит круг милосердия и тепла, образованный женщинами в тот холодный, ненастный вечер вокруг только что родившегося человека. Сначала он вырежет поднос, тот самый поднос, который в тот день был на руках у Аянт. А в центре этого подноса наполовину укутанная черной буркой будет лежать Аянт со своим ребенком.

Деревянные облики женщин, окружая их, разместятся по краю подноса. Этот круг, круг людей, круг гор, туманов и туч, а выше» круг, образованный звездами...

Не в его власти краски, звуки, цвета... В его власти только дерево и нож. Но он верит: в сознании людей, рассматривающих его работы из дерева, воскреснут былые картины, цвета, звуки, запахи...

Услышав, как в соседней комнате опять заплакал ребенок, он вспомнил, что у него режутся зубки и как один врач говорил, что боль, которую переносит в это время ребенок, была бы непосильна для взрослого человека. Так болезненно начало жизни...

Он вспомнил, как весной на деревьях набухают почки, они разрываются, и по ветвям стекают слезы деревьев. Они плачут от боли, которую причиняют им рождающиеся листья. Вот так же, разрывая десны, сквозь открытые раны появляются белые бусинки зубов и у детей.

Дени поднялся и встал на пороге соседней комнаты. «Эсет, когда ты вырастешь настолько, что научишься ходить, твой отец повезет тебя в село, в гости к бабушке. Он расскажет тебе, какой была твоя бабушка, в молодости известная во многих селах своим благородством и воспитанностью. Потом он расскажет, как твой дедушка женился на твоей бабушке. Это было время, когда люди уже собрали осенний урожай, подмели сады и дворы. Твоя бабушка вышла из дома около полуночи, чтобы выйти за дедушку. Провожающая пожелала ей: «Пусть Бог даст тебе счастья». После свадьбы твоя пратетя, поздравляя твою бабушку, подарила ей медный кувшин. Через три месяца после свадьбы, оставив недопеченный чурек в очаге («Я боюсь, что на мне грех того чурека, оставшегося в очаге», – часто повторяла она), жестокий вихрь бросил ее на чужую землю, лишив родины. А Фатиме из Нашха, которая была моложе тебя на девять месяцев, не дали времени даже на то, чтобы прорезались зубки...

Да, тебе отец расскажет про твою бабушку, когда ты начнешь ходить и научишься говорить... И однажды в пору, когда люди будут пахать землю и сеять, вы вдвоем поедете в село, лежащее в горах, среди леса, и отец расскажет тебе, как твои дедушка и бабушка, похоронив половину из четырнадцати детей, остальных воспитали так, что они не нуждались ни в чем и выросли благородными людьми... Он расскажет тебе, как, вернувшись через тринадцать лет домой, твоя бабушка нашла сковороду, которую она в тот день положила в очаг вместе с чуреком. Как сестра твоей бабушки издалека, из села Саади-Котар, пришла в гости и привела крупную рыжую корову. Ухаживая за этой коровой и очистив заросшее бурьяном поле, засеяв его, уже в третий раз начала жить твоя бабушка... Да, отец о многом тебе расскажет Эсет, когда ты вырастешь».

Ребенок, испугавшийся звука, раздавшегося за дверью, еще сильнее заплакал. Очень скоро в дверь громко постучали.

– Кто там? – спросил Дени, подбегая к дверям.

За дверью послышались стоны: «Воды, дайте... воды...». «Человек ранен, нужно помочь». Он распахнул дверь и сразу пожалел об этом: в его незащищенный дом тут же ворвался мрак жестокости. Мрак вошел и запер дверь изнутри, чтоб снаружи не могла прийти помощь. Внутри мрак разделился на три части! Их было трое, с горящими, как у крыс, глазами, у одного – автомат, у других – пистолеты, на поясах – длинные ножи. Одеты они в форму, оставшуюся от Советской Армии.

– Кто ты такой? – закричал один.

– Кто вы такие?

– А ты не видишь нас?

– Вижу... Потому и спрашиваю.

– Бойцы национальной гвардии!

– Кто вам дал право врывать в дом к людям посреди ночи?

– Что он сказал? Право? Какое право тебе нужно?

– Похоже, это противник революции.

– Не зная, что обманываюсь, я действительно писал для таких, как вы, обращения...

– А-а-а... Значит, ты виноват в этом бардаке! Мы из оппозиции.

– Но я быстро понял...

– А-а-а, ты понял? Так ты против власти думаешь выступить?

– Будь проклята ваша власть!

– Ты смотри! Обнаружил себя. Мы не из оппозиции!

– Откуда бы вы ни были, вон отсюда! – прокричал Дени больше для того, чтоб услышала жена в соседней комнате. Несколько недель назад, когда прошел первый слух о появлении людей, которые врываются в дома, убивают хозяев и грабят, он как бы в шутку сказал ей: «Если такие волки ворвутся к нам, открой окно в своей комнате и беги к соседям. Ахмсолта - благородный мужчина, и у него есть оружие, он поможет».

В короткой тишине, наступившей после его крика, раздался скрип открываемого окна. Чтобы его не услышали грабители, он опять закричал:

– Выйдите отсюда вон, грязные твари!

Но, заставляя проглотить последнее слово, огромная рука, царапнув глаз, заткнула ему рот. Потом та же рука отшвырнула его в угол.

– Ты что орешь?! Ты знаешь, кто ты для нас? Ты ничто... – оглядываясь вокруг, непрощенный гость стал искать какую-нибудь безделушку для сравнения. Наконец его взгляд останавливается на столе: – Ты для нас деревянная кукла.

– Все мы перед Богом куклы, а вы – Богом проклятые.

– Вот ты точно кукла передо мной! – проорал бородатый, сметая со стола вместе с подносом все его куклы. А одну из них, скульптуру Фатимы, только что родившейся на снегу, он взял в руки и со словами: – Если мы захотим, то вот так жеотрежем тебе голову, – выхватил с пояса нож, отрезал куклке голову и отшвырнул прочь.

«За что?! За что родившуюся в первый раз через двое суток сожгли, а теперь родившейся во второй раз отрезали голову?.. Дважды. За что? Что за грех совершил этот ангел, чтоб дважды познать такую жестокость?» – от этих вопросов в его сердце вспыхнуло адское пламя и он, потеряв рассудок, вцепился в горло бородача. Увидев в нем источник всех зол мира, – если не в нем, обезглавившем ребенка, то где он? – Дени испытал непреодолимое желание этот источник уничтожить. Возможно, он и достиг бы своей цели, если бы не двое других, с женскими чулками на головах, которые до тех пор переворачивали в доме все вверх дном, ища несуществующие деньги и драгоценности.

Когда эти двое вцепились ему в руки, у Дени возникла мысль: «Не сегодня-завтра, сняв чулки, они собираются стать добропорядочными людьми. А бородач и лица-то не спрятал, ему безразлично, что о нем будут думать люди, или его борода тоже накладная? Вот оно, наше несчастье, – двуличность, двоедушие: на глазах – один, за спиной – другой, говорит одно – думает другое».

Те двое так и не смогли отнять его руки. Все вместе они упали на пол, и бородач оказался снизу, так удобнее было душить.

– Что бы с ним сделать? Он же убивает его!

– Уж я-то знаю, что с ним делать...

В тот же момент Дени почувствовал холодок около своего уха. «Великий Боже...» – это его последняя мысль. Все: и сознание, и зрение, и слух – оборвалось...

Потом, спустя время, он услышал дружное щебетание разных птиц. Понял, что оно не из мира живых: «Значит, он все-таки Убил меня... Что же стало с женой и ребенком?»

Наконец к нему вернулось зрение. Среди белых маленьких гор с хребтами, будто вырезанными ножом, лежат небесно-голубые озера. Прямо посреди них к бело-светлому горизонту тянется светло-зеленая дорога.

– Это твой путь. С этой поры будешь идти по нему. На земле же твой путь завершен, – слышит он голос.

«Что же с ними случилось?» – думает он.

– Посмотри вниз – увидишь.

Внизу он видит, как Марима с дочерью Эсет на руках стучится в дверь Ахмсолты, как Ахмсолта и четверо его вооруженных сыновей врываются в их двор и связывают грабителей; потом он видит родное село, свои похороны; видит мать, братьев и сестер, видит, как закапывают его труп; его могила оказывается на красивом месте, куда падают первые лучи солнца.

– Пошли теперь... – слышит он голос и начинает удаляться от Земли.

Оттуда, со звездной высоты, он видит укутанную густым мраком планету. Среди этого мрака местами виден слабо мерцающий свет.

– Если эти огоньки света поглотит тьма, то Земля упадет в бездонную пропасть, где нет ни времени, ни пространства, ни размера, ни возраста... От нее не останется ничего, даже воспоминаний.

– Что это за свет? И почему этих огоньков так мало?

– Это свет людей, искренне молящихся Богу... Хочешь увидеть свой свет? Видишь вон тот, похожий на огонь от костра?

– Этот?..

– Да, да... Знаю, что у тебя на сердце... Ты говоришь, что не успел должным образом поклоняться Богу... Скульптуры, которые ты вырезал из дерева, были твоими мольбами... В них было твое доброе сердце, твое милосердие к людям, близким и чужим...

Дени опять смотрит на Землю, обернутую в несколько слоев мрака и похожую на щепку, которую в его детстве девочки, изображая куклу, оборачивали тряпками. И вдруг он узнает огоньки, которые немного рассеивают мрак. Вон тот – бездомный, безымянный бродяга-певец, второй – исследователь, воспевающий красоту природы, третий – одинокая старуха, каждую ночь обращающаяся к Богу с мольбой о милости для всей Земли, четвертый...

Он идет по светло-зеленой дороге мимо белых, с ровными хребтами гор, иногда останавливаясь, чтобы выпить воды из небесно-голубых озер. Если захотеть, можно вырезать из этих белых гор скульптуры людей и животных... Они не будут похожи на деревянные куклы, вырезанные им на Земле, у них будет свой голос, цвет, походка. Но он уже не испытывает внутренней потребности в этом – то, что казалось важным на Земле, здесь теряет свою ценность. Он просто хочет идти мимо белых гор к светлому горизонту, тоскуя по тем, кто остался на Земле, и молясь за них Богу.

«Где же те родственные души, пришедшие сюда раньше меня?» Вместе с этой мыслью перед ним появляется девушка. Она вся создана из чистоты и поэтому белая, как снег на вершине Башлама, а волосы – желто-золотые. Кажется, он ее где-то видел.

Да, да, это я, чей образ ты создал из дерева, сожженная в Хайбахе Фатима.

– Но тебе же было всего несколько дней. А здесь ты взрослая!

– Да, здесь вечно один возраст у души...

– А остальные? Мой отец, братья, сестры?

– Иди по этой дороге, – и девушка исчезает.

Он идет по светло-зеленой дороге...

1992 г.

Перевод М. Эльдиева.

Гочдарш**Крылов И. А.****Борззий, Iахаррий**

Ницкъана ондачо ша лору нийса,
Ткъа цуннна Зама ю даима теш,
Амма вайн Iалашо - зеделларг дийца
Байтаца, харцонна инкарло еш.

Цхьа Iахар довхачу дийнахь
хин йисте беана хилла,
Ткъа цига Борз кхача йиза,
мацалло бIарзийна, тилла,
Хи молуш лаьгташ вайн Iахар,
Борз йогIу цунах бIаьрг кхетта,
ТIекхачьна, кеп-нийсо аьлла,
IалгIожа цо вовшахьетта:
– Ма дика хьо баьхьа, йовсар,
кхузара хи мийла сан,
Чу Iуьгтуш хьайн боьха муцIар,
гонаха дац аьлла ха.
И забарш ахь ярна шорта,
Ас боккхур хьан Iовдал корта.
– Хьан пурба, хIай, сийлахь Борз,
хьо лакхачь –
цхьа бIе гIулч суна,
Цундела хи кего хьан йиш йолуш
со бац-кха, хьуна.
– Уой, тIаккха со луьй-кха шалха!
Ма бийла хьо, хьенех, сов!
Ахь кхузахь иштта шо хьалха
Цкъа соьца даьккхира дов.
И хьуна дицдина яц со,
Схьагарехь, хIинццалц схьа суна
пе бетташ лелла-кха хьо.
– Кхералахь къа лато хьайна, –
Iахаро вайн хазадо, –
Дуй баа кийча бу сайн цкъа,
Ца кхачьна аьлла-кха шо.
– Ткъа иза хьан ваша хилла.
– Сан ваша хилла а вац.
– Ткъа иза шун нуц а я захал хилла.
Шун цIийнан дукхаллех
со кхуьуш яц.
Шу массо: ва жIаьбла, жаIу
Дан суна лерина зе,
Ткъа, вуьшта, ка ялахь, шу-м ду
Даима кийча со ен.
Аш суна диначу вонна
шух муьлхха жобпалле ву,
Цундела массеран метта кIус
хьайниг ас отур ю.
– Ва, муха лоцур бу боцу бехк тIе?

– Сацийта, кIордийна
хьоь эрна дийца,
Мацалло бIарзийна, сан лен дац де,
Хьайн бехкаш, цабехкаш
сан гайне бийца...
И аьлла, вайн Iахар эцна
Борз яха хьуьнха, гIулч хецна.

Тютчев Ф. И.**Набазалла**

Сахьто до цхьа тайпа шен хьехам-дов –
Муьлххачу буьйсанан
тар-дийцар тийна!
Мотт цуьнан массара цхьатерра зийна,
Цундела хIоррамо и, кхетош, лов!

Хьанна ца евзина вайх гIайгIа-вас,
Дуьненан тийналлехь схьахезаш шера
Заманан кьорачех цхьа тийжар кьера –
Хааме-къастаран тIаьххьара аз?

Хетало леш санна вайн
Дуьне цхьалха,
ЦIаьххьана кхачийна Омьмаран хан,
Вай дуьтуш кьийсамехь,
лан деха гIан,
Иалам а дIадодуш,
гIулч туьйсуш хьалха.

Ткъа эццахь вайн Дахар
схьахIутту вайна,
БIарлагIа ва санна,
Лаьгтана йисттехь,
Вайн денош дерриг а,
догтагIийн бистта...
Чулаьцна дан герга, бодашкахь дайна.

Цу юкъа маьлха кIел сихонца кхии
Кьоначу, керлачу тIаьхьенан чьор,
Ткъа вайца вайн шерийн,
догтагIий, мор
Кхолламна базбеллий вайна ма хии.

ТIахь-тIаьхьа, вайн
накьост дIаверзош, хеза
ГIийлачу назманан карзаха зов,
Цо туху вайн кийра нуьцкъала ов, –
Вайн къина ма йоьлху и назма еза!

Некрасов Н. А.

Ирсе ву байтанча, к1о йоцуш веа,
К1еда верг, мерза верг – синхаам тов.
Тийначу говзаллин лайш болчу нехан
Маршалла – даима цунна кхаъ сов;

Ишттачийн дегйовхо вай вуьйцучунна –
Эсала лерг хьобсту тулг1енийн тар,
Яц цуьнца цхьа шеко, ша тоам цунна,
Яц цуьнца кхолларна хьакьйолу лар;

Ша волуш парг1ата, девна т1ех гена,
Ца х1утту цкьа язья к1оршаме и,
К1езгачу нахана – виллина эла,
Массаьрца тарло и – х1ун оьшу кхи?

Цецбуьйлуш, нуьцкьала
хьекьал шен зийна,
Вац иза вуо вуьйцуш я чехавеш,
Заманхой бу сиха, волччуьра дийна,
Д1ах1отто сий-х1оллам,
и декьалвеш...

Амма ву декьаза пох1манча т1аккха,
Цо бийцахь цу нехан осала аг1о,
Церан «со» и хьажахь
бакь1орадаккха,
Уьш тоба, уьш нисба ша йина ч1аг1о.

Маьтгаза долчуьнца т1ом-ачо йолуш,
Маттана кхоьллина ира а, шера,
Халачу новкьа и схьавог1у, болуш
Шен буьйнахь йозанан
г1ирс онда, дера.

Пуьташ бу, харцо ю
некь цуьнан лаьцна:
Ца лобху шена цо дош дика олург,
И воьду, ца вухуш,
г1улч маьрша хецна,
Там хуьлуш, нисвелча
шена луйьш вог1ург.

Тешаш я ца тешаш шен1алашонех,
Шена т1е диллинчу лекхачу декхарх,
Цо безам кхайкхабо массо а гонехь,
Ца буьтуш болх шениг,
мел ч1ог1а дехарх, –

Цо дечу кьамелийн г1ар хезча, чехка
Стамло-кха луьрачу мостаг1ийн гуо,
Хьекьале я эшна нах чуьра кхехка,
И лууш кхардамца вийца т1ех вуо.

Дехьара, сехьара и валхош б1о бу,
Ткьа мацца, и велла,
тезета х1уьттуш,
Хуур ду массарна цо динарг мел ду,
Мел дезаш шайш хилла,
цабезам буьйцуш!

Хетагуров К. Л.**Бала**

Делха шу, х1ай, лаьмнаш,
делха шу деха!
Шу диса дохку-те, ца довлуш вонах?
Цу хьаьтто д1ахьойла
дов хоттурш нехан,
Кхин царех ца вели вуьззина кьонах.

Лозийла церан а деттало дог,
Нахана еш йолчу чевнех уьш кхиьал,
Адамийн не1алтех х1оьттина бог
Царна чохь ехийла,
уьш терге хиллал.

Ондачу г1оьмашца кьевли
вайн куьйгаш,
Вайн еза меттигаш сийсаза йина,
Вайн дакьа схьа ца луш,
вайн лаьмнаш туьйсуш,
Кьена верг, кьона верг
иййсархо вина.

Вай д1а-схьа даржийна,
базбина бала,
Иштта жа даржадо дерачу барзо,
Валахьа меттах хьо, тхан жа1у, вала,
Тхо хьера дахале кийрарчу арзо.

Мостаг1чо б1арздина,
тхо бердах доьлху,
Сий ларда г1евттина,
сий дайна, леш ду...
И доьлху к1ай баххьаш
тхан кьина доьлху,
Орцах хьо валахьа, тхо балехь дохку.

Гочийна ХАТАЕВ Хьусайна

Магомет Кудав

Кудав Магомед Хасанович (1933). В 1944 году был депортирован в Среднюю Азию. В 1957 году служил в Советской Армии. В 1965 году окончил техникум по контрольно-измерительным приборам в городе Семипалатинский. С 1965 года работал в Нальчике электротехником. В 1972 году окончил высшее кулинарное училище. С 1980 года публикуется в кабардино-балкарских газетах и журнале «Минги-Тау». Вышли книги «Судьба» (1995 г.), «В дороге» (1998 г.), «С огня в пламя» (1995). Членом Союза писателей России.

Горсть ячменя

Рассказ

*Светлой памяти тех,
кто остался в изгнании на чужбине
и не вернулся в родные края*

Во дворе срубленного дома, расположенного в северной части села Кылды Баксанского ущелья, сам с собой играет пятилетний ребенок. Из камней, размером не больше кулака, он строит каменную ограду. Порой, взяв очередной камень в руку, он как бы спрашивает разрешения у фотографии, прислоненной к фундаменту дома. С фотографии смотрит человек в офицерской форме:

– Аття, как ты думаешь, подойдет этот камень туда? Ладно. Пусть будет так, как ты скажешь.

Подобным образом он общался со своим отцом, который, проливая кровь, героически сражался на фронтах Отечественной войны ради своего народа, ради своей страны. Установив на место фотографию, сдутую утренним восточным ветерком, мальчик продолжает разговаривать с ним.

– Аття, извини за оплошность, я совершил ошибку, – сказал он и поправил слетевшую фотографию и, сняв свою безрукавку, сделал подобие заграждения, чтобы ветер не сдувал ее больше. Далее он продолжил свою работу.

– Магомет, душа моя, у нас нет другой фотографии кроме этой, если твой отец не пришлет новую. Будь осторожен, смотри, чтобы ветер не унес ее, – сказала ласковым голосом светловолосая женщина необыкновенной красоты. Она нагнулась и поцеловала ребенка в глаза.

– Ая, когда будешь писать Атте письмо, скажи, чтобы он прислал много фотографий, ладно? – сказал мальчик, одновременно давая понять, что ему приятна ласка матери.

– Ладно, дитя мое, напишу, – сказала мать, утирая неволью наворачнувшиеся на глаза слезы краем платка. – Магомет, душа моя, сегодня магазин нужно открыть пораньше, чем обычно. Должны привезти товар из Ташкурума (Тырныауз). Перекуси что-нибудь и пойдем.

Только закончила она это говорить, как послышался сильный рев моторов многочисленных машин, который заглушал вокруг все звуки, включая рокот реки Баксан. Шамкыз, на душе которой стало тревожно, быстро схватила и прижала к груди играющего мальчика. Ребенок выскользнул из объятий матери и побежал туда, где играл недавно, забрал фотографию отца и, спрятав ее за пазуху, опять прижался матери.

Нарушая утренний покой и спокойствие всех жителей Кылды, вверх по Баксанскому ущелью ехала колонна машин. Некоторое время она так и стояла, заключив в объятия своего сына, провожая взглядом проезжающие машины. Потом, опомнившись, зашла домой.

Не прошло и часа, как появилось ощущение, что земля уходит из под ног... Мычание коров, бляение овец, крики людей... Послышалось несколько выстрелов и жалобно заскулили собаки... Соседи все были взбудоражены. По селу начали распространяться слухи, что всех выселяют. Так как не было моста до солнечной стороны реки Баксан для переправы, офицеры, взяв с собой солдат, отправились пешком спускать местных жителей по маленькому мостику. За каждым домом было прикреплено по 2-3 солдата. Они дали команду, чтобы за полтора часа все оделись и вышли на проселочную дорогу. По мере возможности переселенцы старались захватить с собой кое-какие вещи. У Шамкыза кроме сына никого не было. Помощи от пятилетнего ребенка ждать не приходилось. С тех пор, как мужа забрали на войну, прошло пять лет. Он не смог даже попрощаться со своей семьей. Был призван на финскую войну, после которой началась Великая Отечественная война. Вот уже два года в звании офицера он защищает Родину от врагов. По мере возможности старается радовать сына посылочками. В недавней посылке были хромовые сапожки. Тогда, несмотря на то, что они были ему очень велики по размеру, счастьем не было границ. От той радости теперь не осталось и следа – оно перестало греть теплом, подобно солнцу, спрятавшемуся в облаках.

К Шамкыз пришло осознание, что их точно выселяют из родных мест. Она одела сына теплее и сама стала готовиться. Магомет, казалось, осознав всю серьезность сложившейся ситуации, не плакал и не капризничал, с посылом: «Чем же помочь?» – крутился возле матери. Приготовившись, Шамкыз хотела одеть обувь... но тут Магомет со словами:

– Одень лучше мою обувь! – поставил перед матерью свои хромовые сапожки.

– Да буду я жертвоприношением твоей душе, понимающей мою обеспокоенность, – сказала Шамкыз, лаская сынишку и одевая предложенные им сапоги.

Предполагая, что время для сборов вышло, Шамкыз одной рукой взяла мальчика за руку, другой – все свое состояние, которое поместилось в один чемодан, и вышла на улицу. Прямо на выходе один из солдат, которому приглянулись сапоги, что были на Шамкыз, потребовал, чтобы она их немедленно сняла. Шамкыз не захотела подчиниться приказу. Не потому, что сапожки являлись для нее каким-то материальным состоянием, а потому, что они были подарком ее единственному сыну от самого дорого ей человека.

Взбешенный игнорированием приказа солдат, стянув с плеча ружье, приставил дуло ко лбу женщины и заругался непристойными словами. Прижавшись к коленям матери и вызывая к ней в отчаянии, сын изливался слезами:

– Отдай! Я попрошу отца, чтобы он нам еще раз прислал сапоги.

Солдат, убрав со лба Шамкыз дуло, обращаясь к испуганному ребенку, прижавшемуся к матери, с пренебрежением произнес:

– Гаденыш! – и ногой отодвинул его в сторону.

Увидев, как грубо отнеслись к ребенку, у Шамкыз потемнело в глазах. Она сказала солдату на чистом русском языке:

– Это не гаденыш, а сын боевого советского офицера! Будь навек проклят, зверь, потерявший человеческий облик! Подавись, собака бродячая!

Она сняла один сапог и бросила в лицо солдата. Не успела Шамкыз снять второй сапог, как на этот шум пришел один из сопровождающих офицеров.

Обратив внимание на то, что женщина стояла босая на одну ногу, он спросил:
– Что случилось?

Шамкыз ответила:

– Товарищ старший лейтенант, этому солдату нет оправдания: приставив дуло ружья ко лбу, вынуждает меня снять обувь. Это еще что по сравнению с тем, что испытал этот ребенок, которого обругали последними словами и, можно сказать, вытерли об него ноги. Мы семья такого же советского офицера, как Вы, и не заслужили подобного отношения.

Познания Магомета в русском языке были несравненно малы, но, осознавая суть происходящего, он достал из-за пазухи фотографию отца в офицерском мундире, подтверждая слова матери и для пущей убедительности сказал:

– Агтя, – и протянул офицеру.

Офицер, рассматривая фотографию, которую взял из рук мальчика, невольно прослезился. Он, пряча наступившие слезы от Шамкыз, повернулся в сторону и утер их платком. Его лицо изменилось, как ненастная погода.

– Делай что хочешь, но с этого дня больше не попадайся мне на глаза! Убирайся отсюда немедленно! – прикрикнул он на солдата и прогнал его.

После офицер вернул фотографию Магомету, взял его на руки и проводил их до моста. Там, попрощавшись, ушел. То, что творилось у моста, напоминало вавилонское столпотворение. Было такое ощущение, что мир сошел с ума. После того, как узнали, что всех будут выселять, некоторые семьи, не желая оставлять домашний скот на произвол судьбы, пытались их собрать у большой дороги. Собаки, не отстающие от хозяев, оказавшись в одном месте, дрались друг с другом. Однофамильцы, не желая разлучаться, чтобы сесть в одну машину, окрикивали друг друга. Так как у Шамкыз кроме Магомета и чемодана больше ничего не было, обняв дите, она присела на корточки в одной из машин. Когда с трудом все люди уселись, машины тронулись.

Собаки некоторое время бежали за своими хозяевами, но машины прибавили ход, и они начали отставать. Вскоре они скрылись из виду.

На Нальчикском железнодорожном вокзале выселенцев, не давая ступить и шагу, окружили, словно каких-то животных, и загнали в вагоны, в которых раньше перевозили скот.

Потому как весна еще не успела вступить в свои права, внутри вагона было невыносимо холодно, и обычному человеку было невыносимо тяжело в нем ехать, не говоря уже о том, чтобы на время обрести в нем хоть какое-то подобие покоя.

Беспомощные старики и дети сидели на необстроганных деревянных брусках, как на ступеньках, другие на корточках забились по разным углам. А хуже всего было то, что не было возможности элементарно справиться с нуждой. В первое время, пока не приноровились, было трудно. Особенно трудно приходилось женщинам, даже в такой ситуации старавшимся твердо следовать горским обычаям. Стало полегче, когда один из углов вагона отделили ширмой. Еще одна беда – голод, от которой все мучились, не успев захватить с собой еду на дорогу.

Раз в день старались приготовить что-то вроде мучной похлебки, без соли и приправы – вот и вся провизия на дорогу. Количество хлеба для каждого было строго ограничено. Магомет, понимая все, не просил добавки и не капризничал, он даже такой маленький старался не огорчать мать.

На больших станциях, как только пересекли границу Казахстана, начали отцеплять некоторые вагоны. На станции Отар тот вагон, в котором находились Шамкыз со своим сыном, тоже отцепили от эшелона. Остальные вагоны

отправили в сторону Алма-Аты. Солдаты, пересчитывая людей словно скотину, стали сажать по повозкам, запряженным лошадьми или волами. Прибывшие коменданты сопровождали их дальше – в те села, куда их распределяли. Комендант, вместе с несколькими семьями, привез Шамкыз в деревушку под названием Красный Октябрь. Кое-как отремонтировав полуразвалившиеся глинобитные дома, куда их поселили, переселенцы начали потихоньку обживать.

В первое время, чтобы Магомет не мучился от голода, имущество, что смогла привести с собой, Шамкыз обменивала на муку и зерно. И так малые запасы, которые только уменьшались изо дня на день, к осенним холодам, можно сказать, иссякли полностью, и они вместе с другими переселенцами начали собирать редкие колоски, оставшиеся после уборки на полях, и ими выживать. Но если бы и их свободно они могли собирать. Немало было дней, когда собранные за целый день, скорчившись в четыре погибели, колоски отбирались сторожами.

В такие дни Шамкыз, нагрузившись хворостом, возвращалась домой, и чтобы Магомет не переживал, не говорила, что неудачно ходила за колосками. Говорила, что ходила за хворостом, и готовила из того мизерного запаса, который она держала на черный день. Накормив Магомета тем, что осталось, сама частенько за целый день пила только воду.

Из собранных засохших прутьев и веток пытались разжечь огонь, чтобы приготовить пищу. Пришла осень со своей непогодой, настали холода. Были и такие времена, когда внутри комнаты замерзала вода в ведре.

В конце октября выпало большое количество снега, тем самым, лишив единственной возможности выжить – сбор колосков оказался невозможным.

Ко всем невздам еще и Шамкыз сильно заболела. Она еле могла встать на ноги. Кажется, у нее было воспаление легких, был сильный кашель, не могла дышать, задыхалась, что причиняло ей большие муки. Плюс ко всему из провианта осталась всего лишь горсть ячменя.

Гордость и хорошее воспитание не позволяли Шамкыз собирать милостыню, да и откуда и у кого просить, когда вокруг все испытывали лишения. Единственной надеждой, чтобы выжить, являлась возможность собирать колоски в поле.

Шамкыз прекрасно понимала, что даже в те дни, когда снега не было, колосков она могла набрать не так много. А тут выпал снег... Но иного выхода у нее не было – приходилось выходить в поле. Ну а в те дни, когда и нечего было думать выходить на улицу, когда сильные метели и морозы властвовали в природе, она из горсти сбереженного на черный день ячменя делала курмач (жареный ячмень) и ставила перед Магометом. Магомет, съев одну треть жареного ячменя, со словами:

– Мама, я наелся, теперь ты, – ставил миску перед матерью.

– Я совсем не голодна, – говорила Шамкыз и не притрагивалась ни к одному зернышку.

Сначала она из старого тряпья, уложенного слоями, вырезала и наметала себе однопалые перчатки. Потом, чтобы Магомет не замерз, одела на него все тряпье, что нашла, и они отправились на поле. Короткий зимний день, пока они собирались, неумолимо приближался к концу. Добравшись до поля на окраине села, они начали разгребать снег руками и ногами и искать колоски.

Несмотря на то, что после снегопада прошло уже несколько дней, поземка стелилась по уже затвердевшему насту. В поисках пшеничных колосков они руками и ногами пробивали верхний наст снега. Снег под ним был рыхлый,

как земля, и тут же развивался на ветру, исчезая на глазах. До захода солнца оставалось меньше часа. Пробивая руками и ногами корку льда, ничего кроме несколько колосков найти не удавалось. Решили пойти домой. Шамкыз начала отставать от сына. Магомет, думая, что мать идет следом, сосредоточенно пробивая крепкий наст снега, даже не понял, что расстояние между ними, вместо того, чтобы сокращаться, неумолимо увеличивалось. Когда он заметил, что ее нигде не видно, тут же развернулся и побежал по своим следам обратно в поисках матери. Прямо на снегу, у цепочки следов, оставленных Магометом, сидела Шамкыз, оперевшись на руку, и прерывисто дышала. Когда она увидела Магомета, силы покинули ее, рука, на которую она опиралась, подогнулась, и она плашмя упала в снег. Магомет взвыл как раненный зверь и упал на колени:

– Мама что с тобой? – глядя в ее лицо, сквозь слезы спросил он.

– Магомет, сынок, сердце мое, твой отец обязательно вернется с войны живым и здоровым. Когда он вернется, скажи ему, что вас двоих я любила больше жизни, – сказала она, собрав остатки последних сил, потом она прочла маленький сура из Курана – обращение Аллаху и закрыла глаза. И уже после не открыла. А слезы ее превратились в ледяные бусинки у нее на лице. Больше она не шелохнулась.

Магомет приподнял голову матери и положил к себе на колени.

– Мама, Аллахом прошу, не умирай! – и заплакал еще горше.

То, как рыдал над телом своей матери этот пяти-шестилетний ребенок, казалось, заставит заплакать даже яростного палача.

Стараниями горстки жалких и никчемных людей рушилось будущее целого народа и то, что произошло с этим ребенком было неизмеримо ни с чем. Рядом с ним не осталось никого, кто бы утешил его в горе и позаботился о нем. Посреди поля в холодную студеную зиму один-одинешенек сидел он у тела своей матери и оплакивал ее. Такое вынести не под силу и взрослому человеку не то, что ребенку. Но на все воля Всевышнего и изменить ее никому не под силу.

Так, лишившись материнского тепла и опеки, к прочим лишениям, выпавшим на его долю, прибавилось еще одно – сиротство. К сожалению, его плача никто в селе не услышал и не поспешил на помощь. Однако, Всевышний не оставил ребенка. Еще до того, как окончательно стемнело, показался чеченец Абдул, возвращавшийся из соседнего села домой, верхом. Односельчане за его атлетическое телосложение называли его Абдул-Горой, но он на них ничуть не обижался. Абдул никогда не сидел без дела, всегда помогал людям. Вот и сегодня по воле Всевышнего Аллаха он оказался в нужное время в нужном месте. Издали различив темные силуэты на снегу, он направился к ним. Услышав плач ребенка, подстегнул лошадь и, ускорив ее бег, оказался возле них.

Определив, что женщина, лежащая на снегу, не подает никаких признаков жизни и, поняв, что одному ее тело в село не привезти, он тут же отправился за подмогой в село.

Магомет, плача и прижимаясь к ледяному телу матери, не шелохнувшись, так и остался на своем месте. Абдул, подъехав к первым же домам, рассказал, что произошло, и поскакал что есть мочи обратно.

Когда Абдул вернулся, ребенок до такой степени замерз, ослаб и дрожал, что у него зуб на зуб не попадал. Его голоса почти не было слышно. Но он все равно пытался звать мать по имени и старался быть к ней поближе.

Одному Всевышнему известно, как бы все обошлось, если бы чеченец не оказался так быстр и, припозднившись он еще чуть-чуть, ребенок замерз бы. Абдул,

будучи ссыльным, сам испытал немало горя. Потеряв почти всех родных, одних навсегда, других на время выселения, он особенно тяжело воспринял горе этого несчастного ребенка.

Спешившись, Абдул первым делом снял малыша с тела матери и, сняв с себя теплый тулуп, закутал его в него. Сам же склонился к несчастной женщине. Тут же у него в памяти воскресли дни, когда он прощался со своей матерью, умершей от голода на чужбине. Когда он вернулся с войны, откуда демобилизовали всех представителей переселенческих народов, она уже была слаба... Последний кусок хлеба отрывала она от себя, чтобы спасти племянников-сирот... Когда к месту подъехали еще несколько всадников, Абдул, сочувствуя безутешному горю ребенка, поднял и посадил на лошадь, бережно прижал его к себе, и направился в сторону села. У ребенка не было другой возможности что-либо сделать, вытащив головку из закутанного тулупа, и как бы прося прощения у своей матери, он пытался взглянуть в то место, где осталось лежать тело матери. Плакал он до хрипоты в горле, пока сил не осталось. А потом лишь изредка вырывались хрипы. Люди, которые подоспели на помощь, погрузили тело на единственные сани, которые у них были. До села добрались уже затемно. На следующий день погода стала чуть лучше, чем накануне. Общими усилиями похоронили Шамкыз.

Возможности присутствовать на похоронах матери у Магомета не было. Еще с вечера у него поднялся жар. Он впал в беспамятство. Его лихорадило так, что у людей даже не оставалось никакой надежды, что ребенок выживет.

Так, не приходя в себя, он проболел несколько дней. Он с потрескавшимися губами шептал только имя матери и изредка просил пить.

Но все же, без ведения Всевышнего ничего не происходит. Для каждого, кто жив, определен день, в который будет его последний вздох и последний глоток воды. И до тех пор каждый живет так, как ему на роду написано. Как бы то ни было, на четвертый день болезни Магомет, приоткрыв глаза, осмотрел место, где он находился. Когда он окончательно пришел в себя, первым же делом стал звать мать. Потом он начал вспоминать тот роковой день с начала до конца: как мать смастерила однопалые перчатки, как они вместе с матерью в снежном поле наугад искали пшеничные колоски... Он вспомнил, как мать лежала без движения, и снежная вьюга покрывала ее тело. Вспомнил, как чеченец Абдул, укутав его в свой тулуп, привез в село. Ему никак не хотелось верить, что самого родного человека – матери нет на свете, и он никогда ее не увидит.

К его горю в селе никто не остался безучастным, и хотя Абдул не доверил уход за Магометом никому, все же селяне заходили проведать мальчишку. Хвала Всевышнему, благодаря стараниям и заботе Абдулы, Магомету становилось лучше изо дня в день. Позже о случившемся узнали родственники матери из соседнего села и приехали забрать мальчика к себе. Чеченец Абдул, прикипевший всем сердцем к мальчику, не хотел отдавать его. С ним он забывал свое одиночество. Но и после того, как Магомета забрали родственники, он не переставал интересоваться его судьбой и помогал ему чем мог.

Поэзия**Майрбек Лулуев****Смертельный полет**

Попал ногой в удачи стремя.
Вкус счастья терпкий на устах.
О, чувства сладостное бремя,
Хвала тебе за то Аллах!

Всегда я славлю милость Бога,
И мысли также – на поклон.
Миг жизни – к вечности дорога,
Где будет в силе только Он!..

И сердце с сердцем бьется страстно.
Их теплота, как райский гнет.
О это богово – прекрасно!..
Люблю смертельный твой полет!..

Сердца свет

Мне б умереть, чтоб я потом воскрес,
Мне б достучаться до седьмых небес,
Родиться снова именно таким,
Чтоб был тобою искренно любим.

Чтоб ты во мне не чаяла души –
И не хотелось эту мысль тушить...
Сильнее силы богава печать.
Дай Бог тебе всегда по мне скучать!

О том не перестану я мечтать,
И ты поймешь, что я хотел сказать...
В душе родится истинный ответ
На то, какой зажгла ты в сердце свет!

Все в прошлом

Благословен весенний март –
Давно не сбывшийся мой фарт,
Погасший сердца нежный свет –
Мое спасение от бед!..

Без чувств, желаний я живу
Во сне, не знаю, наяву.
Души сердечное тепло
В прохладность чувств перетекло...

Где буйство жизни?! Его нет...
И только слышится в ответ:
«Все в прошлом – нечего мечтать!» –
Судьба такая мне, видать...

Нежные очи

Как будто бы про между прочим,
Влюбился я в нежные очи...
Теперь по ногам и рукам,
Как связанный. Сам я – не сам...

Нет светлого дня, нету ночи –
Лишь нежные – нежные очи...
О Боже, о Боже, то – что же?..
Пропал я уже точно, похоже!..

Грозный – центр Мира

Прошел пешком по всей вселенной,
Все звезды в небе сосчитал.
Сказать вам должен непременно:
Я счастье в Грозном отыскал!

И где б ни жил я: в Харачое,
Науре, Бено-Ведено,
В родном Мартане, Хачарое –
Все милой Родины звено!

И в каждом доме свет небесный,
Отец и мать, и сын, и дочь.
Так рад судьбе, что неизвестно,
Как это счастье превозмочь!

Текут спокойно Сунжи воды,
Цветет кормилица земля.
В трудах крестьянин год проводит:
Арбуз, пшеница, рожь в полях...

Прошел пешком по всей вселенной,
Все звезды в небе сосчитал.

Сказать вам должен непременно:
Я счастье в Грозном отыскал!..

***

Где ты витаешь, гений Бога,
Кто рад твоим простым речам?..
Как далеко я от порога,
Где меня гений тот встречал...

Умчалась радость в невозвратность,
Уплыли светлые мечты...
И многоцветные сердец страстность
Поблекла вся уже почти.

Ум стал умнее и практичней...
Из чувств ушел души задор...
С людьми стараюсь быть тактичней,
Хоть это, право, может – вздор...

Когда-то был судьбе навстречу,
Когда-то к Истине – на шаг...
Теперь то время не привечу.
Теперь я сам себе, как враг...

Материнский след

Тяжелый снег уныло замедляет
От холода уснувшие дома.
Меня такая мрачность угнетает.
Сижу я сиротливо у окна.
Представить страшно,
не могу, не в силах,
Что больше не услышу я тебя.
Как несказанно ты меня любила,
Порою забывая про себя...

Судьба от Бога, мама дорогая,
Люблю тебя я с малых-малых лет.
В моей судьбе ты, тихо, дорогая,
Зажгла на счастье негасимый свет!

Слова до боли сердцу дороги.
Святые материнские слова.
Со всеми доброй быть ты торопилась.
Была ты, мама, как всегда, права!..

Ты невзначай однажды мне сказала:
«Так хочется мне отдохнуть успеть...
Тебя, сынок, любя, я воспитала,
Теперь могу спокойно умереть!..»

Судьба от Бога, мама дорогая,
Люблю тебя я с малых-малых лет.
В моей душе ты, тихо, дорогая,
Зажгла на счастье негасимый свет...

Время

О дни, о часы, о могучее время,
Летишь ты по жизни,
не зная преград.
Ты – сладостно –
горькое богово бремя.
Кто скажет, насколько
и как тебе рад?!

Как теплый весенний,
порой, ветерочек,
Ласкаешь и гладишь Ты сердце мое.
То вдруг прозвенишь,
как к несчастью звоночек,
И миг прерывается чувства полет...

И все же глаголю о вечности сути,
В цвета разлагая победно Тебя!..
О, Время, которое шуток не шутит,
Тебя обнимаю я, страстно любя!..

***

Любовь в душе – ей не разлиться,
Чтоб от нее – земной потоп...
Но песен мир – не уместиться
Любви, где льется звезд поток...

Из века в век то неизменно:
Мы славим Бога в небесах.
Любовь священна и бесценна –
Ее не взвесить на весах...

И мы к ней тянемся всечасно,
Не дай... отнять Ее у нас.
Коль то случится, мы несчастны,
Из жизни свет в душе погас...

Мы просим милости смиренно:
«Не дай нам, Господи, пропасть!
Мы – плод Любви Твоей, ведь верно,
Она ж – божественная страсть!..»

Бечуркаев Іарби**«...Со-м дац хьуна, глазкхи!»**

Ткъолгачу бѣшеран 30-чу шерашкахъ Украинеххий, Белоруссеххий шина шарахъ йокъа хлоьттира.

Цигахъ мацалла яра, адамаша шаьш дина-лийна меттигаш а юьтуш длаэха дуьйладелира.

Новкъахъ шайна беглийла йол-йолучу меттигашкахъ совцуш, керла ярташ йоккуш, баха хевшира уьш.

Царах лаьцна хира ду сан къамел, хьоме дешархо, хлунда аьлча цхьанхьа а цу хиламех, цу къаьмнашна тлехлоьттинчу халонех лаьцна вайнехан прозехъ айса дешна цахиларна.

1968-гІа шо. ГДР (Германски Демократически Республика).

ХІетахъ Советски армехъ гІуллакх деш вара со дозана арахъа. Цомгуш а хилла лазаретехъ Ииллар нисделира сан. Лазарет яра хьалха шолгІа дуьнена юкьара тІом болчу хенахъ кхозлагІа немецки танкови дивизи «Эс-Эс Викинг» лаьттинчу гІишло чохъ дІанисийна.

Суна дарбанаш лелош вара майор-кореец Ан Ен Хвар. Багтахъ Иллира со цигахъ. Лазаретехъ салтий боцуруш, армехъ гІуллакх диначул тІаьхьа бисина салтий а, эпсарш а бара Іоккуш.

Иштта цхьана дийнахъ делкъана хІума а йиьна, сой, соьца цхьана стоьла тІехъ хІума юуш волу кхо оьрсий фойе чохъ сецира цхьацца къамелаш деш. Со нохчо вуйла хайтира ас царна, царах цхьаммо муьлхачу къомах ву хьо аьлла сайга хаьтгича.

ГІементхлоьттина беларус цІеначу нохчийн магтахъ къамел дан волавелира соьца. Со чІогІа цецвелира цхьа а акцент йоцуш, шера нохчийн мотт цо бийцарх.

Ас цуьнга элира: «Наггахъ волчу нохчийчо а ма ца буьйцу иштта цІена нохчийн мотт», – аьлла.

Цо дийцира ша жима бер долчу хенахъ, 1930-чу шерашкахъ, гергарчаьрца Нохчийчохъ хан яккха дезна шен, аьлла.

Цигахъ нохчийн берашца ловзуш Іемина шена шун мотт, биц а ца белла, аьлла.

Дуккха а къамелаш дира ас цуьнца, цуьнан палати чу а вахана.

Цхьана воккхачу стеган ара хьучу гІумагІана чу, оха, кегийчу бераша, бурч а тесна, цо чІогІа вагийна, хьаштагІа чуйра Іодара кхоьссича санна иза араьккхарх лаьцна дуьйцуш, чІогІа вийлира тхойшиь, воккхачу стагана и бегаш жима-гІама хІума ца хиллехъ а.

Ткъа ас лакхахъ, сайн къамел долош хьаха ма-дарра, Украинехъ мацалла хІоттина а йолуш, тхан юьрта кхаьчнера кхийна яьлла йол Тамара. Украинера яра иза.

Молла Беччаркъас йоьлан лаамца бусалба дин тІеоьцуьйтуш тоба дайтира цуьнга.

Тхан юьртхочуьнгахъ Баматгириев МутаІеламехъ марехъ яра иза.

Казахстанехъ Осиноя Гора цІе йолчу юьртахъ цхьана Іийна тхо. МутаІеламана дина кІантІий, йоІий дара цуьнан.

Гилани цІе йолуш волу воккханиг соьца доьшуш, сан хеннара вара.

Тамара ялаеш МутаІеламан дуьхьара ялийначу зудчо вина кІант вара Ваха цІе йолуш. ХІетахъ ялхийтта шо хира дара цуьнан.

Ша МутаІелам йовхарийн цамгар йолуш вара. ЦІийнан дукъ Вахина тІехъ дара: дечиг даккхар, докъбар кечдар, иза цІадар, берашка хьажар, мукъачу хенахъ мачаш тояр.

Тамарас нохчийн мотт цхьа шатайпана буьцура: тІ, чІ, хІ аьзнаш ца алабора цуьнга.

Шен хенарчу берашца ловзар наггахъ бен ца нислора Вахин.

И цІаван хьевелча Тамарас мохъ тухура: «Во, Ваха, цІа дола! Юха лала а дина, юха доьтгича а, стаг хир дацара хох!» – олий.

И мохь шена хезначул тлаьхьа Ваха дукха маса водий цлехьа хьодура.

Бусалба дин члогла леладора Тамарас: ламаз шен-шен хенахь дора, хлора шарахь мархийн бутт кхобура, плерасканан буйсанна лулахошна саггийнна хлума кховдайора.

Ша деш долу муьхха а глуплакх цлена, хаза, бларг тлехь соучу аглор дора.

Казахстанера кхойтта шо хан а яькхна нах цла баькхира.

Цуьнан воккхах волу клант Гилани сайца доьшуш хиларе терра, церан чувахар кест-кеста нислора сан.

Чохь а, кертахь а мотт хьаькхича санна цлена хуьлура цаьргахь.

Гурахь наха шайш хьаькхна йол цла яьхара.

Тамарас бина элан такхор члогла хаза, куьцехь хуьлура.

Иштта шеца бусалбалла, нохчалла долуш, цхьана адамца девне йоцуш, нахана дукхаезаш, длаяхара иза кху дуьнен чуьра.

Доча-Борзехь вай цлера арадахале юьртда хилла Ямаза лабдат олуш цхьа йол. Божарийн духар а лелош, говрахь лелаш хилла иза. Ша куьцехь, безамехь зуда а хилла.

Цу юьрта, ша ледалан белхало хиларе терра, кест-кеста вар нислуш хилла цхьана оьрсийн эпсаран.

Эпсарана члогла езаелла хилла лабдат.

Цуьнга шен кхоллабеллачу безамах лаьцна длахайта хлуттуш ца хилла иза.

Эххар а лабдатна хайитина цо шен цуьнга кхоллаеллачу сирлачу ойланех лаьцна. Йола юххе дубьтуш ца хилла и захало.

Амма эпсар шечунна тлера волуш ца хилла. Иштта дикка хан-зама яьлла.

Тлаьхьара а йола аьлла цуьнга:

«Нагахь санна шен да хлокху захалонна реза хилахь, йоглур ю ша хьобга», – аьлла.

Эпсаро члогла дехна дега йол шег а яйитар.

Жимачу юьртахь лаш болчу нахана массарна а хууш хилла оьрсийн эпсаран йоле болчу безамах лаьцна.

Йолан дас аьлла цуьнга: «Нагахь санна ахь бусулба дин тлеэцахь йоуьйтур ю ша», – аьлла.

Эпсар резахилла. Цо бусулба дин тлеэцна. Шен фамили а, цле а хийцина цо – лабдулла. Доча-Борзехь лаш хилла и ший, бертахь дладобдуш церан дахар хилла. Клант-дотьзалхо а хилла церан хлетяхь.

Бодуш шолгла дуненаюькьара тлом хилла. 23-чу февралехь эзар исс бле шовзткъе доьалгачу шарахь Доча-Борзе ерриг Нохчийчохь санна ирча де деана: жлаьлеш леташ, бежанаш лобхуш, бераш доьлхуш.

Тамарка пачхьалкхо оьрсийн пачхьалкхана еллачу «Студобеккер» цле йолчу машинашна тле хийжош хилла адамаш.

Де шийла хилла доглуш ло а долуш.

Лабдулла шен доьзалца «Студобеккеран» кузов тлехь хилла. Цуьнан дай-наний, йижарий-вежарий Соьлжа-Глалахь лаш хилла. Уьш машинахь юьрта баькхина шайн стаг длавигархьама.

Дай, вежарий бистхилла цуьнга: «Ты что, с ума сошел?! Ведь ты русский, ты знаешь куда тебя повезут, и что тебя там ждет? Слезай с машины сейчас же, сумасшедший!»

Лабдулла вистхилла шен гергарчаьрга нохчийн а, оьрсийн а меттанашкахь: «Со-м дац шуна глазкхи! Шу ду глазкхий! Я не русский! Это вы русские!»

Мел дукха шег а цар а дехарш дарх, уьш тергал а ца беш, нохчашца Сибреха вахна лабдулла.

Цига длабугуш новкъахь а, длакхачначул тлаьхьа а, шелоний, мацаллой дукха адам хлаллак хилла.

Дешна хиларе терра, лабдуллина кхачанан сурсаташ долучу складехь дика болх нисбелла.

Дукха вайнах кьелхьарабаьхна цо мацалла лечуьра.

Иштта вуьззина кьонах вара лабдулла.

Тауз Исс

День молчания...

Давайте, помолчим...
Среди повседневности... суеты ...праздности...
Только молчание вымолвит этот день...
В этот день потухли очаги, горевшие со времен Ноя (мир ему)...
Давайте помолчим о том, о чём всегда молчали наши старшие...
Когда мы спрашивали у них про этот день, они молчали...
Они так и ушли, не зная за что...
Молчат камни и очаги...
Нет...
Они всегда живут...
Они всегда говорят...
Они всегда горят...
В наших сердцах...
Где бы мы ни были...
Дома...
На востоках и западах...
Наше молчание – наша молитва...
Против насилия...
В любом из дней жизни...
В любом месте...
В любом времени...
В любом сознании...
В мире всевышнего творца...

Отныне и всегда...
Этот день - день молчания...
Он всегда был днём молчания... молчащий в нас...

Дорога

Оттуда... Из ссылочного небытия Народ, противостоявший Насилию, вынес волю к Жизни и Образ Сияющей Родины... Этот Образ вел сквозь голод... холод... бесправие... смерти... Он жил в душе каждого, как Завет Родины... Далекие Млечные Вершины Родины реяли над несправедным миром в ожидании своих сыновей и дочерей... В то время родились эти незамысловатые, полные любви к Родине слова:

Я – чеченец, я – с Кавказа!
Из высоких гор-высот!
Эти горы- золотые,
Не забыть мне никогда...

Сколько осталось там... Навсегда... среди азиатских, бескрайних степей... Их единственной мечтой было увидеть Родину... Их единственной виной было то, что они были Чеченцами...

...В этот день оборвались все дороги... И осталась одна слепящая тьма... И грохочущая тишина... Отовсюду зияли жерла... И неизвестность... Черная дорога завывала песню смерти... Она глотала жизни в своем железном чреве... перемалывала судьбы... выбрасывала обрекая на вымирание...

Все дороги умерли... Дорога к Родине осталась в сердце... Черные снега лежали вокруг... Черные дни... Черные годы, замурованные в бесправие... Дорога к Родине стала Светом и Заветом... Она звала... сияла... вела... Ждала...

И вот... свершилось!.. Хлынули песни и сердца запели вместе с дорогой... Песни, сливаясь, становились гимном... Дорога несла эту весть Родине... Вершинам... И весть, обгоняя дорогу и сердца людей, летела домой... И пели горы... И всюду кипела весна!..

И тогда, каждый познал себя заново... Заново родившись... В свете Родины... В тот Великий День Возвращения... Дорога вела к Родине... Дорога вела к Вершинам...

И снова открылись все дороги... Их открыла Дорога Возвращения... Идущая из сердца... От сердца к сердцу... Сливаясь в Единую Дорогу... Дорогу Обретения... Счастья...

Познавший дорогу, познает жизнь... Жизнь и есть Дорога... Большая Дорога... Среди Жизни и Дорог выбери ту, что ведет к Вершинам... Это дорога Родины... Дорога Народа...

Она живет в Тебе... Скликаясь вечным зовом и наитием... В снах и наяву она зовет, очищая помыслы... А там наверху сияет Белый Сад... Это соединились души всех ушедших... И тех, кто остался там... И тех, кто почил здесь... Тишина реет над нами Оттуда... Тишина, говорящая больше и дольше слов... Тишина, в которой безмолвствует Вечность... И в ней Единственная Дорога... Дорога, ведущая к Всевышнему...

Через все дороги, через все тернии она ведет к Истине... Она озаряет изнутри, как свет тихой несказанной лампы... Там... и только Там сбудется все... Там сбудутся все дороги, все помыслы, все надежды...

Дороги зовут...

Окаров Ийса**Іаьржачу февралан кІайн ло**

Шийлачу махаца доглуш тІеда ло а долуш, ирча де дара бохуш дуйцура баккхийчара и 23 феврал. ХІинца-ма и де дийца стаг вуьсуш а вац. Сибрехах балаза бисина, Дала юха а Даймохк ган дика яздина хилларш, кІаналле хІаабирзина, рог-рогІехь дІаоьхуш, дІабовлуш бу, вай даккхий цІеношний, «тойота-королашний» тІаьхІа уьдуш леллашехь.

...Дагадоглу...Нана а яра оцу хенахь йолуш. Сих-сиха хІаха йора цу хенахь хилла мацалла. Ишколера мацвелла цІавеача, чохь цІаха бе-берса кІаца ца хилча, дог даьтІий, оьгІаз воьдий хІавзича олура нанас: «Дера юур яра сорок четвертый год делахІарий-ма. Меца вац. Дала шуна ма гойтІийла и мацалла!». ТІаха дас олуш гуттар а цІаха хІума дара: «ЦІаха мукІане а бага юьззина бепиг кІалла йиш хир юй-те цІаха а, бохуш лелла хІуна со Казахстанехь». Оцу хенахь хиллачу баккхийчара кІезиг дуйцура. НагІахь масална, хІехамна тІуна, кегІйчарна цІахаца Іиттаделларш хІахадора.

ЛахІахь ас даладо тІаин ден кІамел.

1941-чу шарахь, Германан тІом болабелча, ФЗО-н училище чекхІаьккхичул тІаьхІа тІо хІовсийра Башкирски АССР-н Ишимбай-гІала, нефтепромысле болхбан. ХІинцалера практика хуьлу иза. ЦІахь, нефтепромыслашкІахь операторийн, слесарь-рамонтникийн, кІин а говзаллаш кІераерзош дара тІо, Нохчийчуьра бераш. Цу хенахь йоккІа кампани яра Советан Іедало дІахІош нохчийн бераш «Фабрично-Заводское обучение» олуцу училище деша кІоькхуш. Массо ярташкІахула лелаш яра комиссеш бераш-кІхІазхой цІахь деша дІаьздеш. ДукІа хІолахь бо-бераш хуьлура уьш – да, нана, я ший а доцуш дисина. И санна долу бераш гІолехь дара Іедална, Іамон-деша дІага. ЦІахь тІе а, кога а духура, кІаба а кІобура, йоза-дешар а, цІахаца пІаьла, белхан корматалла а Іамайора. Со а вахара цІага деша-Іама. ТІан училища Соьлжа-ГІалахь, 20-участкехь яра. ЦІага Іамош яра нефтедобычан операторийн, слесарийн, токарийн, кІин а говзаллаш. Масех де цІахІана мукІа нисделча Шуьйта хІалавоьдура со, сайн цІа. Цу хенахь машенаш кІезиг яра, дукІа хІолахь йоьдуш нисІеллачу говран ворданца, я гІаш воьдура. ДІинна цІаха де довра некІана хІетахь Шуьйта хІала кІахІалц.

ТІо, йишийн, виь ваший, 1937-шарахь нана а елла, дисина дара. Массарел йоккІа йиша яра, 1922 шарахь йина, тІаха тІо виь кІант цунна тІаьхІа шиша шо юкІахь долуш цІахІана нанас цІахІана дена бина доьзал бара. ТІан да, оцу хенахь гІехІул йоза-дешар хууш лелла стаг вара. Иза шен хенахь, вайнаха ма аллара, МикІай-заманахь а лелла, дуьне а гІина стаг вара. Цо, революци хІалле хІалха а, «Баку-Туапсе» нефтепровод юьллуш а, вайн ЙоккІаху МаьхІадаьттан тІехь а белхаш беш Іамийнера оьрсийн йоза-дешар. ТІан да Іедалан белхаш беш лелаш вара, тІом болалуш тІехІа-МартантІехь юьртсоветан секретарь вара. ТІан дола деш ерг тІол массарел йоккІаха йолу йиша яра. ВоккІаха волу ваша Соьлжа- гІалахь комсомолан белхало волуш, цІахь вехаш вара, нагІахь Маьрша-кІаьлла цІа хІала а воьлуш. ТІан доккІа тайпа дара, дуккІа нах а, церан бераш а дара, йоккІа тоба хуьлура тІан берийн вовшахкІетча. Иштта, оцу февралан 23-гІа деанчу Іаьржачу дІйнахь, орамашца бухадаьхІа дитташ санна, махІах а дехира адамаш.

ТІо Башкирера цІа дахІийра, хІора а шен-шен цІера дІавохон. Сан 17 шо дара, ас 22 февралехь, сайн лаамехь со тІама вахІйта аьлла Шуьйта-гІалийчуьрчу военкомате заявлени делира. КІана дуйна тІаьшна тІамал буьрса Далатохар тІехІуттур дуйла ца хууш хиллера суна...

23-чу февралехь, митинге гулло аьлла ара баьхІа, ГІаттин-кІаьлла юьртсоветан хІалха гулбира гонахарчу, Асланбек Шериповн цІарахчу

юьртсоветана чу йоглучу ярташкара божарий. Цигахь салташа гулбиначарна голещира, гонахарчу тхевнашна, беданашна тлера пулеметаш тле а ерзош. Длабохорахь лаьчна долу Сталинан омра схьакхайкхийра. Цул тлоьхьа долчаьргара герзаш схьадаха долиьра, гона юккьера цхьацца ара а волуьйтуш. Шаблтанийн-дотьканийн йоккха оьла айьелира кестга. Тедоглущ тледа ло дара, шийлачу махо юьхьа тле, бляьргаш чу деттара ло. Когаш клелахь ляржа хатт бара.

Оца луйьранна тхайн цла хьалахьаьдда вьоду со, цлехьхана, юьйцинчу керта тлехьара хьалаайвеллачу салтичо пхьобазза йолу топ лецира суна тле мохь хьакхарца: «Стой, стрелять буду! Ложись на землю!» Тледачу лайтлехь лиллийра цо со, эьсар тлехьачалц.

Со оьрсийн мотт хууш хиларна салташа хьалха вьаккхина лелош вара, талмажалла дойтущ. Юьртахошка эьсарша, салташа длаала аьла-аьлларг гочдеш, хлора хлусама чу а хлуттуш, берийн, зударийн, глора эшначу баккхийчу нехан глийла бляьра хьожуш и кьаьхьа болх длаккхехьа дийзира сан оцу доьхначу дийнахь.

Цхьаь бен кхийна стаг воцуш, тхан девежарийн доьзалех ондда дукь тледаца дийзира сан оцу дийнахь, кхин дла а. Бераш дукха дара, пхийттара довлаза, тлехь дай боцуш а дара, ший деваша хьаллхехь кхелхинера, кегий доьзалш а буйсуш.

Глаш длаихира, тледецна салтийн герзаш а долуш, доглучу лайх, хьоккхучу махах кегий бераш хьулда глерташ, чурарабохуш схьаьца кхийначу тлелхигех хьерчош. Генна эьлайисте охьадаьхна, колхозан фермин кертахь совцийна, кхо дей-буйсий даккхийтира тхьогга, гонаха ха а хлоттийна. Оцу тледачу, шийлачу ткьаршехь, глодамийн цлевнех баннаш йина, бераш цу юккье телощ, тлеохьучу лайно цлараш ца йогуйтуш, цамогушберш, зьялапхой бахьа меттиг йоцуш ирча де дара-кх и..!

Тхан дай, сол жима ши ваший лалхан-Глала охьавеана хиллера. Цигахь ваха хаа дагахь, меттиг а лаьчна сецнера тхан да, длабохабале масех де хьалха. Воккхавьерг, комсомолан белхало а схьа а тоьхна, хлорш, дай, кхо клантий Семипалатинске длабигнера эшалона тлехь. Со, тхайн девежарийн доьзалшца Кызыл-Орда глала кхечира. Длакхачале, новкьахь дукха баларш а хилира. Новкьахь белларш тлепаза байра, тлеваха, я «цигахь каш ду» ала йиш йоцуш.

Мацалло адамаш охьадохкура, ша мангало кес санна. Цул а доьхна дерг дара каш даккха глора долуш стаг цависар. Бляьсте яллалц тле алссам ло а хьокхий, дьутура дакьа. Ас сайн куьга берхлийтга дакьа дладоьллира дладохийначу хьалхарчу шарахь. Глорийначу лаьтгах тиссавала де ца хуьлур мацалла гелвелла, ирахь а цалатгалучу стеган...

Мацалла ца далиьта, тхайн девешин бо-бераш Кызыл-Ордахь детдоме дладелира ас, жима юучуьнца хьал таделча дладуьгур ду аьлла. Кхо клантий, ший йолий дара уьш, шина ден-ненан. Жимаха долу бер пхи шо долуш, массарел воккхаха волчу клентан 13-14 шо а долуш. Ший клира даьлча, со уьш юа балон вахча детдом кхечахьа длайигна карийра суна. «Детский дом эвакуирован в неизвестном направлении», – элира соьга. Ас дуккха шерашкахь лийхира девешин бераш Казахстанан а, кхечанхьа а детдомашка кехаташ кхьохьуйтуш. «В списках Н-ского детского дома данные фамилии не значатся» – олий кехаташ оьхуш дисира. Дласавахар дихкина дара спецпереселенцашна оцу хенахь. Бераш лаха ваха йиш ца хилира масийтта шарахь... Иштга тлепаза дайра и пхи бер.

1949 шарахь со, кьайлах, кехаташ доцуш Семиплатинске ваха новкьа велира. Цхьана хи тлехула парохода тлехь вьодуш, со тледало лецира. Таджикистанехь, Ленинабад-глалахь лагерехь ши шо хан а яьккхина, 1951 шарахь кхечира со тхайн дений вежаршийн тле.

Муса Багаев

Чеченцы в XVIII веке

Рецензия

Минувший год в России был объявлен годом истории России, и в рамках этого события на всей территории нашей страны проходили научные конференции, симпозиумы, семинары, круглые столы и прочие научные мероприятия. Каждый ученый внес свою лепту в ознаменование обозначенной даты. Один из них – Шарпуди Бачуевич Ахмадов, издавший очередную монографию по истории Чечни XVIII века. [1] Выбор на восемнадцатом веке был сделан им не случайно – Ш.Б. Ахмадов со времен своей учебы в аспирантуре профессионально занимается всеми аспектами истории Чечни именно периода времени. Кандидатская и докторская диссертации также были им защищены по проблемам национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа под предводительством имама Мансура в XVIII веке.

Сегодня Ахмадов является профессором, заслуженный деятель науки ЧР, академиком АН ЧР. Он автор более 170 научных публикаций по актуальным вопросам социально-экономического развития и общественно-политического устройства народов Чечни, Ингушетии и других регионов Северного Кавказа в XVIII веке. Два издания (1991 и 2010 годов) выдержала монография «Имам Мансур». [2] В 2002 году увидела свет книга «Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX вв.». [3] Ученый является соавтором монографических исследований: «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.», «История Чечни с древнейших времен до наших дней», а также учебных пособий по истории Чечни для 5-9 классов общеобразовательных школ Чеченской Республики.

Большое место в тематике его исследований занимают вопросы развития культуры и взаимоотношений чеченцев с народами Северного Кавказа и России в XVIII веке. В аспекте последнего замечания уместно отметить, что и в истории Российской империи XVIII век также занимает особое место. На протяжении этого столетия, по словам российских историков (И.И. Бабленкова, В.В. Акимов, Е.А. Сурова), в экономике России, ее политическом строе, структуре и функциях органов власти и управления, а также в культурном развитии произошли значительные перемены. Изменилось и место страны в мировом масштабе. Так, «огромная и непохожая на западные страны Россия многим иноземцам, в XVI-XVII вв., представлялась отсталой и даже полудикой». Да, на то время Россия была отсталой, потому что многие годы «ушли на преодоление разрухи, вызванной Смутой и интервенцией» со стороны европейских стран. [4, с. 88] Но и эта прореха была устранена в XVIII в. и Россия возвысила свою роль в международных отношениях того времени. Выжидающие взгляды на Кавказ и Восток своих предшественников – Ивана Грозного, Бориса Годунова – Петр I уловил еще до Северной войны. Это подтверждают его походы на турецкую крепость Азов в 1695 и 1696 годы, поскольку России был необходим выход как в Черное (а через него и Средиземное) море, так и на Ближний Восток через Кавказ. [5, с. 109-110] Автор «Истории России» в двадцати восьми томах С.М. Соловьев подчеркивает: «употребляя усилия, чтобы добить шведа и взять у него балтийские берега, Петр не спускал глаз с Востока, ибо знал хорошо его значение для России, знал, как может обогатиться бедный русский народ, если станет посредником в торговом отношении между Европой и Азией.

Еще с XVI в, когда русские границы достигли устьев Волги через покорение Астрахани, Россия волею-неволею должна была вмешиваться в дела кавказских народов. Интересы трех больших государств – России, Турции и Персии – сталкивались на перешейке между Черным и Каспийским морями, среди варварского, раздробленного, порозненного в вере народонаселения «части которого находились в постоянной борьбе друг с другом. Россия, призываемая на помощь христианским народонаселением (Кавказа. – М.Б.), не могла позволить усилиться здесь магометанскому (исламскому. – М.Б.) влиянию, особенно, турецкому». [6, с. 696] Из этого вытекает логичность персидского похода Петра I в 1722-1723 гг. В результате этого похода, по мирному договору (сентябрь 1723 г.), к России отошли все, принадлежавшее ранее Персии, побережье Каспийского моря. В целом же, в составе Российской империи оказались 3 североиранские провинции – Гилян, Мазендеран и Астрабад, не говоря о том, что летом 1723 г. русские войска заняли крупнейшие города Закавказья Баку и Шемаха. [7, с.535-536]

Таким образом, в 20-е гг. XVIII веке Петр I не только «пробил окно в Европу», но и расширил «кавказские ворота» на южных рубежах России. Так, 20 сентября 1722 г. Петр I лично выбрал место для новой русской крепости у реки Сулак и дал ей название «Крепость Святого креста». [8, с.75] Поход Петра I, таким образом, показал, что Россия практически взяла под контроль весь Северный Кавказ. По словам современного российского историка В.А. Дмитриева: «Оборачиваясь назад с позиций XXI в., можно говорить о достаточной геополитической завершенности Российской империи в 1800 г. За сто лет (XVIII в. – М.Б.) Россия стала европейской державой, войдя в число первых стран мира. Обладая гигантскими территориальными резервами для экономического и демографического роста». [9, с.14] Соответственно, началась и работа по изучению и освоению российских земель. Экспедиции С.И. Челюскина, Д.Я. и Х.П. Лаптевых, С.Г. Малыгина, В.В. Прончищева позволили нанести на карту побережье Северного Ледовитого океана от Архангельска до Чукотки. В. Беринг и А. Чириков обследовали пролив между Чукоткой и Аляской. Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, Я. Линденау, С.П. Крашениников, Г.В. Штеллер, И. Фишер и другие обследовали просторы Сибири и Камчатки. [10, с.112] Мощная экспедиция, под руководством академика П.С. Палласа, работала на южных рубежах. В нее входил отряд во главе с И.А. Гильденштедтом. Последний обследовал в 1768-1774 гг. Северный Кавказ и Грузию. [11] Труды И.А. Гильденштедта высоко оценены учеными рубежа XIX-XX вв. [12, с. 40; 13, с. 33-34, 40; 14, с. 125] В историографии Кавказа не раз подчеркивалось, что материалы Гильденштедта часто являются единственным источником XVIII в. позволяющим фиксировать расселение тех или иных групп населения, топонимику Кабарды, Осетии, Ингушетии, Чечни, Грузии, Дагестана (Волкова Н.Г., Карпов Ю.Ю., Лавров Л.И., Папаскири А.Л.) [15, с. 17]

Сам факт работы академической экспедиции на Кавказе говорит о том, что уже было место российско-кавказским доброжелательным связям. Русские исследователи застали на местах, в гуще многонационального региона общественно-политический строй в его традиционном состоянии. Правда, с середины XVIII века, например, в чеченском обществе наблюдаются случаи разрушения родовых отношений. Это происходило, по мнению автора рассматриваемой монографии, в связи с тем, что горцы все больше и больше спускались с гор и поселялись рядом со своими соплеменниками, исторически жившими на равнине. Возникали многоукладные, со смешанными тайпами и тукхумами сельские общины. Одновременно динамично развиваются производительные силы, расширяется обмен и торговля как внутри чеченского общества, так и за его пределами.

Более того, «чеченцы все более уверенно втягиваются в торгово-экономические связи с Россией», – подчеркивает Ш.Б. Ахмадов. Тем более, что в конце XVIII века в Чечне начинают осваивать нефтедобычу, а это уже настоящая путевка в Российский и мировой рынки. Вольно или нет, чеченцы медленно, но поступательно входили в иной мир человеческих отношений, иную цивилизацию.

Определяя причины избрания им темы своего исследования, профессор Ш.Б. Ахмадов особо подчеркивает, что в ходе антифеодальных восстаний горцев в XVII – начале XVIII в. была приостановлена, но не искоренена феодальная эксплуатация, тем самым, социальные противоречия в чеченском обществе были несколько «приглушены» возрождением институтов обычного права. Кроме того, общественно-политического уклада чеченцев коснулись и результаты активного продвижения царизма на Северный Кавказ во второй половине XVIII века, что и послужило одной из причин начала антиколониальных выступлений горцев, начиная с Чечни, под предводительством шейха Мансура в 1785-1791 годы. «Именно в Чечне сложились в это время, – подчеркивает автор книги, – благоприятные условия для переплетения социальной борьбы горцев против местных феодалов и старшин с их возросшим сопротивлением колониальным действиям царского самодержавия... Движение Мансура, безусловно, положило начало зарождению мюридизма в Чечне... Идеи мюридизма оказали огромное воздействие на народно-освободительную борьбу горцев Чечни и Дагестана в 20-50-е гг. XIX века». [1, с. 5-6]

Отмеченные и другие аспекты российской и чеченской истории XVIII века послужили Ш.Б. Ахмадову основанием для изучения общественно-политического строя чеченцев той эпохи. В итоге получилась добротная монография. Приведу лишь названия всех восьми глав, которые дают возможность увидеть то, о чем автор поведал нам: «Историография проблемы», «Территория и население Чечни в XVIII в.», «Экономический строй чеченцев в XVIII в.», «Развитие торговли и торговых связей в Чечне в XVIII в.», «Развитие феодальных отношений в Чечне в XVIII в.», «Крестьянские восстания в Чечне в XVIII в.», «Общественно-политический строй Чечни в XVIII в.», «Роль общественных институтов в политическом устройстве чеченцев в XVIII в.». Уже из приведенного перечня читатель может видеть, насколько широко и детально автор подошел к изложению материала, чем это заявлено в названии монографии. Об этом говорит и одноименная седьмая глава книги – «Общественно-политический строй Чечни в XVIII веке». Именно в ней автор заостряет наше внимание на ключевых вопросах обозначенной проблемы. Поэтому и читаются с большим интересом такие разделы как: административно-политическое устройство, феодальные владения, сельская община, «вольные» общества, органы власти и управления. На мой взгляд, хорошо вписывается в канву структуры книги и заключительная глава. Здесь ученый излагает свои взгляды на чеченский тайп, тукхум, обычное право чеченцев (адаты), Мехк-Кхел (законодательный и исполнительный орган) и на роль ислама в общественно-политической жизни чеченцев. [1, с. 248-369] В самом деле, к концу XVIII века ислам стал доминирующей на всем пространстве Северного Кавказа религией. Особенно в Дагестане и Чечне, где сложилось даже элитное мусульманское сословие (духовенство). Оно решало практически все вопросы в сфере общественно-политической жизни чеченского общества – то есть, на всем пространстве Чечни, вся законодательная и исполнительная власть сосредоточилась в руках духовенства. Это было начало распространения шариата в Чечне, и шейх Мансур сыграл в этом процессе самую главную роль. Однако повсеместного введения полного свода религиозных и юридических

правил, основанных на Коране, тогда не произошло. Это случится при другом лидере северокавказских горцев – имаме Шамиле, уже в следующем XIX веке.

Литература:

1. Ахмадов Ш.Б. Общественно-политический строй чеченцев в XVIII в. – Грозный, 2012, 384 с.
2. Ахмадов Ш.Б. Имам Мансур. Грозный, 1991; 2-е перераб. и доп. изд. – Элиста, 2010, 372 с.
3. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – нач. XIX в., Грозный, 2002, 528 с.
4. Бабленкова И.И., Акимов В.В., Сулова Е.А. История России: весь курс для выпускников и абитуриентов: учебное пособие. – М., Эксмо, 2009, 256 с.
5. Там же, с. 109-110.
6. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1990.
7. Исторический энциклопедический словарь. – М: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
8. Гриценко Н.П. Города Северного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. – Изд-во Ростовского университета, Ростов-на-Дону, 1984.
9. Дмитриев В.А. Предисловие// Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Изд. 2-е – СПб.: Русская симфония; 2007, с. 5-34.
10. Бабленкова И.И. и др. указ. соч.
11. Гильденштедт Иоганн Антон. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг., СПб: Петербургское востоковедение; 2002, 512 с.
12. Цагарели А. Сношения России с Кавказом в XVI-XVIII столетиях. СПб, 1891 (цитирую по: Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей – М., Наука, 2004, 240 с.
13. Далгат Б.К. Указ. соч.
14. Поливектов М.А. Европейские путешественники XII-XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис, 1935.
15. Шафрановская Т.К., Карпов Ю.Ю. От переводчика и редактора// Гильденштедт И.А. Указ. соч.

Память

**Мухтар Ибрагимов,
Гунки Хукиев**

По следам далекой трагедии

В нашей истории еще немало неисследованных страниц. Одна из них – восстание против советской власти в селе Бачи-Юрт в 1932-1933 годы. Это восстание было подавлено с особой жестокостью, по его следу были арестованы не менее тысячи людей, многие пропали без вести.

Обычно старики Бачи-Юрта, вспоминая «предания старины далекой», или собственный возраст, сопоставляли со временем того восстания: «Это было, когда Азак начал войну» или «Тогда мне было столько-то лет». Но случилось горе еще страшнее – выселение, которое разделило жизнь всего народа на до и после Сибири. До определенного времени и эта тема была закрыта, хотя про депортацию народов, в том числе и чеченцев, говорили, как о сталинском произволе. Трагедия 1944 года завалировала все беды нашего народа до нее. И кроме изустных рассказов современников тех огненных дней в Бачи-Юрте, сравнимых с героической битвой в селе Дади-Юрт в 1818 году, не появилось не одной публикации до сегодняшних дней. Это восстание было ничем иным как вооруженная политическая борьба против советской власти – такой же, как Кронштадтский и Тамбовский мятежи 1921 года, известные также, как крестьянские восстания. При подавлении этих мятежей отличился будущий маршал Тухачевский, утопивший в крови матросов и простых крестьян.

То есть, события в Бачи-Юрте 1932-1933 годов являлись звеньями той же цепи, борьбой одной группы людей против зарождающейся советской колхозной системы, а также – последним вооруженным столкновением противоположностей морали горцев с советской системой.

После подавления выступления чеченских крестьян в декабре 1929 года в селениях Гойты, Автуры, Шали и Беной, восстание Азака оказало огромное влияние на политическую обстановку в Чечне в 1930-е годы. Сравнительно молодая советская власть быстро освоила опыт подавлений таких народных волнений у своих духовных предтеч, французских якобинцев.

Выходцы из Бачи-Юрта были одними из тех, кто осел рядом на правом берегу Терека и основал село Дади-Юрт, состоявшее из представителей цонтровского и харачоевского тейпов. Немногие, кто выжили в той мясорубке в сентябре 1818 года, позднее вернулись в наше село.

В первую очередь нам, односельчанам Азака, ради исторической справедливости, необходимо восстановить память об этом человеке, узнать – кем он был и его соратники? Что их заставило взяться за оружие, подвергая смертельному риску не только себя, но и свои семьи? В истории нашего народа и сегодня нет достоверных ответов на эти вопросы. К архивным документам вряд ли у нас будет доступ, но есть живые свидетели, и пока эта ниточка не оборвалась совсем, мы обязаны о них помнить. Это первая попытка авторов заполнить пробел, опираясь на воспоминания прямого потомка Азака – Чернискаева Ибрагима, а также современников тех событий, Бакруева Хасы и внучки самого Азака, Бичуевой Розы.

Ибрагим Чернискаев живет в селе Бачи-Юрт, его дом находится на том самом месте, где его прадед со своими сподвижниками принял неравный бой против целого войскового соединения ГПУ. Его родословная по прямой такова: Азак – Черниска – Тоти – Ибрагим. То есть, он является правнуком Азака.

В начале 2013 года я, журналист Мухтар Ибрагимов, с односельчанином Шамилом Аслахаджиевым побывали у Ибрагима Чернискаева с целью узнать подробности о трагической судьбе его героического предка. Ибрагим молча выслушал нас, – было заметно, как трудно и больно ему говорить о трагедии

своей семьи, хотя он и не является ее современником. По своей молодости, он мог лишь поделиться воспоминаниями отца и тети. Он долго собирался с мыслями, и, наконец, начал свой горький рассказ:

«По-разному толкуют тему восстания Азака против советской власти, о предпосылках этого конфликта... Из тех сведений, которые дошли до меня от родных, на мой взгляд, более правдоподобна одна из трех следующих причин:

Первая: еще до начала военного конфликта был убит житель Бачи-Юрта, брат Абубакарова Хусейна. За это убийство Адам, родной брат Азака, и его друзья отомстили, убив восемь солдат.

Вторая: известный в Чечне Шита Истамулов из Шали был подлым образом убит органами ОГПУ. В отместку, Азак попытался убить Мазлака Ушаева, чекиста и виновника этого убийства.

И третья: непосильное налогообложение населения советской властью.

Будучи сам из тайпа цонтаро, Азак имел по той же линии и родственные отношения с Истамуловым Шитой (в тысяча девятьсот двадцать девятом году в Чечне прошли народные волнения. Главными зачинщиками стали жители сел Гойты и Шали. На их подавление советская власть направила четыре пехотных дивизии и двадцать восьмую стрелковую дивизию из Владикавказа. Кроме того, в операции участвовали три кавалерийских эскадрона ГЭПЭУ из Грозного, Владикавказа и Махачкалы. Во второй половине января тысяча девятьсот тридцатого года войска захватили центры повстанцев. Их руководители были уничтожены чекистами, но и от восемьдесят второго полка почти никого не осталось в живых.

Стоит отметить, что Шита Истамулов был военным министром в правительстве Северо-Кавказского эмирата имама Узун-Хаджи в тысяча девятьсот восемнадцатом – тысяча девятьсот двадцатом годах, а после его развала тесно сотрудничал с советской властью. И, естественно, большевики до поры отложили это «позорное» пятно в биографии Шиты, пытаясь использовать его в своих целях. Но, будучи отважным и известным в Чечне человеком, он не мог остаться в стороне от народного восстания, когда большевики стали посягать на основы этических и нравственных норм чеченского общества. В конце двадцатых годов Шита становится одним из руководителей антисоветского движения в Чечне. При захвате Шали советскими войсками, им удалось почти полностью уничтожить дивизию Белова и с остатками своего отряда уйти в горы. Позже правительство СССР объявило ему амнистию, а также предложило должность руководителя Шалинской потребкооперации. Готовили, как ныне выражаются, подлянку. В конце тысяча девятьсот тридцать первого года его вызывают к начальнику Чеченского ОГЭПЭУ Бакланову, якобы для получения документа об амнистии. Убийство Истамулова было совершено вполне в духе чекистской «морали». У него оставили кинжал, чтобы не вызывать подозрений, а у Бакланова (начальника ГЭПЭУ) на подставке под столом закрепили маузер. Шиту посадили напротив него, якобы для подписи о получении документа, и Бакланов, падая под стол, начал стрелять в упор. Смертельно раненный, Шита метнул кинжал в забежавшего на шум охранника и пригвоздил его к двери. После этого вероломства, его брат Хасан со своими товарищами уходит в горы и ведет борьбу до тысяча девятьсот тридцать пятого года. В тысяча девятьсот тридцать втором году в Чечне начинаются массовые репрессии. Без суда и следствия были уничтожены около тридцать пять тысяч человек – по тем временам, это каждый четырнадцатый чеченец (факты документально подтверждаются – *авторы*).

В основе разногласий с властями у Азака, как известного человека того времени, стояли подобные общественные вопросы, и причины для недовольства возрастали ежедневно. Но это было уже концом трагедии, а началось все еще десять лет назад. События ускорились пятнадцатого марта тысяча девятьсот тридцать второго года, когда имамом провозгласили Моцу Шамилева. Мой прадед Азак Канаев родился и вырос в селе Бачи-Юрт. У него

был один брат, по имени Адам. Азаку было тогда около пятидесяти лет (ровно столько, сколько сегодня правнуку – *авторы*), и к этому времени уже шестеро детей. Трое сыновей – Черниска, Солта и Бисолта – и три дочери. Младшему Бисолте во время военных действий исполнилось семнадцать лет. Он был инвалидом с детства. Сноха Азака, жена брата Адама, была из села Майртуп, являлась двоюродной сестрой шейха Дукку. Когда начался военный конфликт, она с тремя детьми ушла к отцу в село Майртуп, но ее не приняли. Трое ее детей умерли от холода и голода (справедливости ради надо сказать, что Дукку Хамирзаев – святой шейх, у которого много и сегодня последователей, умер еще в 1921 году, т. е. за 11 лет до описываемых событий – *авторы*).

Мой отец Тота, дядя Шема, тетя Роза были еще детьми, но принять их отважилась только родня с материнской стороны из Бачи-Юрта. Дяди отца по матери, Атцела и Черкси из рода харачой приютили своих племянников, но заплатились за это: восемь человек из них арестовали чекисты.

Как рассказывали, операция по уничтожению восставших началась в 1932 году, в конце декабря, и продолжалась она в течение трех дней и ночей. Квартал, где жили Азак и его семья, полностью оцепили войска ОГПУ, совместно с армейским полком, направленным из Ростова-на-Дону специально для этой операции.

Вместе с Азаком из его рода было всего тринадцать человек: Азак, Адам, Черниска, Солта, Бисолта и другие. На помощь им прибыли известные противники советской власти – абреки, братья Саид и Шоип Бехоевы из села Центорой, тоже из из тейпа цонтарой, а также двоюродные братья из села Майртуп, Гази и Маккал Газгериевы, которые прорвались через войсковое оцепление. Однако Азак и его товарищи были заранее оповещены о готовящейся крупной войсковой операции против них. В пользу этого говорит то, что они основательно подготовились к обороне: у братьев оказался большой арсенал оружия и боеприпасов. Для защиты они выставили по разным точкам семь пулеметов «Максим», двадцать семь английских пулеметов «Льюис», было много винтовок, револьверов, гранат и бесчисленное количество патронов.

Они были состоятельными людьми. По всей Чечне и за ее пределами поддерживали связь с известными политическими деятелями, такими как: Тапа Чермоев, Али Митаев, Шита Истамулов, имам Моца и другими. По меркам того времени у них было все – известность и богатство, но всех их объединяло одно – ненависть к советской власти, глубоко чуждое традиционному укладу жизни и менталитету чеченцев. Сравнивая, относительно недавнюю войну горцев против Российской империи, они не находили ничего похожего с этими богоотступниками (за последнее время вышли некоторые материалы об имаме Моца – публикации М.Х. Курбанова, А. Кусаева, А. Асталова).

Моца Шамилев происходил из чеченского тайпа шоно, был последним имамом Чечни. Человек далекий от политики, как утверждают выше названные публицисты, его выдвигал на политическую арену определенный круг людей. Народные волнения в Чечне начались 15 марта 1932 года в маленьком хуторе, где жил Моца. Как пишет Мусхаб Курбанов: «В НКВД не ожидали такого массового подъема... Мой дед Курбан Аласханов работал председателем шариатского суда в правительстве Узун-Хаджи 1918-1920 годы. Командующим артиллерией эмирата был Мазлак Ушаев, а в середине 1930-х гг. он работал оперативным уполномоченным НКВД Саясановского района.

А. Асталов в своей книге «По лабиринтам памяти» пишет: «Организаторы мартовских событий имели связь и получали руководящие и направляющие директивы от руководства антисоветского движения извне. Эти события готовились известными абреками Маккал из Майртупа, Асахи (Азакх) и его брат из Бачи-Юрта Курчалоевского района... Им нужен был человек в роли имам, под водительством которого можно было поднять народ для восстания против Советской власти... После этого абреки возвеличили Моцу и наделили титулом имам, и с горсткой своих подвижников двинулись через Шуани в сторону Беноя». (Имам Моцу был пойман и расстрелян в Ростове – *авторы*).

Ибрагим рассказывает дальше, что «группа Азака в полном окружении вела вооруженное сопротивление три дня и три ночи. Как рассказывали наши родные, у военных были огромные потери, несколько сот человек. В Бачи-Юрте, где за одну ночь было арестовано несколько сот человек, оцеплена каждая улица, каждый дом, а по всей Чечне арестовали до двух тысячи человек. Что характерно, за все время ведения боевых действий, в течение трех дней и ночей, ни на минуту не прекращалась игра на дечиг-пондуре и чеченская пляска.

Я слышал от старших, как еще до начала тех событий, Тапа Чермоев, сын Махма-Хаджи, Исак-мулла из Бачи-Юрта и многие другие упрашивали Азака покинуть родину. Рассказывали, что Тапа два раза направлял своего представителя из Парижа с предложением выехать к нему. Третьего посланника, по доносу, ГЭПЭУ сумела задержать. «Чтобы навсегда покинуть родную землю, я никому не делал зла», – отказывался Азак. В бачи-юртовской Рузбан-мечети Азак три раза публично просил оставить его семью в покое, не докладывать органам о каждом его шаге. В трагедии нашей семьи прежде всего виноваты доносчики. Были даже случаи, когда им удавалось наказывать таких людей, осведомителей ГЭПЭУ. Но злые языки продолжали свою грязную работу. В конце концов, дошло до военного противостояния.

На второй день войны командование спецоперацией направило к Азаку парламентариев, из числа уважаемых в Чечне людей, для переговоров о прекращении сопротивления и условиях мирного урегулирования конфликта. Власть предлагала Азаку сдать братьев-абреков, Саида и Шоипа из Центороя, и армия снимает оцепление. Азака и его семью обещали оставить в покое.

Азак прекрасно знал, с кем имеет дело, и ни на какие сделки с властями не пошел. Он просто отказался от подобных позорных условий. Парламентарии ушли ни с чем, и бой продолжился.

Во вторую ночь, чудом преодолев оцепление и блокаду, на помощь к Азаку и его товарищам, прибыл абрек из Дарго Кукни Решедов, а также житель Бачи-Юрта Мюстиг, который, кстати, не был абреком. А известный абрек Хасуха так и не смог прорваться к повстанцам. На третий день боя Азак был тяжело ранен. Он умер на том месте, где ныне живут Медиговы. Верные товарищи вынесли его тело из окружения и похоронили в селе Энгель-Эвла. Сына Азака, Солту, убили во время боя, а его тело Мюстиг захоронил под бруствером одного из окопов. Раненый племянник Азака, Ока, сумел выйти из окружения. Также из окружения вышли все, кроме младшего сына Азака, Бисолты, женщин и малолетних детей. Одну из дочерей Азака, которая была замужем в нашем селе, выгнали из дома, отобрав сына. «Мы не хотим гибнуть из-за абреков», – сказали они. Позже вернулась из заключения жена Черниски, сноха Азака. Судьба младшего сына Бисолты до сих пор не известна.

От большой и дружной семьи Азака остались на тот момент всего четверо мужчин, но и они погибли в разные годы. Его сына Черниску расстреляли в начале тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Мустиг, племянник Азака и брат Оки Бухади, а также братья из Центороя Саид и Шоип Бехоевы погибли на Аллероевском хребте, во время боя с чекистами в апреле тысяча девятьсот тридцать девятого года. Позже их тела выставили напоказ перед Центроевской мечетью. Тела были изуродованы до неузнаваемости. На второй день власти увезли тела в райцентр. Но даже из этого боя Ока с двенадцатью ранениями и с шестью соратниками выходит из окружения. В этой крупной операции были уничтожены одиннадцать абреков. Ока был последним из родных Азака, погибших в борьбе с советской властью.

Наш сосед Каратаев Абдурахман (из рода шейха Махма-Хаджи) до последнего дня своей жизни рассказывал, как он своими глазами видел телеграмму, отправленную из станции Гудермес в Москву:

«Товарищу Сталину

Сегодня в селении Бачи-Юрт уничтожен последний оплот контрреволюции в Чеченской автономной области – банда братьев Канаевых...»

После этих событий брат Азака Адам возглавил более пятисот абреков при нападении на Грозный (достоверных сведений об этом выступлении повстанцев пока нет – *авторы*).

Сподвижники Азака, оставшиеся в живых, не могли оставаться равнодушными наблюдателями за безвинно страдающими односельчанами. И вот однажды они пришли за советом к уважаемому ими богослову из нашего села. «Что же делать, как остановить беспредел, творимый советской властью над людьми? Может, нам сдать? – спрашивали они. Но тот не одобрил их намерения.

Власти шли по проверенному пути: псевдорелигиозным деятелям дали задание проклинать в мечетях людей из окружения Азака. Некоторые из них с особым рвением выполняли это указание. В конце противостояния совсем ослабли и семьи повстанцев. Мой отец, дядя и тетя рассказывали, как сжигали и уничтожали тяжелой техникой остатки жилья, разравнивая с землей весь родовой участок. Жить, естественно, было негде. Оказывается, во время этой спецоперации известный чекист Мазлак Ушаев был направлен в город Ош Киргизской ССР, и по приезде он посетил то место, где мы некогда жили. Даже такой безжалостный и подлый человек был потрясен увиденным и поручил построить домик для оставшихся в живых женщин и детей. Построили лачугу. Даже в день окончания мусульманского поста люди боялись подавать им милостыню.

Остаток жизни Ока и его друзья посвятили борьбе с советской властью, – и это им частично удалось (после подавления мятежа братьев Канаевых и Ибрагима Нинхаджиева в 1933 г. Чеченское оргбюро РКП (б) направило в село уполномоченного ОГПУ Мазлака Ушаева. Писатель В. Костерин в своем очерке «По Чечне» еще в 1924 году охарактеризовал его так: «Мазлак Ушаев – один из самых ненавистных «героев» в истории вайнахов, считающийся олицетворением предательства и лютой ненависти к своему народу» – *авторы*).

Рассказ 88-летнего Хаса Бакруева из села Бачи-Юрт.

Когда Азак восстал против советской власти, мне было восемь лет. Столкновение началось в конце декабря тысяча девятьсот тридцать второго или в начале тысяча девятьсот тридцать третьего года. Бой продолжался три дня и ночи. Азаку было около пятидесяти лет, у него было шестеро детей: три сына, три дочери и брат Адам. Во время боя Азак поклялся, если останется жив, он отомстит всем виновным, но был смертельно ранен. Место захоронения властями указали подлые люди. Потом жителей села заставляли выкопать могилу, а тело Азака увезли через Бачи-Юрт в райцентр Курчалой. Был январь месяц, и стояли сильные холода, поэтому, когда раскапывали его могилу, разводили костры над его могилой.

Еще до начала военной операции прибывший из Грозного уполномоченный по заготовкам объявил представителям села налоговую декларацию власти, которым обложено население. Столько-то пудов кукурузы, пшеницы, столько-то яиц, большое количество тыквенных семечек. Представители сельской общины стояли, низко опустив головы. Тогда сын Азака Солта обратился к уполномоченному:

– У жителей Бачи-Юрта нет таких возможностей, но я могу тебе дать вот эту штуку, – и сунул под нос уполномоченного браунинг, который словно вылетел из-под пояса, как крыло сизого голубя. На второй день прибыли войска, оцепили село, а там, где жил Азак, началась война.

Сама семья Азака, конечно имела большие возможности, они были людьми зажиточными и знали, как трудно живут другие. После подавления восстания власти забрали все имущество Азака.

Многим людям принесла беда это война. Власти не гнушались ничем. Арестовывали, расстреливали, сжигали жилье. Сожгли дом у Маила (у них жила дочь Азака, Йисита, позже ее посадили, и она отсидела лет пять), у Мацы. Арестовали Япу, соседа и родственника Азака, который отсидел пятнадцать лет. Арестовали Ису, сына Мюстига. После ареста пропал без вести еще один сосед Азака, Таймасханов Медиг. Разве всех перечислишь? Не все помню, – но многие спасались отказом от принадлежности к роду цонтарой (в газете «Даймохк» №120 от 01. 11. 2012 г. вышла статья журналиста Алмирзы Медигова, внука Медига Таймасханова. В статье автор приводит копии архивных документов:

«По делу жителей села Бачи-Юрт братьев Канаевых – Азака, Черниски, Оки – которые были убиты в Бачи-Юрте во время спецоперации в декабре 1932 года, 10 февраля 1933 года был арестован житель села Бачи-Юрт, Таймасханов Медиг. Он «был осужден тройкой УНКВД по Дальневосточному краю от 26 марта 1938 года повторно. Обвинялся: «Будучи враждебно настроен, проводил повстанческую пораженческую агитацию». Приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 20 мая 1938 года. Постановлением Президиума Амурского областного суда от 17 августа 1963 года постановление УНКВД по Дальневосточному краю от 26. 03. 1938 г. отменено, дело прикрашено за отсутствием состава преступления. Таймасханов Медиг реабилитирован» – авторы).

В то время ГЭПЭУ находилось в харачоевском квартале села, у Атгириева Межеда – там, где ныне живут братья Асланбек и Джамбул. Позже участок земли Азака отдали под склад заготконторы. Кто остался в живых из рода Азака, до конца своих дней боролись с властью, попутно уничтожая и агентов ГЭПЭУ. Одним из последних, в тысяча девятьсот сорок третьем году был убит Оки, который исполнил предсмертное завещание Азака. Он добил последнего чекистского шептуна. За прошедшие десять лет ни на одну ночь он не оставался в родном селе, уходил в Гудермес. Он страшно боялся мести, и она его настигла. Однажды он все-таки решился остаться у своего друга, ведь прошло столько лет, и в ту же ночь его убили. Одного его брата убили, когда он возвращался домой после женитьбы, второго, когда пас табун лошадей.

Семья Азака была порядочной, они честно трудились, никому эта семья не делала зла – даже тем, кто впоследствии их погубил. Это была людская злоба и зависть, а она не имела границ.

Так закончил Хаса свой рассказ.

Единственная из живых, кто нюхала порох восстания Азака – его внучка, дочь Черниски, Бичуева Роза, живущая в селе Курчалой. И мы поехали к ней. Словами не передать, как она взволновалась, когда узнала с чем мы пришли. Было видно, насколько глубоко в ней сидит рана, нанесенная еще в детстве. Мы стали уже сожалеть о своем непрошенном визите. Зачем тревожить на склоне лет старую женщину, которая до краев испила чашу семейной трагедии? Было видно, что рана еще не затянулась, даже через восемьдесят прошедших лет. Только ее сын, считающий себя, по чеченской традиции, племянником села бачи-юртовцев, с трудом сломал ее неумолимость.

«У Азака были три сына и столько же дочерей, – тихим голосом начала говорит старая женщина, – но до известных событий он потерял одного сына. Его убили. Власти велели Азаку сдать триста килограмм тыквенных семечек. «Но у меня нет такой возможности», – ответил дед. Людей загоняли в колхоз, они жили бедно. У родителей были два пастуха, которые пасли наш скот. После подавления восстания власти и некоторые наши односельчане растаскали скот и все наше имущество.

Ни один житель села не принимал нас, мы с моими двумя братьями тайно ночевали под мечетью, которая стояла на больших камнях. Днем мы там

не могли находиться, вернее не давали. Долгое время мы жили в лесу на Качкальковском хребте. Нас от Черниски осталось трое: Тота, Шема и я.

Мать нашу звали Уми. Помню, где-то уничтожили каких-то абреков, на одном нашли шапку, сшитую матерью. Нашелся человек, который донес, что мать наша для абреков шапки шьет. Ее арестовали, и оттуда она уже не вернулась. Чтобы как-то выживать, мы сооружали на скорую руку лачугу, а утром неизвестные ломали ее. Это также делали некоторые наши сельчане.

Братья Ока и Бухади нашему отцу Черниски приходились двоюродными братьями. Азак завещал перед смертью, чтобы отомстили всем виновным в трагедии нашей семье...»

После разгрома выступления Азака в тысяча девятьсот тридцать третьем году во главе антисоветского движения стал шейх Ибрагим Нинхаджиев из с. Бачи-Юрт. По некоторым данным он имел связь с Тапой Чермоевым, эмигрировавшим в Париж. Они готовили восстание, создавали подпольное правительство Чечни из пятнадцати членов, но по доносу агентов ГПУ в Бачи-Юрте и в других населенных пунктах начались спецоперации. Триста человек были отправлены в Сибирь. Руководителя движения Ибрагима Нинхаджиева арестовывают, а впоследствии расстреливают. С трудом удается получить его тело, по некоторым неполным данным он похоронен на кладбище в Шали.

Авлия Ибрагим-Хаджи был тридцать вторым в Золотой Цепочке тариката Накшбандия. Авлия Абаст-Хаджи (Аза из с. Аллерой) перед смертью передал ему право проповедования.

Ибрагим-Хаджи родился в селении Бачи-Юрт в 1868 году. Отца его звали Нинха. Отец и мать Ибрагима в свое время совершили паломничество в Мекку. Его предки прибыли в Бачи-Юрт из Харачоя. У Ибрагима было три жены. Одна была родом из Бачи-Юрта. У нее не было детей. Вторая – из Иласхан-Юрта и третья – из Аллероя (Ножай-Юртовского района).

Вместе с отцом арестовали и его сына Магомед. Через несколько лет тюремной жизни Магомед вернулся домой. Дальнейшая судьба Ибрагим-Хаджи неизвестна. Место его захоронения тоже неизвестно. До самой смерти сын Ибрагима-Хаджи, Дауд, искал место захоронения своего отца, чтобы исполнить завет отца: найти его могилу и построить святыню. В настоящее время поиски могилы Ибрагима-Хаджи продолжают его внуки.

...Зима 1933 года выдалась особенно холодной. Однажды жена Ибрагима-Хаджи вышла из дома по хозяйским делам. В доме оставались два сына – Хамзат и Дауд. Хамзат лежал в колыбели. В это время работники НКВД окружили дом Ибрагима-Хаджи. По воле Аллаха в этот момент Ибрагима-Хаджи не было дома. Выкинув на снег детей, налетчики стали разрушать дом. Рискаю жизнью, вторая жена Ибрагима-Хаджи, Белита вынесла из окружения двух братьев и вместе со своим двоюродным братом отправила на санях в село Аллерой, что в Ножай-Юртовском районе. Дети оставались там до выселения в 1944-м году. По возвращению в Бачи-Юрт Ибрагима-Хаджи арестовали. На авлия донес его односельчанин. Рассказывают, что когда Ибрагима-Хаджи доставили в сельский Совет, доносчик был там. Он встретился с ним лицом к лицу и, обняв доносчика, сказал: «Я прощаю тебя. Мы все будем отвечать за свои поступки перед Всевышним Аллахом».

Ибрагим-Хаджи умер в Грозненской тюрьме. Начальник тюрьмы разрешил землякам вывезти труп и похоронить там, где они пожелают. Дал им в помощь полоторку.

Родители наши рассказывали еще одну трагическую историю, которая произошла через десять лет в том же Бачи-Юрте в 1943 году. Под видом ареста дезертиров и последующей отправки на фронт захватили 19 человек из Бачи-Юрта и Центороя. Но среди них оказалась 15-летняя девушка из нашего села, вся вина которой заключалась только в том, что она хотела освежить глиняный пол. Когда НКВДэшники стали ходить по нему в сапогах и вытаскивать шматками верхнюю, тонкую глиняную пленку, она в сердцах воскликнула: «Чтобы вас Бог покарал! Как вы надоели!» (Дала х1аллак дойла шу! Ма амал дайина аш!).

Среди конвоя оказались чеченцы, и один из них перевел ее слова. Имя этого ревностного служителя советской Фемиды соответствует его местоположению в природе – его звали К1еза (Щенок).

Анди Джамалдинову не было еще и года, когда его отец Зелимхан оказался в этой группе. Конвой с арестантами пересекали речку Гансол (на берегу которой расположено село), и Зелимхан стал уговаривать сотоварищей, чтобы они брали камни и нападали на конвой и что они больше не увидят родной юрт. Такого трагического финала никто не ожидал, и все они надеялись, что все обойдется. Но первые роковые выстрелы прозвучали на левом берегу реки, где сегодня кладбище. Прибравшие сельчане нашли страшную картину: изрешеченное пулями тело 15-летней девушки и рядом труп молодого человека. Видно было, что он на ходу ел сискал (кукурузный чурек), когда его настигла смерть, – крошки чеченского хлеба так и застыли у него во рту и на губах. Зелимхана убили уже за селом Майртуп, и его жители стали свидетелями, как он пытался схватить лошадь конвоира за узду и кричал, бился как зверь в клетке, но ничего не мог делать. Из 19 человек в живых остались только двое, оба жители села Центорой. Один получил по советским меркам «на всю катушку», второй вернулся, получил должность мельника в мельнице Бойси (Бойси-Хьер), что являлось исключительно престижным и доходным местом в то время.

«Мне было около четырнадцати лет во время депортации – рассказывает жительница села Центорой Масра Муртаева, – это было страшное утро.

Было еще страшно вспоминать обо всех бесчинствах, которые творила советская власть до выселения... По анонимным доносам арестовывали людей, и они бесследно пропадали. Небезопасно было интересоваться их судьбой. Опасаясь ареста, некоторые мужчины уходили в леса и становились абреками. Те, кто оказывал им помощь – пусть самую незначительную – кусок чурека дадут, плоток воды – тоже пропадали без вести. И даже если кого просто подозревали в сочувствии, этот несчастный также мог оказаться под арестом.

Нередко аресты бывали массовыми. Помню день, когда аресты прошли в нашем и в двух соседних селах в Бачи-Юрте и в Аллерое. Арестованных было около сорока человек. Их разделили на две группы и повели разными дорогами в Курчалой. Над селом стоял душераздирающий крик женщин, детей. Все были уверены, что тех, кого повели через лес, расстреляют по дороге. Однако трагическая участь ожидала другую группу ту, которую погнали через село. Помню, как моя тетя Язу пыталась подойти к арестованным, но солдаты, угрожая оружием, не допускали никого, и тетя, плача, шла рядом. Среди арестованных был ее деверь Алади, мой двоюродный дядя Сулим, жители села Астемир, Убайд и другие. Среди военных были чеченцы. Конвоиры были на лошадях и гнали арестованных бегом. Вскоре вся эта группа покинула село.

Еще рассказывали, как и почему арестовали в селе Бачи-Юрт ни в чем неповинную девушку пятнадцати лет. Через много лет, отсидев полученный срок, Убайд вернулся домой. От него люди узнали подробности, как первой убили девушку, а потом стали расстреливать и других...».

Шли годы. За непокорность сатанинской власти чеченцев выселили. Через тринадцать лет вышел Указ Хрущева о возвращении на историческую родину. Один из авторов этих строк помнит тот июньский, теплый вечер, когда он впервые с вершины Качкалыковского хребта детскими глазами посмотрел на Бачи-Юрт, о котором в Киргизии пели песни, слагали легенды и, конечно, рассказывали о героизме Азака и его семьи. Изрядно утомившись от новых впечатлений, я, наверно, рано уснул и проснулся рядом с матерью. Среди плотной, южной ночи до моего чуткого слуха доносились протяжный вой и женские причитания. Прижавшись к матери, я шепнул ей на ухо: «Баба, что это за шум?» «Это аварские женщины плачут, они теперь должны уехать из нашего села». Это было 8 июня 1957 года, а мне через 16 дней будет пять лет. Так прошла моя первая ночь в родном селе, и я помню ее.

А вот 7 мая 1957 года Главный военный прокурор СССР направил письмо в обком ЧИАССР о привлечении Колесникова к партийной ответственности

за необоснованные репрессии и уничтожение безвинных людей такого содержания:

«Суть дела: в апреле 1943 г. в Курчалоевском и Саясанском районах силами подразделений НКВД и милиции под руководством майора Колесникова М.П. заместителя начальника отдела борьбы с бандитизмом проводилась операция по ликвидации «банд» и задержанию «дезертиров» из Красной Армии. В этих операциях были арестованы 19 человек «подозреваемых» лиц, которые были переданы Колесниковым под «ответственность» командиру кавалерийского взвода Волосову для конвоирования из Бачи-Юрта в Курчалоевский райотдел НКВД. При конвоировании 25 апреля 1943 г. по личному указанию Волосова были расстреляны без всякого основания 17 человек, в том числе 15-летняя девушка и один тяжело ранен. В тот же день в Бачи-Юрте конвоирами был убит еще один арестованный. Волосов доложил Колесникову, что задержанные были убиты при попытке к бегству, в то время как это не соответствовало действительности. Колесников же принял меры к расследованию и необоснованно дал заключение о правомерности применения оружия».

А вот решение бюро Чечено- Ингушского обкома КПСС от 22. 01.1958 г. по данному делу:

«Дело Колесникова (докладчик тов. Шаповалов. Колесников присутствует).

Колесников Михаил Петрович родился 1894 году, член КПСС с 1923 года, партбилет №0153120 (на руках), русский, служащий, образование среднее, в момент совершения проступка работал заместителем начальника отдела борьбы с бандитизмом УНКВД ЧИАССР, в настоящее время работает заместителем директора Грозненского научно-исследовательского института. 7 мая 1957 года Главная военная прокуратура СССР сообщила обкому КПСС о проводившихся в 1943 году незаконных расстрелах граждан чеченской национальности. Поэтому Главная военная прокуратура просила привлечь к партийной ответственности в этом Колесникова М. П. и других...

По поводу происшествий Колесников сообщил, что его работники представили соответствующие акты о правильности применения оружия. Этим актам поверили, дело передали в нарком внутренних дел ЧИАССР. Бюро обкома партии постановляет, и следствие подтверждает, что лично Колесников приказ о расстреле не давал.

Из приведенных фактов видно, что Колесников, будучи начальником оперативного сектора по борьбе с бандитизмом, допустил бесконтрольность над подчиненными, за что должен нести соответствующее партийное наказание.

Бюро Обкома КПСС постановляет:

«За допущенную бесконтрольность в действиях подчиненных командиров воинских подразделений, грубо нарушивших социалистическую законность, отсутствие должного контроля над подчиненными Колесников Михаил Петрович подлежит партийному взысканию. Но, учитывая его активное участие в ликвидации бандитских элементов в ЧИАССР, что он сам не участвовал в незаконном расстреле и указаний по этому поводу не давал, а в 1945 году за допущенную бесконтрольность наказан министром внутренних дел в дисциплинированном порядке – ограничиться обсуждением его на бюро обкома...»

Память**Боль, пронесенная сквозь время...**

Своими воспоминаниями о том далеком и трагическом для всего чеченского народа феврале сорок четвертого с Маджиной Сосламбековой поделилась ее мама. Автор, подготовивший данную публикацию, излагает эту историю от лица своей рассказчицы.

...Меня зовут Мадина Сосламбекова, маму мою зовут Маржан, а отца звали Гилани. Мы родом из села Янди Ачхой-Мартановского района. Мои родители 23 февраля 1944 года были депортированы из селения Суорота, что располагалось тогда в нескольких километрах от Саэди-К1отара в горах. Родственники мамы – уроженцы аула Босах Чеберлойского района. Ее девичья фамилия – Магамадова, отца ее звали Ч1окка, а маму (мою бабушку) – Хутмат (Хута). В память о той страшной трагедии, постигшей наш народ в роковое утро 23 февраля 1944 года, хочу привести воспоминания мамы.

Трагическим стечением обстоятельств родителей моей мамы в 1944 году повезли в Павлодарскую область Казахстана, а сама моя мама, с братьями – попали в Семипалатинскую область. Каждый день дети ходили на железную дорогу, где разъезд. Они ждали отца с матерью... Шел уже второй год их разлуки, и все равно – не было конца ожиданию этой встречи в детских надеждах, грезах и мечтах. Мама рассказывает, как мальчики плакали, прося Всевышнего, чтоб он свел их с отцом и матерью. «Везан Дела, уьш тховса тхox сьхакхетахь, тхо тховса лийр делахь а, тхан дай-наний тхox сьхатоха Ахь!» – вот такая мольба к Всевышнему не сходила с уст детей.

Моя бабушка и ее золовка Сепихат были вместе, когда их везли в скотских вагонах в заснеженные степи Казахстана. В поезде прошел слух, что отцепляют вагон с больными и, если находились родственники, то больных отдавали на их попечение. Бабушка с маминой тетей пошли посмотреть на этих несчастных, и не было предела их радости, когда они нашли среди последних моего дедушку Ч1окку.

Сепихат, тетя моей мамы, на момент депортации жила с ними, так как ее мужа арестовали, обвинив в дезертирстве. Она была замужем в то время в селе Бути. В эти злополучные дни бабушка моей мамы и Сепихат с двумя детьми (два мальчика) гостили у другой тети – Зулихан, так как мужа той не было дома. И лишь десять дней спустя после начала депортации их выслали в Киргизию – их дом этот находился в такой глуши села Алхазурова, что сподручные Берия и Сталина еле до них добрались. Таким образом, семью разбросало в самые разные стороны в ссылке.

Хотя моей маме тогда было лишь одиннадцать лет, ссыльная жизнь сделала ее не по годам взрослой. Она совершенно по-взрослому ухаживала за своими младшими братьями.

Однажды, когда они сидели у железнодорожной насыпи, проезжал маленький товарный поезд, и у разъезда с него сошли три человека. Они подошли к детям. Узнав, что чеченцы, спросили, чьи они. Дети сказали, что у них нет родителей. Тогда взрослые еще больше заинтересовались их судьбой. Наконец мама все им рассказала – как они здесь оказались, как они с родителями расстались. Один из мужчин сказал детям, что он только что едет от их родителей. Но ребята подумали, что он их обманывает. Мама, с ее слов, вообще расплакавшись, убежала. Но мужчина догнал ее и рассказал, что он два дня провел с ее

родителями, что ее мама и отец с ума сходят от тоски по ним, а бабушка плачет целыми днями.

Эти люди и помогли воссоединиться нашей семье. Они пошли к коменданту, объяснили ситуацию, сообщили родителям, где дети.

Первой к детям приехала моя бабушка с младшей сестрой мамы, которая была тогда еще младенцем на руках. Спустя неделю приехали отец и тетя. Стояла осень, вот-вот наступит зима, а не было никаких запасов еды, одежды. Жить тоже было негде. Отец решил, что срочно нужно перебраться в Караганду, поскольку там находились родственники. Собравшись, все вместе выехали, но по дороге решили заехать к другим родственникам. Да так у них и застряли на какое-то время.

Постройка, где они проживали, оказалась довольно большим бараком. В нем, по воспоминаниям мамы, жило десять-двенадцать человек. И если добавить сюда семью мамы (а это еще семь человек), получается целых девятнадцать человек! И вот, продукты были уже на исходе. Да и какие были в то время продукты?! – горсточка муки на человека, и ту ели не досыта. Вот и решили отправить маму с тетей Сепихат в Павлодар за мукой. Там им нужно было продать кое-что из вещей и на вырученные деньги купить муку.

Когда мама и тетя продали вещи и купили все, что было нужно, вернуться сразу не получилось. Из-за бурана они застряли в Павлодаре на несколько дней. Когда буран стих, мама с тетей сразу же отправились в обратный путь.

По возвращении их ждала страшная картина: все, кто находился в бараке, от истощения не могли встать и затопить печь. Дверь покрылась толстым слоем льда, и мама с тетей ее еле открыли. Эта хрупкая женщина и маленькая девочка одиннадцать лет не в силах были им ничем помочь. От холода и голода там умерло пятнадцать человек.

«Они умирали у нас на глазах, один за другим, – каждый раз плачет мама, вспоминая эту трагедию. – Мы с тетей даже не могли их похоронить, прямо в снегу делали углубления и закапывали. В этот несчастный день для них не было ни помощи, ни сострадания, кроме как от Всевышнего».

«Почему я не умерла в те дни вместе с ними, там?!» – горько плачет мама и по сей день...

Подготовил Арби Падаров

Наше интервью

«Высокие горы» Рамзана Паскаева

Рамзан Паскаев объездил почти полмира, знакомя и радуя слушателей во многих странах с музыкальной культурой чеченского народа. Его игрой на «кехат-пондуре» – чеченской национальной гармонии, заслушивались во многих концертных залах европейских столиц, больших городах Азии, Африки и Америки, где он побывал в составе Чечено-Ингушского государственного ансамбля песни и танца «Вайнах» и других творческих коллективов. Он радовал своими мелодиями оторванных волей судьбы от исторической родины вайнахов в далекой Иордании, Сирии, Турции и других уголках нашей планеты.

Он не только виртуозный исполнитель, но и талантливый профессиональный композитор, написавший музыку к ставшим теперь достоянием нашей музыкальной

культуры песням «В ночном ауле», «Моя родина», «Весенний вечер» и многим другим, исполнявшимся популярными артистами советского периода: Шамилевой Жансари, Мовладом Буркаевым, Султаном Магомедовым и другими. Его произведения и сегодня исполняются филармоническими оркестрами Дагестана, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии.

Достойный преемник и ученик великого Умара Димаева, Заслуженный артист Чеченской Республики и Республики Ингушетия, Заслуженный деятель Культуры Чеченской Республики Рамзан Паскаев и сегодня продолжает знакомить поклонников с новыми музыкальными альбомами, пишет музыку к стихам, готовит новые музыкальные аранжировки. Сегодня он трудится в симфоническом оркестре Чеченской государственной филармонии под руководством Народного артиста России, профессора Валерия Владимировича Хлебникова.

В свои шестьдесят шесть лет Рамзан по-юношески строен и подтянут и по-прежнему в постоянном творческом поиске. Предлагаем вниманию читателей беседу нашего корреспондента с известным музыкантом и композитором.

– Рамзан Бетирсултанович, как мне известно, Вы раньше взяли за гармонию, чем за букварь. Какие предпосылки способствовали Вашим первым увлечениям игрой на гармонии? Расскажите немного о впечатлениях, связанных с Вашим детством в выселении, о родителях.

– Я родился в городе Джамбуле в тысяча девятьсот сорок седьмом году. Время было трудное, послевоенное – народ наш был лишен почти всех гражданских прав. Музыкальное творчество проявлялось лишь исполнением кавказских мелодий и песен на уровне самодеятельных талантов-самородков. Кто немного умел, тот и играл на чем придется. Все это бывало на вечеринках-«синкьерам», на коллективных работах по взаимопомощи – «белхи» и т.д. Основными инструментами были «кехат-пондур» и «дечиг-пондур», т.е. гармонь и трехструнный деревянный музыкальный инструмент, типа балалайки или домбры, который бытует в музыкальном арсенале многих восточных

народов. Роль бубна, если такового не находилось, часто выполняли чемодан или какое-нибудь приспособление.

Родная музыка, мелодии далекой родины, отобранной злой волей жестокого тирана, сплывали вайнахов, не давали сердцам ожесточиться, духовно сплывали людей, укрепляли их надежду и веру в Возвращение. В начале пятидесятых годов, когда положение спецпереселенцев стало понемногу улучшаться в материально-правовом отношении, народ стал оживать, вышли некоторые послабления в передвижении, чеченцы стали чаще устраивать «синкьерам», ездить в гости, навещать родственников и т.д. И в таких ситуациях душой всего этого становился «пондурча» – гармонист.

В памяти осталось жуткие морозные вечера и печальные, полные тоски по дальнему Кавказу, мелодии гармониста, которую брали в руки то отец, то мать – они оба хорошо играли. Собирались соседи, приходили дальние и близкие земляки и люди других национальностей – ведь Сталин лишил родины не только чеченцев и ингушей, но и многие другие народы Советского Союза. Был взаимный интерес к культурам друг друга, особенно к танцам и музыке. И было братство по несчастью у этих изгнанных с родины народов.

Мне казалось великим таинством извлечение столь чарующих мелодий из этого инструмента. Большой загадкой для моего детского восприятия было то, как гармонист может одновременно растягивать меха и нажимать на клавиши.

Потом отец приобрел немецкий полуаккордеон. Он был одним из первых чеченских шоферов, освоил эту профессию еще до выселения и здесь, в Казахстане, был участником освоения целинных земель, и всюду возил с собой этот прекрасный инструмент – и в эшелоне, по пути на целину, и на полевых станах, радуя целинников кавказскими мелодиями. И когда отец вернулся с целины вместе с этим инструментом, была большая радость у нас в доме. Это было в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году.

Меня постоянно притягивал этот аккордеон, его клавиши, кнопки, его чудно растягивающиеся меха. Я все время крутился рядом, пытаюсь пристроиться, взять в руки. Поднять его у меня не хватало сил, и, видя мое увлечение, отец сажал меня на ковер на полу, ставил аккордеон, и я начинал свои «первые уроки».

– Кто, кроме родителей был Вашим учителем, наставником на музыкальном поприще? Какие первые шаги Вы помните в профессиональной деятельности? Наверное, трудно было достать национальные инструменты в те первые годы возвращения на родину? Какие исполнители в то время работали профессионально?

– Конечно, встречали нас на родине не однозначно. Никакой культурно-материальной базы не было, все только возрождалось, и потребность в духовной пище была велика. Начал работать недавно восстановленный Чечено-Ингушский ансамбль песни и танца. Там работали гармонисты Умар Димаев, Джунид Дикаев. Молодой Шита Эдилсултанов прекрасно импровизировал на дечиг- и атхок-пондурах. Исполнитель народных мелодий и певец Валид Дагаев и другие выжившие в выселении наши талантливые музыканты, певцы и танцоры, самоотверженно трудились во благо возрождения ансамбля и нашей культуры. Ансамбль выезжал в восстанавливаемые районы Чечено-Ингушетии, выступая с концертными программами в сельских домах культуры.

Ко времени возвращения из Казахстана в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, я уже неплохо играл на упомянутом выше полуаккордеоне, и отец сводил меня на репетицию оркестра народных инструментов Чечено-Ингушского ансамбля песни и танца. Они тогда занимались в подвале так называемого «Аракеловского» магазина, не имея собственного помещения. Мою игру заметил и одобрил Умар Димаев. Ноги мои не доставали до пола, и аккордеон почти всего загораживал меня, но я старался. В то время отец и купил мне мой первый настоящий профессиональный инструмент у известного тогда

гармониста Джунида Дикаева – гармонь-однорядку. Однорядка – это гармонь без полутоновых клавиш.

– Знаковое совпадение, если вспомнить, что Вы потом плодотворно сотрудничали с сыном Джунида – Магомедом Дикаевым, одним из самых талантливых и популярных чеченских поэтов.

– Да, мои самые популярные в народе песни написаны на слова Магомеда Дикаева: «Тхан юьртахь тийнаду», «Сан Даймохк», «Мел йогIгу буйса кхоьлина йогIу...» и другие. Это был самый яркий, самобытный поэт, почти каждый его стих просится на музыку, лирика его проникновенна и мелодична. А с его отцом, Джунидом я проработал в ансамбле песни и танца несколько лет в начале шестидесятых годов.

– Какие еще впечатления из детства побудили Вас посвятить себя музыке, в частности чеченской гармонике? Ведь Вас называют преемником великого Умара Димаева? Расскажите о Ваших общениях, встречах.

– В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году начала работать радиопрограмма на чеченском языке, в каждую среду было вещание из Алма-Аты – концерт чечено-ингушской музыки продолжительностью в пятнадцать минут. Все вайнахи собирались к редким тогда радиоприемникам и слушали со слезами, особенно старики, пожилые люди. Они мечтали умереть на родине, надеялись... Мелодии Умара Димаева, Идриса Цицкиева, Бауди Сулейманова, Марьям Айдамировой, Жансари Шамилевой были как музыкальная весточка с Кавказа – все воспряли духом, уже чувствовалось дыхание родины. Я тоже слушал и впитывал в себя родные аккорды, знакомился с мелодиями, которые особенно, отточено, классически исполнял Умар Димаев. Каждая мелодия имела свое название: «Высокие горы», «Мелодия молодца, потерявшего коня», «Танец стариков», «Атагинская лезгинка» и другие. Те старые мастера – исполнители на национальных музыкальных инструментах – не были знакомы с нотной грамотой. Поэтому до нас не дошли старинные мелодии или дошли в различных вариациях и интерпретациях. Мы не можем проследить развитие музыкальной культуры, музыкального творчества вайнахского народа из века в век. Плохо знаем, какими музыкальными инструментами пользовались люди, удовлетворяя свои духовные потребности в те суровые и далекие времена. Какие межнациональные взаимопроникновения были в вокальном, хореографическом и инструментально-исполнительском жанрах. На сегодня мы знаем и пользуемся несколькими музыкальными национальными инструментами: «кехат-пондур» – гармонь, «дечиг-пондар» – чеченская балалайка, «атхок-пондар» – скрипка, «шедаг» – свирель и ударные: «вота» – барабан, «жирга» – барабан.

Дружбу с Умаром Димаевым я поддерживал до его кончины в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году. Запомнилась наша последняя встреча с великим гармонистом. Я навестил его уже больного. Он очень обрадовался, расспрашивал о моих успехах, творческих планах. На прощание он попросил меня: «Рамзан, сохрани наши народные мелодии. Мы, старые гармонисты, не знали нот. Я сумел только записать несколько грампластинок. Сохрани названия всех мелодий, запиши, чтобы люди узнавали их: как звучит мелодия «Высокие горы», «Лирическая Абубакара», «Танец стариков», «Лезгинка Андарбека Дакашева»... Я пообещал выполнить все. В тысяча девятьсот семьдесят втором году вышла грампластинка с чеченскими народными мелодиями, исполненными мной. Этот музыкальный альбом назывался «Высокие горы». Затем в тысяча девятьсот восемьдесят первом году вышла пластинка-гигант «Дороги Отчизны».

– Уверен, что Вы выполнили его наказ. И я уверен, что все чеченцы так считают. Ваше многолетнее творчество, работа по популяризации

и пропаганде народной музыки, Ваши грампластинки, выпущенные в советское время, музыкальные альбомы, которые Вы выпускаете – это достойная дань уважения по отношению к великому Мастеру.

Сегодня какие, на Ваш взгляд, отклонения и тенденции мешают правильному развитию современной эстрадной культуры, развитию собственного музыкального творчества. Что-то мы упускаем в воспитании современного зрителя и слушателя?

– Сегодня на эстраде доминируют вокальные исполнения. Инструментальная музыка, исполнение на определенных национальных инструментах отходит на второй план. Нет сегодня ярко выраженных музыкальных проектов, пропагандирующих культуру игры на этих инструментах. Есть одна программа на телевидении, которую ведет Хамзат Тухашев – «Пондаран аз», поблагодарим его за это. Но ей не хватает более широкого охвата и поиска талантливых исполнителей. Видимо, он испытывает определенные трудности в подготовке программы.

– Рамзан, какую работу нужно проводить по популяризации игры на народных инструментах, по возрождению забытых традиций, манеры и стиля исполнения народных мелодий? Ведь чисто национальная гармония, так называемая «однорядка», была без полутоновых клавиш. Они расширили диапазон исполнения в ущерб традиционному национальным тонам. Мелодии стали как бы мягче звучать, приобрели восточные оттенки в звучании?

– Несомненно, с проникновением «электричества» и в музыкальные инструменты меняются потребности и запросы. Если недавно, еще в советском прошлом, приглашенный гармонист был чуть ли не центральной фигурой на свадьбе, и многие приходили послушать игру Умара Димаева и других именитых гармонистов, то теперь молодежь более восприимчива к синтезатору и, так называемой, «фанере» – и современной, зачастую сомнительной музыкальной продукции. Почти полная безответственность и непростительность в нашей недавней культурной истории позволяет нынешним радио- и тележурналистам часто путать авторство некоторых музыкальных произведений, транслировать их не к месту. Сегодня «вокал» вытеснил индивидуальное инструментальное исполнение. На Чечено-Ингушском радио существовала традиция давать музыкальные заставки с исполнением народных мелодий на «кехат-пондуре», «дечиг-пондуре» и национальных инструментах. И обязательным было оглашение автора музыки, слов и исполнителя. Сегодня, умышленно или нет, но мои музыкальные аранжировки транслируются по радио безымянными, и часто – не к месту. Смешиваются религиозные и музыкально-развлекательные программы. Чеченская вокально-музыкальная, инструментальная культура стремительно утрачивает свою фольклорно-национальную платформу. Сегодня в произведениях многих наших авторов, называющих себя композиторами, слышны голоса чуть ли не со всех континентов – и турецкие, и арабские и английские, и итальянские, и чуть ли не китайские и негритянские... Слова чеченские, музыка – чужая. Музыкальные произведения идут из студии записи прямо на эстрадные подмостки или в эфир.

В бытность моей работы на Гостелерадио ЧИАССР в семидесятые и восьмидесятые годы, один раз в квартал проводился художественный совет, в который входили известные писатели, поэты, композиторы, редактора музыкальных редакций. На них обсуждались новые музыкальные, вокальные произведения, которые должны были впервые исполняться по радио или на телевидении. Что-то отправлялось на доработку, переработку и как «идейно незрелое, не соответствующее морали и кодексу строителя коммунизма» и т.д. Думаю, что и сегодня необходимо создать подобный экспертный совет при Министерстве культуры или выше, чтобы защитить наше национальное

музыкальное и иное духовно-нравственное пространство от влияния чуждых и вредных нашему менталитету влияний. Конечно, сегодня большое внимание уделяется работе по возрождению и развитию национальных традиций, обычаев чеченского народа по духовно-нравственному, патриотическому воспитанию молодежи; нужно искать и поддерживать молодые дарования.

– Какие примеры из советского прошлого музыкальной культуры нашей республики можно было бы вспоминать чаще с пользой для сегодняшнего дня? Какие деятели музыкальной культуры оставили, по Вашему мнению, значительный след в духовной истории народа?

– Я долгое время работал в оркестре народных инструментов Гостелерадио ЧИАССР. Коллектив был многонациональный. Музыкальной редакцией тогда заведовала Тамара Ахмадова. Она добилась еженедельной трансляции концерта чечено-ингушской музыки. Это был получасовой концерт песен и мелодий в исполнении популярных артистов нашей республики: Умара Димаева, Бауди Сулейманова, Идриса Цицкиева, Валида Дагаева, Султана Магомедова, Мовлада Буркаева, Жансари Шамилевой, Марьям Айдамировой и многих других популярных исполнителей. Выдающегося чеченского композитора Аднана Шахбулатова можно назвать одним из основоположников чеченской эстрады, хотя многие тогда не понимали и не принимали это запоздалое в нашей национальной культуре явление. Не всем нравились песни в исполнении молодого тогда Мовлада Буркаева. Сегодня же песни «Мой город», «Песня о Грозном», «Песня партизана» и другие стали достоянием нашей музыкальной культуры. Произведения наших профессиональных композиторов – Аднана Шахбулатова, Зайнди Чергизбиева, Умара Бексултанова, Саида и Али Димаевых востребованы и сегодня. Младший сын Умара Димаева является достойным преемником его таланта и хранителем его гармонии, продолжая дело отца.

Умар Димаев первым перешагнул через бытовавшее в среде вайнахов предубеждение, что игра на гармонии – женское занятие. Он слушал мелодии своей старшей сестры Аружи, запоминал их. Потом Аружа сама его учила. Он посвятил сестре замечательную «Мелодию Аружи».

– Рамзан, каждый Мастер готовит себе достойную смену. Наверное, и у Вас есть ученики. Пошел ли кто из Ваших детей по отцовским стопам?

– По мере возможности старался обучать детей, своих и чужих, тому, что я умею. Набирал группы для обучения, но нехватка времени не всегда позволяла доводить дело до конца. Другое дело с собственными детьми, которые почти всегда с тобой рядом, пока они не станут самостоятельными. Думаю, что мой младший сын Руслан продолжит мое дело. Он, по-моему, был внимательным учеником. На моем юбилейном вечере в две тысячи седьмом году мы выступали вместе. Он живет в Москве, работает в школе искусств имени Зии Бажаева. Ему двадцать восемь лет.

– Рамзан, спасибо за интересную беседу. Пусть никогда не прервется связь поколений и преемственность, и не иссякнет родник талантов чеченского народа. Хотелось бы пожелать, чтобы еще долго звучал чудесный «кехат-пондар» в Ваших руках к нашей радости. Крепкого Вам здоровья!

Беседовал Иса ОКАРОВ

Шаран Дашаев**Непокоренный**

Очерк

Совсем, казалось бы, в недалеком прошлом нас, ровесников, связанных обыкновенной мужской дружбой, было много «во всех деревнях и весях». Нынче же, как ни напрягай память, всего... четверо. Прежде и теперь самый старший из нас – это Вахид, что родом из Алдов, но по воле судьбы много лет назад обосновавшийся в Урус-Мартане и, как видно, навсегда. Несмотря на свой далеко уже не молодой возраст, благодаря неугомонному и непоседливому характеру, выглядит он моложе нас, да и пальму первенства и молодости во многих случаях мы оставляем за ним, по-своему обосновывая это еще и тем, что он единственный среди нас охотник. А охотник, как всем хорошо известно, должен находиться в постоянном азарте. Как бы то ни было, нас связывает давняя крепкая мужская дружба и этим все сказано.

Никто из нас, кроме Вахида, не знает точной даты своего рождения. В наши лихие времена она определялась весьма своеобразно: весна, лето, осень, зима, жатва, косовица... Наши биографии были перечеркнуты в один день, одним росчерком. Существовали и другие, более растяжимые даты – «до выселения» и «после выселения». Там, на чужбине, у нас и паспортов-то не было. Так и остались за нами на всю оставшуюся жизнь искаженные на чужой манер имена, фамилии, даты и проч. И на свет появились мы не в конкретные дни и месяцы, а по тем же самым временным измерениям: косовица, жатва, прополка. Словом, судьбы у нас совершенно одинаковы, как две капли воды. А коль так, будет достаточно поведать одну из них. И пусть это будет рассказ из уст старшего и о старшем из нас. Тем более что рассказчик он мастерский и события помнит в деталях.

– Хотите знать, откуда фамилия Бетербиевых? Моего деда звали Бетерби. В детстве мне рассказывали, что он поддался рассказам о «райской жизни» и вместе с другими своими соплеменниками в середине восемнадцатого столетия подался в Турцию. Говорили, вам на родине все равно житья не будет. Начнут обдирать налогами (каждая семья тогда обязана была вносить в госбюджет по три рубля в виде налога – сумма по тогдашним меркам не малая), вам лучше перебраться к своим единоверцам...

Такова была официальная пропаганда, описанная Абузаром Айдамировым в романе «Длинные ночи». Скорее всего это был тысяча восемьсот шестьдесят седьмой год.

Потом рассказывали, что турецкие власти не очень-то приветливо отнеслись к братьям по вере. Брали мзду за кружку воды и даже за тень над головой. Таким образом, чеченцы на новом месте оказались брошенными, как говорится, из огня в полымя, без опоры и защиты и мечтали о возвращении на родину любыми путями, при любом удавшемся случае. Другой раз, бунтарский дух чеченцев доходил даже до абсурда: они зажаривали зерно, выдаваемое для сева, чтобы не дать ему прорасти. На чужбине и хлеб горек. Кто тайком, а кто «с боем» – но начался обратный поток переселенцев на родину. Многие из нынешних кистинцев, обосновавшихся в Ахметовском районе Грузии, – это потомки тех вайнахов, осевших там, на обратном пути.

Семидесятилетним стариком возвратился на родину Бетерби, похоронив на чужбине свою первую жену. Его, вдовца, родственники познакомили с восемнадцатилетней девушкой, Она приняла предложение и вышла за него замуж. В семье четы родилось семеро детей: шесть девочек и один мальчик

– наш отец, Иса. После смерти Бетерби отца называли не сыном Бетерби, как принято у чеченцев, а Мотин сын. Моти – имя моей бабушки. В Алдах и ныне его так прозывают. Две моих тети, из шести, были замужем в родном поселке, одна в Алхан-Юрте, еще одна в Гойтах, а последняя в семнадцать лет умерла от тяжелой болезни. Как правило, отец всегда клялся именем безвременно скончавшейся дочери. Других клятв он и не знал. Эти тети мне подарили тридцать четыре двоюродных брата и сестренки.

Поскольку мой отец приходился им единственным братом, сестры просто боготворили его. На моей памяти не было случая, чтобы хоть однажды кто-то из них ослушалась брата.

Следует упомянуть и о моем дяде по линии матери – Халиде. В тридцатых годах прошлого столетия он был сослан в Сибирь и там расстрелян. И тут начинается то, чем наши предки всегда гордились и чтили свято.

Вместе с моим дядей в ссылке оказался, по всем предположениям, родной дядя известного и ныне покойного певца Эдуарда Хиля. Звали его Алексей. После окончания срока ссылки местом его дальнейшего проживания власти определили Кавказ. Это обстоятельство его крайне огорчало, поскольку здесь у него не было ни родных, ни знакомых. Халид дал ему адрес своей сестры.

У нас он объявился в декабре тысяча девятьсот двадцать седьмого года. Почему я, в отличие от сверстников, помню относительно точную дату своего рождения? Старшие говорили, что к моменту появления в нашем доме Алексея Хиля мне исполнился ровно месяц. По всем предположениям, заявил я о себе на этом свете в первых – седьмых числах ноября того же года.

Это об Алексее сказано: мастер на все руки. У нас во дворе он вырыл огромный котлован вместимостью до пятисот повозок льда. Я помню, когда всем скопом рыли эту яму. Реки наши тогда были полноводными, зимы холодными, а летние дни жаркими. Снег, выпавший в ноябре, держался до конца апреля. Словом, зима продолжалась около шести месяцев, столько же держалась и теплая погода. По реке Сунжа ходил паром, перевозивший людей с одного берега на другой. Зимой река покрывалась толстым слоем льда. Этот лед, запасенный в той траншее, Алексей использовал для приготовления мороженого. Процесс этот продолжался до октября месяца.

Готовую продукцию он реализовывал через наемных людей в Грозном, Урус-Мартане, Гойтах, Алхазурове... Такое сладкое мороженое я никогда не пробовал ни до, ни после.

Запомнились мне также огромные деревянные бочки, куда Алексей клал лед, насыпал соль, заливал какой-то сироп и нас, детей, часами заставлял вращать барабан пока не получалось густое месиво. От такой работы мы несколько не уставали, а наоборот испытывали необъяснимое наслаждение от непривычного дела, которое, безусловно, вознаграждалось нашим «работодателем».

Помимо того наш постоялец изготавливал газированный напиток «Ситро». От него из носу, прямо скажем, искры сыпались.

Природа наделила Алексея и многими другими талантами. Из обыкновенных стеблей ячменной соломы он мастерил изящные рамки для фотографий и даже мог «сотворить» Кремль в его натуральном и естественном виде.

...Потом пришли солдаты. Их по несколько человек расселили в каждом доме. Сказали: «На отдых». К нам подселили четырех человек во главе со старшим лейтенантом, армянином по национальности. Мы даже песенку про него пели: «Ой, Джан-Ереван». Наша мать, со свойственной ей гостеприимностью, всячески обхаживала военных: готовила из лучшего, что было в доме. Поддерживала для них тепло и уют.

Алексей окрестил меня почему-то Жоркой. Наверное, я ему напоминал кого-то из его прошлой жизни, а может, ему просто нравилось это имя. В Алдах и поныне меня так называют. Он же меня научил русскому языку. От него и солдаты переняли это имя.

– Жорка, мы пока находимся на отдыхе. Пойдешь с нами на фронт? – часто спрашивали они.

Накануне того рокового дня к нам подселили других: угрюмых, суровых. Двадцать второго февраля у нас закончились дрова. Жили мы по тем временам не плохо: имели двух буйволиц, пять или шесть коров, несколько голов молодняка, телегу с упряжкой. Вместе со старшим братом Вахой (ему тогда было около двадцати лет) мы поехали в Чернореченский лес за дровами. Когда возвратились домой, солдаты спросили у Вахи, почему он не пошел на праздничные торжества. Ваха остался дома, а я побежал в школу, которая помещалась в добротном доме, раскулаченного и сосланного в Сибирь некоего Джамалдина. Почему-то наша школа называлась Красной. Почему, понятия не имею. Торжества шли там. Заправляли ими наш сельский глава и русский генерал. Когда я подходил к школе, солдаты подтягивали по периметру площади пулеметы, охватывая ее в кольцо. Как сегодня помню верхового, который примчался на взмыленном черном коне. Посыльный передал генералу бумажный пакет. Генерал тут же раскрыл его и огласил:

– Завтра на рассвете вы будете высланы. У кого есть оружие, требую сдать! За сопротивление – расстрел на месте!

Всех, кому было за восемнадцать, задержали. Меня же ввиду маленького роста и несовершеннолетия отпустили домой... Нас подняли перед рассветом. Разрешили упаковать до двухсот килограммов груза: продукты или вещи – на выбор. Сверх того, что нам удалось прихватить, сбросили с вагона. Эта участь постигла и нашу семейную ручную швейную машинку.

В доме у нас стоял большой деревянный сундук, выписанный Алексеем из Москвы. Он был настолько большой, что когда его заносили, пришлось выставить дверь. Когда его открывали, четырежды раздавался громкий музыкальный звонок, который был слышен даже с улицы. Весь оставшийся скарб мы упаковали в этот сундук, а ключи передали Алексею. Перед самой отправкой эшелона Алексей принес два больших шерстяных ковра, приобретенных нами у украинских беженцев в обмен на продукты. А мне подарил бурки из чесаной шерсти.

– Бери, Жорик, в дороге сгодятся, – сказал он.

Там, на чужбине, эти два ковра как раз и спасли нас от неминуемого страшного голода.

Мне тогда было шестнадцать лет. Когда эшелон останавливался, я брал ведро и шел за водой. В нашем вагоне ехала красивая девушка. Звали ее Петимат. Она была родом из Катыр-Юрта, а в день высылки оказалась в Алдах, в гостях у родственников. Она скончалась прямо в вагоне от длительного воздержания. Мой брат Ваха до конца пути скрывал ее под нарами вагона и похоронил в Чилике – небольшом казахском городке. Мертвецов солдаты на ходу выбрасывали с вагонов и потому спецпереселенцы заворачивали их в тряпье и на каждой станции прятали под нарами.

Через восемнадцать суток пути мы прибыли в Алма-Ату, столицу Казахстана. Там, к эшелону подогнали сани, грузовые машины. Мы выбрали грузовик, чтобы не мерзнуть на санных упряжках. Но глубоко просчитались: оказалось, что грузовики предназначались для дальних перевозок. Так и получилось: те, что устроились на санях, остались по близости, нас же увезли за сто двадцать километров, в местечко Каратурук Чиликского района. Это были голодные места, где люди питались всем, что попадало под руку, даже шкурками со свалок неизвестного происхождения. Через три месяца мы перебрались в Чилик. Кроме матери все мы почти разом переболели тифом. До выселения за спиной у меня уже было восемь классов образования. По прибытии в Чилик я устроился на работу в колхоз имени Ворошилова. Бригаду, в которую я попал, возглавлял некий Лазутин, инвалид Отечественной войны. В колхозе нас было всего двое мужчин – он да я. Все остальные – женщины. Приходилось по-

всякому: чистить арыки, погонять быков и лошадей. Моим первым трудовым подарком был костюм. Мне его преподнесли за усердие в пахоте на быках.

В тысяча девятьсот сорок седьмом году я поступил в седьмой класс вечерней школы. В пятьдесят втором окончил десять классов и стал работать учетчиком табаководческой бригады. Там заработал два центнера сахара. В итоге подсобрал немного денег и выехал в Алма-Ату для поступления в кооперативный техникум. В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году после окончания техникума меня направили на работу в межрайонную торговую базу, располагавшуюся на железнодорожной станции Чу. Два года провели мы с супругой на квартире у одной татарской семьи, не имея за душой ничего, кроме заброшенной кем-то железной койки.

В пятьдесят седьмом, несмотря на уговоры директора базы остаться, я взял расчет, необходимые бумаги и выехал на родину.

Был ноябрь месяц, когда я явился в «Респотребсоюзе». Начальником кадров был тогда некий Пальчик. Совсем не дружелюбно встретил меня этот чиновник от торговли. Не пригласив даже присесть, он холодно и более чем откровенно в упор заявил: – Еще неизвестно, что станет с вашей республикой.

Это означало одно: катись-ка ты, братец, туда, откуда пришел. Но я решил не отступать. Пришел к нему во второй раз. В третий...

– Нет для тебя работы! И не будет! – твердил он раз за разом.

– Должна быть! – не отступал я.

Как-то он, доведенный до крайности моим упорством и настырностью, вскочил со своего места и гневно спросил:

– Может, ты метишь на мое место?

– Почему бы нет? – отпарировал я, чинно устроившись в его кресло.

Наконец он не выдержал и устало изрек:

– Что с тобой поделаешь? А что если тебе податься в Ножай-Юрт...

– Подумаю...

В Ножай-Юртовском райпо тогда председательствовал пожилой чеченец, недавно возвратившийся на родину. Он искренне обрадовался моему появлению.

– Я не большой специалист в этой работе, – сказал он, – мы с тобой поступим так: ты займешь мое место, а я буду у тебя в заместителях.

– Нет! – запротестовал я, – так дело не пойдет! И возвратился обратно. Тогда меня направили в Шатойский район. Случилось то же самое.

В «Респотребсоюзе» я приходил почти каждый день. Наконец мне предложили Урус-Мартановский район. Посоветовался с супругой. Поскольку она была родом оттуда, долго уговаривать не пришлось. Легко пришли к согласию.

Моя карьера на родине началась с инструктора по организационной работе Урус-Мартановского райпо. Затем работал директором «Гастронома», экономистом по ценам, заместителем председателя по кадрам...

Сегодня Вахиду Исаевичу Бетербиеву уже перевалило за восьмой десяток. Но «Ветеран труда», «Отличник советской кооперации» и просто надежный друг и товарищ не сидит, сложа руки.

Годы уходят стремительно и безвозвратно. А вместе с ними – целые поколения. И каждый оставляет свой след на этой грешной земле – яркий или буднично серый. Именно этим – следом, оставленным на земле, – измеряется достоинство человека, его правом гордиться или жалеть. У нашего современника, Вахида Бетербиева, не покоренным ни временем, ни возрастом, есть все основания считать себя достойным сыном достойного поколения.

Саид-Альви Лулуев

Незаживающая рана вайнахов

23 февраля 1944 года чеченцы были депортированы со своей исторической родины в бескрайние степи Казахстана и горы Киргизии. С того времени нас отделяет целая жизнь в 70 лет. В местах ссылки депортированные чеченцы, пройдя немислимые страдания и стресс адаптации к суровым и непривычным условиям изгнания, провели тяжелых 13 лет. Достоинством гласности стало, что 17 октября 1943 года было секретное Постановление Совнаркома СССР о депортации чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев. И только 7 марта 1944 года появляется Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации ЧИАССР и об административном устройстве ее территории». А 25 июня 1946 года Президиум Верховного Совета РСФСР принял Закон «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область». Таким образом, власти страны узаконили преступную акцию в национальной политике.

В январе 1944 года в маленькую республику, населенную большей частью чеченцами и ингушами, которую на политической карте СССР не сразу то и найдешь, были стянуты отборные войска НКВД и работников НКГБ и СМЕРШ численностью 120 и 20 тысяч человек соответственно. Эта значительная военная сила, которая так нужна была фронту, имела целью выполнение преступной акции, не имевшей аналогов в истории мировой цивилизации – депортацию чеченцев и ингушей. Официально последние были обвинены в бандитизме, сотрудничестве с гитлеровцами, дезертирстве из Красной Армии, в измене Родине и так далее. Этим огульным обвинением, не имевшим никакой необходимости и человеческих объяснений, Сталин и его клика подготовили и создали почву в стране для чеченофобии. Об этом свидетельствует и опубликованное 26 июня 1946 г. в газете «Правда» заявление секретаря Верховного Совета РСФСР Бахмурова, в котором говорилось следующее: «Во время Великой Отечественной войны многие чеченцы и крымские татары при подстрекательстве немецких агентов вступали в добровольные отряды, организованные немцами, и вместе с немецкой армией сражались против Красной Армии. По приказу немцев они создавали диверсионные банды, чтобы сражаться с Советами в тылу. Основная масса чеченцев и ингушей не оказала сопротивления этим изменникам. В связи с этим чеченцы и крымские татары были переселены в другие регионы Советского Союза и обеспечены материально». Весь этот «пассаж» чиновника от власти представляет собой ничто иное, как ложь и клевету в отношении целых народов, фальсификацию фактов и попытку оправдать решение кремлевской верхушки, признанное позже ошибочным. О том, что это решение неадекватно, не соответствует объективной необходимости военной обстановки и тактическим соображениям, говорят следующие факты.

К началу войны около 10 тысяч чеченцев и ингушей находились в рядах Красной Армии. С началом войны еще около 10 тысяч человек было призвано в армию и 30 тысяч человек добровольно ушло на фронт. Это составляет почти 10 процентов от тогдашней численности этнических вайнахов, основной массы боеспособного населения республики. На территории ЧИАССР боевые действия не проходили, территория оккупирована не была. Когда фашистские полчища прибыли к окраинам города Малгобека, на рытье оборонных рвов и окопов было мобилизовано в трудовую армию еще 18 тысяч человек. Ранее рабочие и крестьяне перечислили в фонд обороны 5 млн. руб., а на выпуск

бронепоезда им. А. Шерипова собрали 12,5 млн. руб, отправили на фронт 400 вагонов с продовольствием.

А на фронтах ВОВ вайнахи показывали образцы мужества и героизма. О них ходили легенды, восторженно писали в советской прессе и фронтовых изданиях. Героические поступки чеченцев ставились в пример советским воинам. Ими восхищались, их воспевали в стихах и песнях поэты и певцы страны. Несмотря на всевозможные препятствия из-за пятой графы в паспорте, вайнахи представлялись к самым высоким боевым наградам. Знал ли об этих фактических обстоятельствах глава государства и «вождь народов» Иосиф Джугашвили? Безусловно, знал. Сталин был порождением идеологии слияния наций под началом власти данной идеологии. Эта власть была узурпирована вчерашними зеками и холопами бывшей крепостной России. Хоть крепостное право было отменено в 1861 г., души чиновников и самих крепостных не были освобождены от рабской психологии. Наоборот, внесено было атеистическое сознание, создающее основу безответственности за совершение проступков, несовместимых с богобоязненной нравственностью и моралью благочестивого общества. Доносы на соседей, родителей и соратников поощрялись и использовались вопреки интересам демократического строительства. А это порождало в обществе страх, репрессивные меры и противостояние власти и народа. Сталин блестяще владел оперативной обстановкой на местах, знал, что вайнахи – антипод рабских общественных отношений, знал о несовместимости их ментальности с существовавшим укладом жизни. Фанатическая преданность чеченцев идее свободы, выражаемая даже в приветственных словах «Марша вог Iийла!» (Приходи свободным!) так сильна, что не укладывается в рамки обычных классических понятий. Свободолюбие и богобоязненность чеченцев не признавали идею и политику государственной машины, созданной безбожниками, не терпящей инакомыслия и проявления непокорности. Это проявлялось и в местах выселения чеченцев. Читателям, наверно, известны знаменитые слова А.И.Солженицына по этому поводу. Описывая тяжесть жизни в условиях депортации и жестокости «серпа и молота» советской власти, рисуя черты переселенных народов, их вкусы и склонности, он писал: «Но была нация, которая не поддалась психологии покорности, – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чечены». («Архипелаг Гулаг»).

И. Сталин был блестящим стратегом политики тоталитарного режима. Обладая неограниченной властью и жестоким нравом, он подавлял инакомыслие, держал в страхе как окружение, так и приспешников на местах. Владея оперативной информацией на местах, он искусно манипулировал ею при осуществлении тоталитарной политики. Пропагандируя слияние наций, он пытался превратить народы в безликие массы, представляющие Советы. Этот народ назывался советским. Сталину доносилось все и в таком виде, в каком ему нравилось. Об этом свидетельствует и статья А. Витковского «Чечевица», напечатанная перед выселением. Он знал, что среди чеченцев меньше всего смешанных браков и их национальное сознание не приемлет быть приложением чего-либо... Последнее обусловлено нравственно-религиозными и другими личностными качествами, воспитанием в духе традиций военной демократии в чеченском обществе на протяжении тысячелетий. Эти качества не вписывались в рамки государственной политики сталинского режима. Они послужили главным фактором и основной причиной депортации чеченцев, задуманной задолго до начала войны. Впоследствии вайнахи одной из причин депортации называли безволие и слабость руководителей республики, не проявивших заботу о своем народе и ненадлежащее отстаивание его законных прав и интересов. Да, такой факт имел место быть. Но он явился лишь признаком малодушия конкретных лиц, а не причиной выселения целого народа. Не были причиной и вменяемые ему

вину деяния. Они вменялись, чтобы оправдать, узаконить геноцид и создать негативное общественное мнение.

К декабрю 1941 г. 60 миллионов советского населения из 150 уже были против власти Сталина, которая уничтожила до начала войны лучших сынов и дочерей страны. Сталин издал приказ № 0019 от 16.07.41 г.: «На всех фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом соприкосновении с ним бросают оружие». В Белостокском котле в июле 1941 г. из 340 тыс. советских пленных было 20 тыс. перебежчиков. Из двухмиллионной армии, сдавшей с ее командиром генералом А. Власовым, около 200 тыс. бойцов составляли РОА – Русскую освободительную армию. 22 августа 1941 г. командир 436-го стрелкового полка майор Кононов открыто объявил своему полку, что переходит к немцам, и по его приглашению весь полк пошел с ним. Таких фактов было множество, создавались заградительные отряды. В октябре 1941 г. Сталин телеграфно предлагал премьер-министру Англии высадить на советской территории 25-30 английских дивизий. На территории ЧИАССР официальными властями принимались всевозможные провокационные акции и репрессивные меры, вызывающие недовольство властью. В 1942 г. во все военкоматы и подразделения действующей Красной Армии было направлено распоряжение под грифом «Совершенно секретное», в котором была директива: чеченцев и ингушей в армию не призывать, к наградам не представлять, звания не присваивать. А с марта 1943 г. их вообще стали снимать с фронтов: шла подготовка запланированной депортации «врагов народа». «Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда их выслать», – отмечал в своем докладе А.С. Хрущев 20 съезду КПСС «О культе личности и его последствиях» в 1956 г.

Ранним утром 23 февраля 1944 г. началась операция по выселению чеченцев и ингушей. Кстати, выселения других народностей также осуществлялись в праздничные дни – 8 марта, 1 мая, 7 ноября, – которые для депортированных становились отныне траурными. Из домов во всех населенных пунктах выгонялись беззащитные старики, дети, женщины. Молодые, трудоспособные находились на фронтах. Оглашали приказ ГКО: за проявление недовольства, попытку к бегству – расстрел. Тех, кто болен, бессилен идти, в труднодоступных местах горных районов расстреливали на местах. Так, в Галанчожском районе из близлежащих хуторов в селении Хайбах было загнано в конюшню и сожжено 770 жителей. За эти злодеяния вместо наказания виновники были щедро поощрены высокими государственными наградами.

О характере самого страшного и кровожадного тирана, вождя коммунистической партии большевиков Сталина убедительно и точно говорится в некрологе на его смерть, написанном знатоком технологии власти Советов, Абдурахманом Авторхановым и опубликованном в журнале «Свободный Кавказ» № 3/18 март, 1953 г.: «Сталин, наконец, умер. Перестало биться волчьё сердце и работать дьявольский ум. Ушел человек, в котором не было ничего человеческого – ни души, ни любви, ни жалости. Холодная жесткость профессионального начала, и звериный инстинкт самосохранения роднили его больше со звериным племенем, чем с родом человеческим. Ушел человек, который обессмертил свое имя миллионами смертей самых человеческих из людей в чекистских подвалах, сибирской тайге, колымских рудниках, среднеазиатских песках и кавказских горах. Ушел человек, который создал, укрепил и расширил беспрецедентную систему государственного рабства и черного мракобесия. Ушел человек, который вырастил по своему образу и подобию целый легион народных палачей, жадно ухватившихся за осиротелый трон. Ушел человек, который на протяжении 30 лет безнаказанно плавал в море крови наших отцов и братьев, в реках слез наших матерей и сестер. Ушел самый проклятый из всех проклятых людей, которые когда-либо шагали по этой земле...»

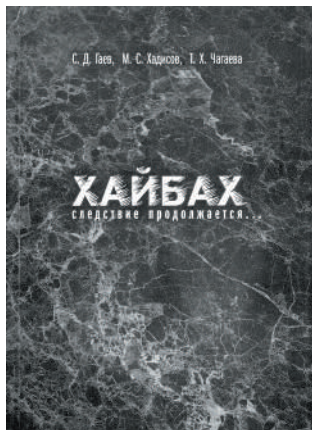
По мнению известного историка, экономиста и политического деятеля Р. Хасбулатова в момент выселения численность чеченцев должна была составлять 800 тыс. человек, из которых 50 тыс. находилось на фронтах. Разница с официально выселенным числом вайнахов, по его мнению, объясняется причиной карательных и репрессивных мер, сокративших число чеченцев. В результате тех же мер, более половины вымерло в холодных степях и непривычных, холодных климатических условиях Казахстана и Киргизии. 13 лет в насильственном изгнании – это акт вопиющего произвола и беззакония, демонстрирующий неблагодарность власти и ее чиновников к народу, чьи сыновья вносили огромный вклад в общее дело уничтожения коричневой чумы. Заслуги чеченцев на фронтах ВОВ умышленно скрывались. Умалчивалось и о героических подвигах чеченцев, принимавших участие в обороне Брестской крепости (около 400 человек), под Сталинградом, в обороне Ленинграда, в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, взятии Берлина и т.д.

13 лет чеченцы тоскливо и с болью в душе смотрели на запад и мечтали о встрече с родными горами, не теряя надежды увидеть их. Однажды автор этих строк сам слышал, как мать с надеждой спрашивала у родственника: «Вай цӀа маца дохуьтур ду те?» (Когда же нас отпустят домой?). Не понимая сути, я спрашивал: «А разве мы не дома?» – «Нет, сынок, мы не дома. Наша родина на Кавказе, там и наш дом». В силу малолетства, я не знал, что такое Кавказ, и спросил, что это за слово. «Мы находимся в Средней Азии, а Кавказ – это далекий край, с которым не сравнить ни одно место Земли. Нас насильно пригнали сюда, но, придет время, и мы возвратимся в свой родной райский край», – пояснила мать. Вскоре это, действительно, произошло. Под давлением мировой демократической общественности, обращений интеллигенции вайнаховской национальности, власти решили, «что дальнейшее применение ограничений спецпоселения чеченцев и ингушей не вызывает необходимости» и освободили их из-под административного надзора, разрешили вернуться на Родину.

Прибыв на Родину, вайнахи опять столкнулись со многими трудностями. После возвращения из Киргизии нашей семье пришлось три месяца находиться в походном положении, не имея возможности заселиться в свой же дом. В нем жила лакская семья, у которой отцу пришлось выкупать его. В подобной ситуации оказывались и другие семьи. Однако половинчатые меры властей, их непоследовательность, не могли иметь эффективного результата или снять с народа ярлык бандитов, врагов народа, дезертиров и предателей, получать подлежащие компенсации. Ни Хрущев, ни другие руководители государства не были заинтересованы в полной и действенной реабилитации чеченцев и восстановлении поправной справедливости. «В сознании не только марксиста-ленинца, но всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение, как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям...», – говорится в указанном выше докладе Н. Хрущева. Однако он не проявил надлежащей принципиальной последовательности, необходимой в восстановлении полной и объективной справедливости. Чего стоит социальный заказ такого типа: «В то время, когда вся Советская власть, весь советский народ встал на защиту Родины и делал все возможное для победы над фашистской Германией, чечено-ингушский народ стоял в стороне и наблюдал за разгромом фашизма...». Исполнителем этого заказа был автор романа «Буйный Терек», писатель Х. Мугуев. Недостойному для кавказца циничному пасквилю достойный ответ дал в свое время славный сын чеченского народа Халид Ошаев. Однако злопыхатели продолжают пускать свои ядовитые стрелы в израненные, оскорбленные души чеченцев и ингушей и по сей день. Например, книга И. Пыхалова «За что Сталин выслал

народы?», в которой автор делает лживые и шовинистические выпады в адрес чеченцев и других депортированных народов. Такие выпады возбуждают в обществе нездоровые отношения между народами, травмируют память и сознание людей, переживших трагедию, порождают негативные домыслы. Помню, в бытность мою курсантом школы милиции в г. Свердловске на вопрос, правда ли, что чеченцы дезертировали из рядов Красной Армии, переходили на сторону немцев и становились предателями, за что их пришлось выселить, преподаватель политподготовки подполковник милиции Ильин ответил: «Да, были такие факты!» Его необдуманный и основанный на слухах и домыслах, посеянных пыхаловыми, мугуевыми и т.д., ответ порождал ложный взгляд на события и веру в виновность чеченского народа и его наказание «за дело». Как сын депортированного, я не имел силы промолчать и потребовал объяснения. Не найдя таковых, Ильину пришлось извиниться. Однако в моей душе происшедшее оставило неприятный осадок. Есть память сердца и память ума.

Антиконституционное и бесчеловечное деяние тоталитарной системы и сталинско-бериевского режима, страшное и трагическое событие, коснувшееся каждой семьи, засело в умах и сердцах всех, кто пережил его. Память об этом передается от поколения к поколению. По этому факту никогда не будет этнической амнезии. Его тяжесть и негативные последствия требуют этого. Еще одним свидетельством тому – вышедшая недавно книга Мужухоевой (Орстхо Р.) «Дети униженного детства». В ней автор делится своими воспоминаниями о выселении своей семьи, о своей трудной судьбе на чужбине. Книга написана таким живым и понятным языком, что, читая ее, рисуется ясная картина объективных мыслей автора, ее ностальгии по старому, доброму и гостеприимному Грозному, разрушенному в ходе двух последних военных кампаний. Первым шагом автора в жизни была ссылка и униженное детство, которое она провела в Казахстане. Маленькие истории ее жизни схожи с историей жизни народа. Читая их, кажется, что она, то мать, то сестра, то ровесница, то учительница, дающая знания и помогающая делать правильные шаги, показывающая, что такое хорошо, а что такое плохо. В любом случае Р. Орстхо – достойная дочь своего народа, оставившая большой педагогический и литературный след в истории чеченского народа. Именно такие люди воспитывают в человеке патриотические чувства и стремление к честной, полезной обществу жизни. Да будет ею доволен Аллах! Пусть никогда наш народ не постигнет подобная трагедия. Правовая абсурдность официально выдвинутых причин депортации чеченцев объективно доказана. 26 апреля 1991 года вместе с другими народами чеченцы получили свою реабилитацию в соответствии с Законом «О реабилитации репрессированных народов СССР».

Книжные новинки**Хайбах: следствие продолжается**

В Нальчике под эгидой Архивного управления ЧР вышло второе дополненное и переработанное издание «Хайбах: следствие продолжается...», в которое вошли все известные материалы, связанные с трагедией в селении Хайбах 23 февраля 1944 года. В тот день оперативными группами НКВД по отношению к местным жителям были совершены чудовищные преступления. «Испытывая трудности с транспортировкой жителей, из-за отсутствия дорог» (такое оправдание нашли своим зверствам «доблестные» советские воины), в селении Хайбах заживо были сожжены более 700 человек. Среди жителей, загнанных и запертых в местной колхозной конюшне, находились «нетранспортабельные» больные старики, дети, беременные женщины...

Как отмечают составители (С.Д. Гаев, М.С. Хадисов, Т.Х. Чагаева), идея создания такой книги «зародилась еще в начале 90-х годов XX века, когда стали накапливаться письменные воспоминания очевидцев, протоколы их допросов, данные судебно-медицинской экспертизы останков погибших, многочисленные газетные публикации, фотодокументы... Поэтому и решено было воскресить в людской памяти минувшее. Ознакомившись с содержанием этой книги, читатели могут сразу вспомнить Хатынь, Куропаты, Лидице, Сонгми... И не наша вина, что об этой трагедии мы узнали лишь полвека спустя: до тех пор это была запретная для обсуждения тема».

Хайбах называют чеченской Хатынью, хотя число жертв в Хайбахе было несоизмеримо больше. Однако авторы и составители книги приводят такое сравнение лишь для того, чтобы подчеркнуть масштабы трагедии. Но в то же время отмечают, что есть одно очень важное отличие этих трагедий: «на белорусской земле зло творил враг, с которым на тот период боролся весь многонациональный советский народ, а в высокогорном селении Хайбах людей жгли те, кто должен был в тот период сражаться на фронтах Великой Отечественной войны, отстаивая свободу и независимость великой страны».

К нашим иллюстрациям**Фольклорные мотивы
в творчестве мастера**

Сайдбек Байалиевич Хитиев родился 15 августа 1963 года в крестьянской семье в селении Харачой Веденского района Чечено-Ингушской АССР. Как вспоминает он сам, это была большая многодетная семья (шесть братьев и одна сестра), приходилось нелегко, однако родители умудрялись вести хозяйство таким образом, чтобы дети всегда были одеты, обуты и сыты. В дружной семье они росли подмогой старшим: когда отец перегонял овец на зимовку в горы, Сайдбек всегда сопровождал его в этих перегонах. Леса, стремительные горные речушки и водопады – все эти красоты родной природы пленили сердце и воображение будущего художника и скульптора с раннего детства. Первые самостоятельные шаги в мир изобразительного искусства он сделал задолго до того, как сел за школьную парту и выучился чтению и письму. А в школе талантливый юный художник и резчик по дереву пользовался у одноклассников большим авторитетом – картины и деревянные поделки Сайдбека неизменно занимали призовые места на всех конкурсах и выставках, где только довелось ему принять участие.

Получив среднее образование и отслужив в рядах Советской армии, Сайдбек пошел работать в школу учителем рисования. Примерно в эти же годы (середина восьмидесятых) одна из его художественных работ была отправлена в Москву для участия в самой знаменитой выставке советского периода – Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ). Там она была представлена к награде почетным дипломом и серебряной медалью ВДНХ.

В девятиднейные годы с открытием на базе Чеченского госпединститута факультета искусств у Сайдбека появилась возможность, не выезжая из республики, получить высшее профессиональное образование. Это был очень плодотворный период в его творческой деятельности – написано более сотни картин, изготовлено множество резных (в основном деревянных) предметов искусства, которые автор объединил общим названием – «Жизнь вайнахов». К сожалению, все они были безвозвратно утеряны во время боевых действий на территории нашей республики в 1999–2000 годы. Но художник не унывает и верит – самые удачные находки и счастливые моменты творческого вдохновения у него еще впереди.

На обложке представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Баинья», 2 стр. – «Тюльпаны», 3 стр. – «Шун» (национальное чеченское блюдо), 4 стр. – «Пахарь».

Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Умар Яричев (1941). Родился в селе Кулары Грозненского района. Член Союза писателей СССР. Первое стихотворение было опубликовано в 1963 году в Грозненской районной газете «Заветы Ильича». Входит в плеяду лучших чеченских поэтов. Автор пяти поэтических сборников, пьесы «Верность друга», песни на его стихи пели такие известные певцы, как Али Димаев, Александр Барыкин, Имам Алимсултанов, Бекхан Барахоев, Магомед Ясаев и другие.

Шаран Дашаев (1940). Родился в с. Урус-Мартан ЧИАССР. Окончил Чечено-Ингушский пединститут, Высшую партийную школу при ЦК КПСС. С 1960 по 1965 год работал учителем русского языка и литературы, чеченского языка и литературы, завучем, с 1965 года – корреспондентом радио, с 1966 года – в районной и республиканской газетах заводделом, замредактора, редактором. С 1999 по 2006 год – начальник отдела, заместитель и 1-й заместитель главы администрации г. Урус-Мартан. Его статьи, очерки, рассказы публиковались на страницах республиканских газет, журналов «Вайнах», «Орга».

Майрбек Лулуев (1956). Родился в Казахской ССР. В 1983 году с отличием окончил Чечено-Ингушский госуниверситет по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Стихи пишет со школьной скамьи. Печатался в журнале «Орга», «Вайнах», в районной газете «Колхозная жизнь». С 1993 года проживает в Саратовской области. Там же публикуется.

Арби Падаров (1970). Родился в г. Гудермес ЧИАССР. Образование высшее, экономическое. С 2005 года возглавляет отдел политики и экономики газеты «Гумс». Член Союза журналистов России. Пишет стихи, статьи публицистического характера. Публикуется в местных периодических изданиях (журнал «Вайнах», «Орга», «Нана» и др.).

Иса Окаров (1952). Родился в Семипалатинской области Казахской ССР. В 1990 г. Окончил Литературный институт им. Горького (семинар «Художественный перевод»). Член Союза журналистов СССР (РФ). Работал на республиканском телевидении, в редакциях газеты «Заветы Ильича», журнала «СтелаЛад».

Саламбек Алиев (1977). Студент отделения журналистики ЧГУ. Пишет в жанрах прозы и публицистики. Печатался в журнале «Вайнах», газете «Грозненский рабочий» (ЧР) и в интернет-журнале «Пролог» (Москва). Участник IV, V и VI совещания молодых писателей Северного Кавказа (Цей – 2011, Махачкала – 2012, Грозный – 2013) и XII форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья.

Фухтар Ибрагимов (1960). Окончил ЧИГПИ по специальности «учитель русского языка и литературы». В настоящее время работает в должности заместителя главы администрации Курчалоевского района. Публикуется в местной периодической печати. С 2011 года член Союза журналистов России.

Гунки Хукиев (1952). Родился в Киргизской ССР. В 1959-1969 годы учился в средней школе с. Бачи-Юрт Курчалоевского района. В 1973 году поступил в Грозненский нефтяной институт по специальности «инженер-строитель, по окончании которого принимал участие в строительстве важнейших объектов местного и союзного значения. Участник ликвидации последствий землетрясений в Армении, а также руководил строительством в городах Спитак и Степанаван. С 1992 года живет и работает в Чеченской Республике. В 2007 году удостоен звания заслуженного строителя ЧР.

Саид-Альви Лулуев (1954). Родился в Киргизии, в поселке Хайдаркан. В 1987 году окончил Свердловский юридический институт, факультет правоведения. Работал в МВД СССР с 1980 по 1992 годы. С 1992 года по 2003 г. – в судебной системе, судьей. В настоящее время судья в отставке, работает консультантом аппарата Уполномоченного по правам человека в ЧР. Пишет публицистические статьи с 1972 года. Публиковался в свердловской газете «На смену», «Уральский рабочий», «Вечерний Свердловск», а также в республиканских СМИ: в газете «Вести республики», «Молодежная Смена», «Зори ислама», «Гумс», «Герская новь», «Слово народа» в журнале «Нана». Автор трех книг: «Геноцид чеченского народа», г. Махачкала, 1996 г., «Чечня: былое и думы», Гудермес, 2005, «Конец двадцатого», г. Хасав-Юрт, 2008 г., «Вижу футбол», Нойбера, 2013. В журнале «Вайнах» публикуется впервые. Член Союза писателей России.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.